

Проект «Окологоловные уборы». Настя Ульянова, 10 лет

Дипломный проект. Раздел «Искусство Древнего Египта»
Коллективная работа. 14–15 лет

Проект «Окологоловные уборы». Саша Бова, 10 лет

Дипломный проект: Раздел «Искусство Древней Греции».
Маска Сократа. Коллективная работа. 14–15 лет

АРХИТЕКТУРА И ДЕТИ

Студия Архитектурного Творчества

ОЛЬГА БАРМАШ

A+A

МОСКВА 2023

УДК 371.39:377

ББК 371.39:377

Б 25

*Ad***M***arginem* **ABCDESIGN**

Редактор — Ольга Артёменко

Дизайн макета и обложки — Анна Скржинская

Бармаш, Ольга Аркадьевна.

Архитектура и дети. СТудия АРхитектурного
Творчества / Ольга Бармаш. Москва: Ад Маргинем
Пресс: ABCdesign, 2023 (A+A). — 232 с.: цв. илл. —
ISBN 978-5-91103-703-1
ISBN 978-5-4330-0205-0

Книга рассказывает о создании и становлении легендарной архитектурно-творческой студии «СтАрт», ее преподавателях, выпускниках и коллегах. На страницах приведена авторская уникальная методика преподавания, создатели которой получили Государственную премию Российской Федерации. Методика обучения распространена на 300 городов России и используется до сих пор. Ее материалы, упражнения способствуют формированию особенного мышления, которое помогло найти себя в жизни сотням учеников. Теперь этими знаниями сможете воспользоваться и вы.

Издание будет полезно всем, кто интересуется архитектурой, творчеством, а также подойдет широкому кругу читателей.

КНИГА ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

© «ABCdesign», 2023

© Ольга Бармаш, 2023

ОТ АВТОРА	14
С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ МОЯ ШКОЛА	15
КАК Я ВЫБРАЛА ПРОФЕССИЮ	17
ВХУТЕМАС И ДЕТИ	18
СТАРТ СТАРТА	19
ВЫБОР СВОЕГО ПУТИ	26
НАШИ «СТАРТ-ПАРАДЫ»	34
НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ	44
«ЗА РАБОТУ С ДЕТЬМИ И ГОСПРЕМИЮ?»	
КАК ЕЛЬЦИН ВРУЧАЛ НАМ НАГРАДУ	46
СЛОВО О ЦВЕТЕ	48
КОЛЛЕГИ ИЗ РЕГИОНОВ	53
НАШИ КОЛЛЕГИ	55
НАШ КОТЕЛ	63
КОНЦЕПЦИЯ МЕТОДИКИ СТУДИИ «СТАРТ»	
ИНГИ АБАЕВОЙ И ОЛЬГИ БАРМАШ	67
СВОБОДА ИЗНУТРИ	71
СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬ	73
ОСВОЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ	82
ОБРАЗНО-ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	88
КОЛЛЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ТВОРЧЕСТВА	96
ХУДОЖЕСТВЕННО-КОНСТРУКТИВНОЕ ВИДЕНИЕ МИРА	98
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ	102
СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ	106
ИНТУИЦИЯ	112
ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ МЫШЛЕНИЯ	114
ОСВОЕНИЕ КОМПОЗИЦИОННОГО ЯЗЫКА АРХИТЕКТУРЫ	118
АТМОСФЕРА В СТУДИИ	120
СИМВОЛ СТУДИИ	127
НАШ МЕТОД И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА	129
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ФИНЛЯНДИИ	135
ЗА ПРЕДЕЛАМИ	137
ПОДАРКИ АРХИТЕКТОРОВ	145
ДУХ СТУДИЙНОСТИ	147
НАШИ ДИПЛОМЫ	153
Я И МОИ УЧЕНИКИ	161
А ТЕПЕРЬ «ОДА К РАДОСТИ»!	165
ПОСЛЕСЛОВИЕ	170

Мысль написать о «СтАрте» посещала меня давно и довольно часто. Есть что вспомнить (и забыть тоже). О студии, если меня не остановить, могу писать сорок лет — ровно столько, сколько она существует, но последним «пинком» для меня взяться за эти записи стало посещение выставки «Наследники ВХУТЕМАСа».

В конце экспозиции, на первом этаже, меня под руку взял какой-то пожилой дядечка и отвел в маленькую комнату, где были представлены как последователи, кажется, все: МАрХИ, МАрШ, Британка, Российская академия художеств, Институт бизнеса и дизайна, Музей Маяковского, Строгановка, РГУ, Театр архитектурной формы (ТАФ) А. П. Ермолаева, многочисленные отделения дизайна и архитектуры при вузах, студия ЭДАС Владислава Кирпичева. И только экспозиции школы «СтАрт» почему-то там не было. Скорее всего, о «СтАрте» просто забыли.

А ведь мы были в свое время одними из первых, кто осознал огромное значение русского авангарда в деле воспитания проектного мышления.

Работы учеников «СтАрта» видел буквально весь мир, а методику, которую мы создали вместе с Ингой Абаевой, до сих пор используют в обучении детей и подростков в школах, студиях и детских центрах по всей России.

Основатели студии «СтАрт»
Ольга Бармаш и Инга Абаева (слева направо).
Моспроект-4. 1972 г.

Знание о том, какой точно не должна быть школа и любое место, где учат детей, появилось в моей жизни вследствие личного опыта. Потому что для меня советское общеобразовательное учреждение было территорией несвободы — школой унижения.

В те времена школьники были абсолютно бесправны, а учителям позволялось многое. Это сейчас ученики и родители могут хоть как-то противостоять неуважению и хамству со стороны учителей, тогда все было гораздо жестче.

В первых классах завуч Лизавета Тимофеевна любила заходить к нам на урок и «воспитывать». С большим чувством она декламировала: «Парта — это не кровать, и на ней не надо?..» — а мы должны были дружно, хором прокричать: «Спать!» Она продолжала: «В здоровом теле здоровый...» — «Дух!», «Смех без причины — признак...» — «Дурачины!» За глаза все ее звали, конечно, Дурачиной. «Атас! Дурачина идет!» — слышалось в школе в любой ситуации, не только тогда, когда могли наказать или прилюдно отчитать.

Еще она почему-то любила близко подходить к моей парте и с иезуитской улыбочкой склоняться надо мной. Видимо, ее завораживало мое полубомбочное состояние, с каждым ее шагом приближающееся к обморочному. Дело в том, что она носила поверх какого-то мужского пиджака лису-чернобурку. Мне эта лиса казалась живой, особенно пугал взгляд изумрудно-зеленых злобных глазок. И — о ужас! эта Дурачина стала нашей классной в пятом классе! Меня она невзлюбила окончательно.

Как-то я позволила себе что-то на уроке, не помню, что именно, и она возопила: «Бармáш! У тебя есть мозги на плечах?» «Бáрмаш», — поправляю я. «Я и говорю Бармáш, у тебя есть мозги на плечах?» Я посмотрела на левое плечо, потом на правое и говорю: «Вроде нет». Тогда она, озверев абсолютно, прохрипела: «Вон! Выйди из класса!» И зачем-то добавила: «Вся!», чем вызвала повальный хохот.

Я долго хранила ее дивные замечания в дневнике: «Исправляла тройки на пятерки в чужих дневниках!» и «Рисовала в тетради по русскому языку». Если бы она знала, что я не только отметки исправляла — целые замечания стирала. Папа, художник по специальности, научил меня складывать лезвие буквой «С» и срезать — не скоблить, а именно срезать — тексты и кляксы.

Позже, в МАрхИ, уже все умели это делать, но мой опыт был богаче — на вступительном экзамене по черчению, помню, пришлось кляксу с работы соседа срезать. Никто ни разу не попался — это можно было обнаружить только в том случае, если смотреть на просвет, но до этого не додумались.

Географичек у нас было две — почему-то они постоянно менялись. Одна из них — крошечная и, как почти все они, противная. Звалась она у нас Дерьмовочкой. Вторая — огромная, коротко стриженная и тоже, как завучиха, в мужском пиджаке с ватными плечами, слава богу без чернобурки, звалась Мужичкой.

Не менее «интересной» была ботаничка Кейля Марковна — Кило Морковки мы ее звали. Она входила в класс, обводила всех глазами и спокойно и членораздельно говорила: «Не-на-ви-жу!» Мы ей платили тем же, естественно. Внешне, ко всему прочему, она была абсолютной бабой-ягой из мультиков — вскопченные волосы, огромный горбатый нос с бородавкой и зубы...

Помните, в одной из сценок гениальный сатирик Жванецкий вспоминает своего учителя Бориса Ефимовича Друккера: «Говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий и кричащий на нас с седьмого класса и по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот»? Это в точности то, что мы тогда видели каждый день. Но тем не менее таким способом знания в нас вбивали, и мало кто — что у Жванецкого, что в нашей реальности — мог не ответить, уже став взрослым, на какой-то вопрос по предмету или допустить ошибку.

По прошествии времени мне стало понятно, что все учителя, не проявляющие к детям любви и пытающиеся так странно с нами взаимодействовать, — жертвы войны и послевоенного времени, но тогда ведь мы этого не понимали. Как не понимали и того, почему взрослые, которых нас учили уважать, совершенно не уважают нас.

Повезло мне в школе только с двумя учителями — литературы и истории.

Учительница по литературе, будучи поклонницей Серебряного века, открывала нам имена Блока и Белого, Гумилева и Ахматовой. Очень не любила неграмотность, не дай бог, кто-то спросит: «Сколько время?» или «До сколько?». Не любила, когда говорили «утончённый». «Утончённый», — поправляла она мягко, — от слова «тонкий»».

Учитель истории, Юрий Натанович Баранов (за глаза его звали Юрий Бараныч, что было совершенно несправедливо), научил нас быстро схватывать суть — конспектировать, почти стенографировать текст. Он ввел значки на часто повторяющиеся словосочетания, и нам эти навыки не раз ещегодились в последующей жизни. А еще он не любил, когда неправильно произносили названия стран СЭ-ШЭ-А, ФЭ-ЭР-ГЭ, и поправлял — ЭС-ША-А, ЭФ-ЭР-ГЭ.

Эти два учителя стали маяками в океане знаний и школы жизни того времени, их отношение к нам, детям, разительно отличалось от большинства остальных взрослых преподавателей.

Я на всю жизнь запомнила историю, как классе в девятом одна девочка пришла в школу не с косичками, а с хвостиком, да еще ресницы осмелилась подкрасить. Училка сбегала за завучем, и та самая Лизавета Тимофеевна, с чернубуркой на плечах, вцепившись в хвост девочки железной хваткой, оттащила ее в туалет, сунула голову под струю холодной воды и мокрую, с растекшейся по всему лицу тушью втокнула в класс. Стресс был не только у этой девочки, но и у всего класса.

Унижение перед всеми, размывание индивидуальности, а в данном случае в прямом смысле этого слова подавление свободы во всем: свободы мысли, мнения, свободы принимать решение — все это советская школа времен моего детства.

Подозреваю теперь, что в детстве была аутисткой. Тогда этого слова никто не знал, но помню, что любое коллективное начинание вызывало во мне отторжение и даже панику. На вопрос «Как тебя зовут, девочка?» всегда отворачивалась и ворчала: «Как всех — Оля». Моя ежегодная характеристика всегда начиналась словами: «Из состоятельной семьи (у каждого характеристика начиналась с этого — время послевоенное, неблагополучное), но замкнута, от любых общественных поручений отказывается». Да, так и было. Ни разу не была в Мавзолее. Как только Дурачина объявляла о том, что завтра у нас вместо уроков посещение Мавзолея, заболела — по-настоящему, с температурой.

Отчетливо помню, как иду с бабушкой по Цветному бульвару. Мне лет семь. Воскресенье. Пасха. Встречаем ее нарядных подруг с куличами в авоськах. «Христос воскрес!» — хором возвещают они. «Воистину воскрес!» — отвечает бабушка. Я мрачно молчу. Бабушка толкает меня и шепчет: «Скажи — воистину воскрес, что же ты молчишь?» Но я не произнесла ни звука. Помню это смятение и желание убежать — я даже дергала ее за руку. Бабушкины подружки остались недовольны моим поведением: «Невоспитанная, дикарка».

И быть может, кто-то скажет, ну и что, нас тоже так в детстве воспитывали, даже били порой, зато какими мы выросли! А я отвечу: какими «такими» вы выросли?

А теперь внимательно посмотрите, какими выросли дети, которых мы любили и обожали в студии, бережно окутывая их знаниями и никогда не оскорбляя ни их достоинства, ни их способа самовыражения и тем более не уравнивая их в горизонте общеобразовательного подхода «я не объясню, почему надо делать именно так, но вы должны делать именно так».

Теперь, по прошествии времени, я знаю, что мой опыт в общеобразовательной школе дал мне точное знание, какой школа быть не должна.

Каким должен быть «СтАрт», я поняла гораздо позже, но это — внутреннее отвержение абсолютной нелюбви к детям и отрицание подобного подхода к образованию — стало одним из кирпичиков фундамента, на котором мы впоследствии основали «СтАрт».

КАК Я ВЫБРАЛА ПРОФЕССИЮ

Наверное, не совсем осознанно, но хотелось вырваться из школьных застенков. В те годы родители были не очень озабочены дополнительным образованием детей. И, учась в третьем классе, я самостоятельно отправилась во Дворец пионеров записываться в балетную студию.

Повертели там мою стопу, подняли как могли ногу и заявили: «Никаких данных. Ноги, как лыжи — подъема нет совсем и растяжки тоже».

Поплакала я и пошла в хоровую студию. И снова неудача: ни слуха, ни голоса.

Так, от отчаянья, оказалась я в изостудии. Отец мой был художником, который с детства мечтал о профессии архитектора. После многочисленных ранений и путешествий по госпиталям ему пришлось заниматься оформительскими работами в послевоенной Москве. Он часто халтуру домой. Слово это мне не нравилось, зато нравились запахи, которыми наполнялась комната — столярный клей, краски, лаки.

Активности давления на выбор профессии с его стороны я не испытывала, да и неблагодарное это дело — давить на подростка. И все-таки именно он подтолкнул меня к поступлению в МАРХИ, к своей неисполненной песне. Иногда только подсовывал книги по искусству и архитектуре и время от времени вытаскивал на этюды.

Моя институтская эпопея закончилась в 1971 году, после чего я благополучно осела в замечательной бригаде замечательного человека Ираклия Мосешвили. Было весело, и проекты были интересными, нетиповые привязки. На работу бежала как на праздник. Ираклий сидел за одной партой с самим Сергеем Парджановым в тбилисской школе. Как-то после очередного визита туда рассказывал, как они встретились в одной общей компании и Сергей спросил его: «Ну, Ираклий, ты, когда сидел со мной рядом, понимал, что с гением сидишь?»

В Моспроекте-4 произошли еще два важных события, во многом повлиявших на мою дальнейшую жизнь. Сначала я познакомилась с Ингой, мы вместе проектировали и построили два объекта — госпиталь МВД в Москве и дом отдыха в Отрадном. Потом там же, в коридоре с ней поздоровался какой-то молодой человек. На мой вопрос о том, кто это, она страшно удивилась: «Ты его не знаешь? Это же Таранов!»

Стало стыдно, что не знаю Таранова.

Вскоре позвонил Лёша Нейман, мой бывший преподаватель рисунка в институте, и сказал: «Профессор МАРХИ Кирилл Николаевич Афанасьев просит найти девочку “порабствовать” на конкурсе, которая говорила бы медленно, а чертила быстро. Кажется, это про тебя». Я пришла. Компания оказалась очень интересная: Костя Мошкин, Андрей Некрасов и тот самый Таранов. Обстановка родная, как на Трубе¹. Острили, хохотали постоянно, так и работали.

Кирилл Николаевич, расположившись ко мне сразу, время от времени шептал мне на ушко: «Присмотритесь к Таранову, я знаю его всю жизнь и еще немножко (Афанасьев учился во ВХУТЕМАСе в одной группе с мамой Андрея. — О. Б.), он человек особенный, теперь это редкость, поверьте мне, старику». Каждый год 25 января, в годовщину свадьбы, вспоминаем Кирилла Николаевича. Несмотря ни на что, конкурс сдали вовремя. Получили какие-то смешные деньги и пропивали их так же смешно. Летом, в жуткую жару в ресторане «Центральный» с блинами и икрой. Продолжение было более красивым и романтичным.

¹ Трубная площадь, где студенты МАРХИ в течение года работали над дипломным проектом.

Детскому рисунку присуща свобода обращения с геометрией — палка, палка, огуречик. Или домик: всегда у детей квадрат с еще одним, маленьким внутри — стена с окошком, а треугольник — крыша. Эта природная склонность ребенка к стилизации и привела нас в свое время с Ингой Абаевой к мысли широко использовать достижения нашего авангарда.

Учили мы и неподготовленность детей, их неумение пользоваться трудоемкими техниками рисунка и живописи, и потому акцент, особенно в начале обучения, перенесли с академических способов изображения на нетрадиционные, более доступные детям. Это коллажи, вырезки, отпечатки, несложные макеты.

Такая азбука позволяла сразу научиться композиционным приемам и оценить эстетику простых материалов. К тому же этот метод создавал ощущение профессионализма, взрослости детской работы, избавляя ее от излишней наивности, беспомощности. Неслучайно современные искусствоведы называют авангард горячей культурой. Он отличается неуспокоенностью, преодолением шаблонов, постоянной изобретательностью, он свободен от логики обыденного мышления, канонов и правил. Включение ребенка в контекст мировой художественной культуры и, в частности, авангарда мы считали необходимым для воспитания человека будущего. Сама жизнь выдвигала новые требования к художественному образованию — воспитать человека нового мышления, владеющего визуальной культурой, воспринимающего опыт художественно-пластического преобразования действительности, в основе которого лежит творческое отношение к ее явлениям — ведь жить этому человеку предстоит в XXI веке! Мы понимали, что не должно быть бездумного копирования действительности, сама по себе традиция не является созидательной силой,

и только объединение ее с антитрадицией образует дух подлинного творчества.

Сразу было понятно, что надо развивать способности к самостоятельной творческой деятельности, не натаскивая на стереотипах, шаблонах, а поддерживая индивидуальность ребенка.

Так, оперирование простыми геометрическими формами стало обычным, но нескучным занятием в студии.

Наша студия началась с задачи найти что-то свое, непохожее на все остальное — существующие студии и школы. Мы поставили под вопрос их спокойное процветание, жизнь вне времени и занудный академизм. Студия стала в некоторой степени вызовом. Кому и чему? Прежде всего тому, что является заскорузлостью, мертвечиной в искусстве. Мы считали, что студия обязана искать и находить оригинальные идеи и формы. В этом была сложность, но и огромная радость. Для благополучных школ методики разрабатывают сотни специалистов, но наша студия не могла пойти этим проторенным путем, это было ниже нашего достоинства! С самого начала мы с Ингой искали именно такой метод.

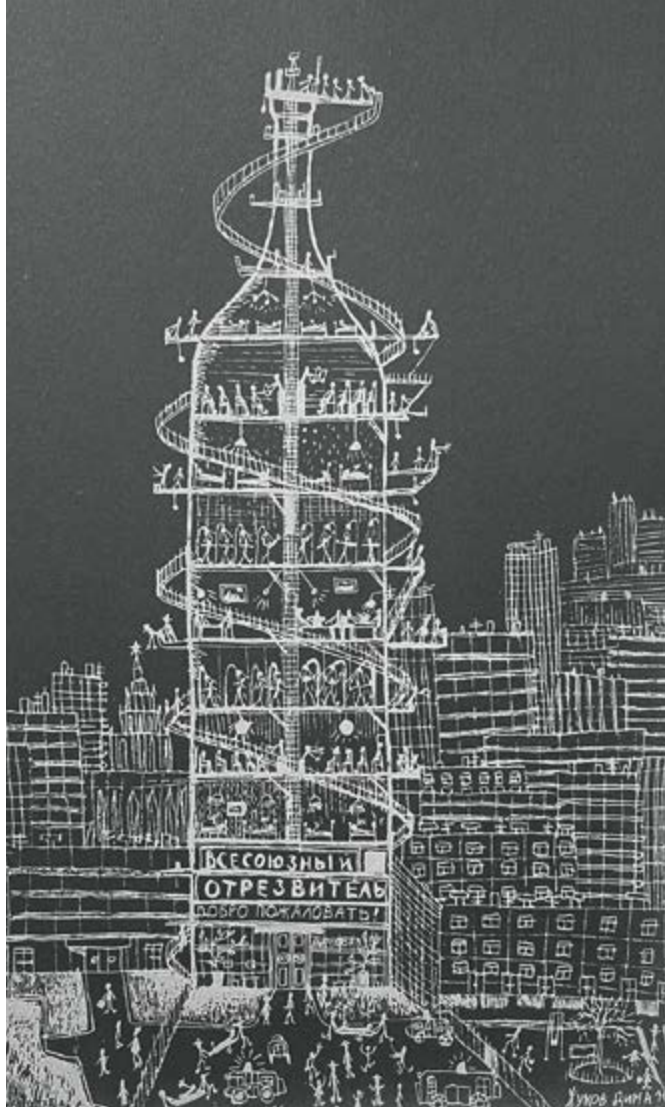
Студии не рождаются случайно, беспричинно, и у нас это был «желанный ребенок». И в этой связи возрастает роль именно такого образования — дополнительного. Здесь ребенок может избавиться от привычки действовать только по подсказке, здесь может сформироваться самосознание ребенка, ощущение ценности собственной личности. Он удовлетворяет здесь свои творческие потребности, развивает интересы и усваивает знания в том объеме, который ему позволяют его индивидуальные способности.

Это были 80-е годы XX века. История двигалась по своему течению — эпоха застоя процветала. Многие архитекторы в те времена падения престижа профессии и культуры вообще почувствовали бездуховность и бесперспективность традиционных направлений в искусстве и, одни сознательно, другие интуитивно, потянулись искать новые пути.

Оказалось, что здесь, в неформальном пространстве, гораздо легче проявить свою бурлящую творческую индивидуальность, свою эстетику. В 1982 году, который считается годом основания и нашей студии, возникло движение молодых архитекторов «Бумажная архитектура» — тоже на фоне рутинности, повседневности, в частности моспроектовской, жизни.

Талантливые архитекторы, выпускники МАРХИ, почувствовали потребность уйти от типового проектирования и начали создавать проекты — пусть и утопические изначально, невозможные для реализации, зато абсолютно свободные, авторские — в которых они, сосредоточившись на идее и подаче проекта, смогли сполна проявить свои творческие способности. Этот новый

вид деятельности давал им ощущение свободы, так необходимое любому творческому человеку.

Практически сразу ребята добились потрясающих успехов — они завоевывали все первые премии в международных конкурсах в течение нескольких десятилетий. Проекты наших «бумажников» хранятся теперь не только в российских музеях, но и в Центре Помпиду в Париже, в Музее современного искусства в Нью-Йорке, в лондонской Тейт-галерее, в музеях Германии.

В те же годы в Архитектурном институте Александром Ермолаевым была создана студенческая независимая мастерская ТАФ — Театр архитектурной формы, в основе которой был более широкий взгляд на проблемы проектной пластики, повышенное внимание к простым вещам и природным формам. Основными принципами Ермолаева всегда были простота и ясность.

В 2019 году Юрий Аввакумов, один из участников движения «Бумажная архитектура», издал антологию об этом уникальном явлении в нашей

культуре. В нее вошла работа моего ученика Димы Жукова «Всесоюзный отрезвитель».

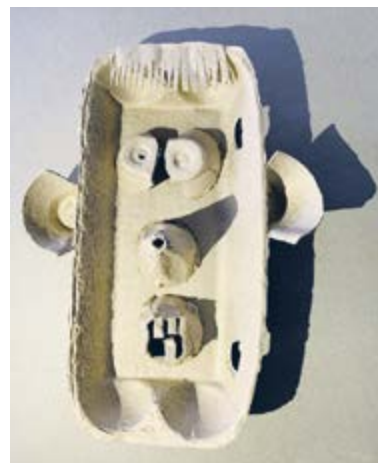
В основе ее идеи прозрачная башня в форме бутылки, которую он предлагал возвести на самом высоком месте Москвы — на Воробьевых горах с тем, чтобы она была видна отовсюду. И пьяницам станет стыдно!

Тогда же, в самый, можно сказать, разгар застоя, мы вдвоем с Ингой Абаевой организовали студию «СтАрт» — студию архитектурного творчества при Союзе архитекторов СССР на общественных началах.

Исполком Краснопресненского района выделил 200 м² в особняке на улице Щусева Союзу архитекторов с условием (!), что там будет проводиться работа с детьми. Удивительные тогда встречались чиновники! Теперь таких не осталось! Ютились мы в этом старом очаровательном особнячке до начала XXI века. Иногда приходилось работать при свечах, когда вырубало электричество, ставить ведра и тазы, когда протекала крыша. К огромному сожалению, многие прекрасные детские работы пропали — здание не раз затапливало горячей водой. Но все эти неприятности, теснота и даже в некотором смысле нищета нас не смущали.

Поскольку мы сразу стали дружить с авангардом, то и материалы для творчества выбирали попроще и подешевле — это газеты, крафтовая упаковочная бумага, гофрокартонные коробки, обрезки бумаги, пластилин, обои.

В первый год нашей деятельности на занятия приходили 15 детей, никакого отбора при этом не проводилось. Мы считали, что приобщать к нашему делу надо всех желающих — мы ведь не гениев собирались растить. На второй год обучения пришли уже 100 желающих заниматься у нас. Потом было 200, 300, но больше не получалось принять — помещение не позволяло. Пришлось устраивать отборочное занятие. Придумали короткие проверочные задания-упражнения, с помощью которых выявляли наличие так называемого проектного мышления. Работали семь дней в неделю, включая субботу и воскресенье. Такое расписание устраивало родителей, ведь многие привозили детей издалека, некоторые даже из пригорода. Занятия продолжались четыре часа с получасовым перерывом и с общим застольем, а иногда и дольше, если включали в себя прогулку-пленэр, поездку в музей или на выставку.

Натюрморт. Наташа Ланская, 11 лет,
руководитель О. Бармаш. Мاستихин, белила

Маска. Овца. Бася Таранова, 9 лет,
руководитель О. Бармаш. Гофрокартон, крафт

Бутылки. Соня Богданович, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж

Башня для изоляции. Матвей Адичев, 14 лет,
преподаватели Маша Спи и Лёля Сарабянова.
Restarti. Гофрокартон, шпалки.

Дети — кошмар родителей. Куб-маска.
Марианна Ширнина, 9 лет, руководитель О. Бармаш.
Цветной картон, проволока

Обратная перспектива. Майя Каландаришвили, 9 лет,
руководитель О. Бармаш. Крафт, цветной картон

Автопортрет. Саша Файер, 12 лет,
руководитель А. Таранова. Коллаж на доске

Дама-модерн. Семинар с архитекторами-преподавателями
в Суханове. Гофрокартон, креповая бумага
Натюрморт с яблоком. Оля Юдина, 7 лет, руководитель
О. Бармаш. Коллаж

Костюм королевы Испании. Ксюша Таранова, 7 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, обои

Опыт существующих кружков, студий и школ уже определил приоритеты — существует три метода художественного воспитания детей. От первого, самого простого, мы отказались сразу.

Путь, избранный многими художественными студиями, в том числе и руководимыми архитекторами, выглядит примерно так: главное — сохранение и пестование творческой индивидуальности ребенка, его природных способностей. А отсюда полная свобода самовыражения, никакой по возможности информации извне, ограждение от чего-либо постороннего, формирование атмосферы некоей ауры собственной «гениальности». Роль педагога здесь сводится к функциям пастыря, бережно охраняющего своих подопечных от каких-либо посягательств на их внутренний мир. И чем дольше длится это неведение, тем дольше, по их мнению, сохраняется индивидуальность ребенка. Надо только вооружить его средствами — дать кисти, краски, бумагу, обеспечить полную свободу для выплескивания своего «я» — и мастер готов! Да, он индивидуален, взгляд его свеж и чист, он не запятнан посторонним влиянием. Но мир этот обеднен, он состоит только из его собственных знаний и впечатлений, и где гарантия, что эта индивидуальность с таким ограниченным багажом не начнет изобретать велосипед, не повторит уже созданное однажды? К тому же у детей к 9–10 годам изначально заложенные интуитивные способности под влиянием внешней информации неизбежно исчерпываются. И тут уже лозунги «огради» и «не навреди» оказываются недостаточными.

Город-бестиарий. Коллективная работа.
Глина, барельеф. Гранатный переулок. 1985 г.

Второй путь — это путь искусствоведческих студий, как правило, при художественных музеях. Педагог читает лекции детям по истории искусства, иногда они выполняют зарисовки под впечатлением от увиденного и услышанного, если обнаруживают способность что-то изобразить. Цель, несомненно, благородная, все это важно для повышения культурного уровня ребенка, воспитания духовности. Накапливаются знания, увеличивается объем памяти, но опять не хватает чего-то главного, что трудно было понять сразу: навыков, умений, наверное, а главное, работы мысли.

Уже тогда нам было ясно, что так называемого эстетического воспитания детей, основанного на приобщении их к миру искусства, открытия ворот в мир прекрасного далеко не достаточно. Выросло уже не одно поколение людей, не умеющих видеть, слышать, грамотно реагировать на окружающий мир и искусство, не обладающих достаточным вкусом даже на бытовом уровне. Для нас неважно, прекрасен или безобразен этот сегодняшний мир — он есть, со всеми его формами, фактурами, оттенками, и именно он способен воспитать человека равнодушного и созидającego.

Наконец, третий путь — основательный путь детских художественных школ. От этого пути мы тоже сразу отказались и на часто задаваемый вопрос, художественная ли мы студия, смеясь, отвечали: «Нет, мы антихудожественная студия». Художественная школа — это тоже путь фактически пассивного накопления, но уже не знаний, а традиционных навыков в области изобразительного искусства, путь натаскивания на прототипах, обучения ремеслу и «правдивому отражению» действительности, своего рода детский соцреализм. Глаза и руки работают, голова отдыхает. Роль педагога здесь сводится к тому, чтобы научить детей «правильно» отображать окружающий мир, таким, каков он есть. А отсюда — окостенелость жизненного кругозора, неспособность воспринимать впечатления современного мира, в школах — скука, тихая заводь вне времени, чувство несвободы, непонимание и растерянность, интеллектуальное убожество. Наверное, покажусь слишком жесткой некоторым, но меня всегда раздражало неумеренно умильное отношение к рисующим детям. «Ах! Посмотрите, как детишки творят!» — можно было услышать в художественной школе. А детишки сидят и рисуют простым карандашом гипсовые геометрические фигуры. И где же здесь творчество? Ученик обязан выполнить

работу как можно ближе к постановке, и чем ближе ему удастся это сделать, тем больше шансов у него получить хорошую оценку.

Каждый из перечисленных путей художественного воспитания ребенка претендует на самодостаточность: развитие интуитивных способностей ребенка; приобретение знаний; формирование навыков и умений. Но мы считали, что в первом случае не хватает знаний, нужных для творчества информации. Во втором — избыток информации и нехватка навыков и умений. В третьем — развиваются только навыки и умения и не хватает знаний и творческого отношения к ним. Поэтому ни по одной из этих дорожек мы не пошли. Мы пойдем своим путем! А что для этого потребуется? Что нужно для того, чтобы развить природные творческие способности ребенка и сохранить их универсальность? Что сформирует необходимый уровень его общей культуры? То есть создаст тот ухоженный «английский газон», который невозможно будет вытоптать никакими дальнейшими вторжениями! Понадобилось несколько лет поисков и экспериментов, прежде чем определилась специфика «СтАрта» именно как проектной студии, четко отличающая ее от студий художественных.

Оттолкнуться от противного у нас получилось сразу, а для того чтобы устоялась специфика «СтАрта», потребовалось какое-то время. И все же, как нам казалось, вскоре удалось заявить о себе.

Уже в 1987 и 1989 годах пришли первые победы. На Международных биеннале архитектуры в Софии «Интерарх-87» и «Интерарх-89» взяты дипломы лауреатов и специальный приз итальянской Академии Архитектуры и Дизайна. Мы с Ингой объявили задание-конкурс: архитектура-животное. Появились такие удивительные образы, как жираф-башня Татлина, дракон из фахверковых домов, русский дом-самовар, павлин с хвостом из небоскребов, медведь — деревянная архитектура, итальянский город-сапог, верблюд из минаретов, готический арбуз и много других.

В этом же году было удачное выступление с показом слайдов на съезде дизайнеров в Харькове, потом пошли выставки в США, Индии, Болгарии, Словакии, Голландии.

В 1988 году преподавателям студии был поручен ответственный и интересный

заказ — оформление холла и четырех игровых комнат по эскизам наших учеников в детском онкологическом центре на Каширском шоссе. В этом же году нами были оформлены витрины Дома игрушки на Якиманке, и тоже по эскизам наших учеников. Насколько я знаю, это был первый подобный опыт. Во всяком случае в нашей стране, когда в витринах магазина выставлялись не товары, а работы детей для детей.

Попутно мы с Ингой Михайловной отработывали концепцию методики студии, основные положения которой были изложены в журнале ВНИИТЭ² за 1994 год, полностью посвященном проектному воспитанию школьников. Сравнивались методики воспитания проектности

2 Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики.

Реализация детских идей. Город чудес. 1990 г.
Детский онкологический центр. Фанера, нитрозмаль.
Автор реализации И. Абаева

Реализация детских идей. Вращающееся солнце.
Кубики-мебель. 1990 г. Детский онкологический центр.
Фанера, нитрозмаль. Автор реализации И. Фёдорова

Готическая архитектура. Город-арбуз. Аня Шатилова, 13 лет, руководитель И. Абаева. Акварель, тушь

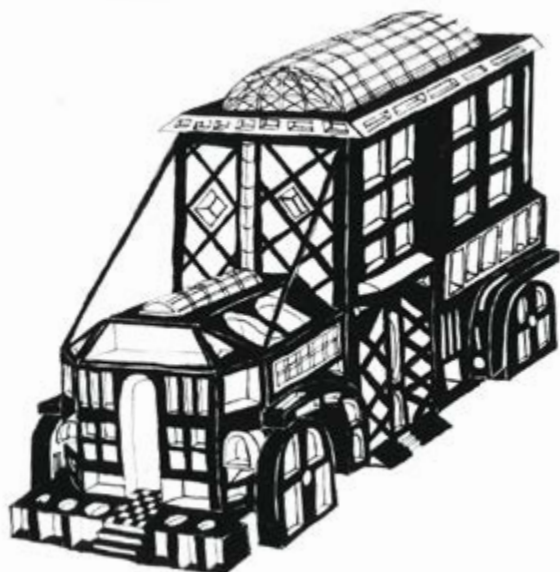
Город-кенгуру. Оля Политова, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш, тушь

Деревянная архитектура. Город-медведь. Тамара Карасёва, 10 лет, руководитель И. Абаева. Акварель, тушь

Город-павлин. Аня Тимашкевич, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Акварель, тушь

Город-чайник. Алиса Пастернак, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Акварель, тушь

Архитектурный слон. Саша Таранова, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Рапидограф

Автомобиль ар-деко. Алёша Тиганов, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Тушь, перо

Исламская архитектура. Верблюды. Наташа Хорева, 12 лет,
руководитель И. Фёдорова. Фломастеры

Дракон из арок. Маша Бронштейн и Саша Таранова, 14 лет,
руководитель О. Бармаш. Фломастеры, рапидограф

архитектурно-дизайнерских школ Англии, Японии, студии ЭДАС в Москве и студии «СтАрт». Таким образом, за сравнительно короткий период мы добились признания специалистов. Четыре школы оценивались как явления равнозначные и равноинтересные.

О нас заговорили и в нашей среде.

В 1989 году Александру Ермолаеву и мне предложили опубликовать статью о главных принципах методики студии в журнале «Архитектура СССР», и вот какие отзывы о своей работе мы получили от авторитетных архитекторов Вячеслава Глазычева и Евгения Асса в том же номере.

ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ
доктор искусствоведения,
профессор МАрХИ,
общественный деятель

Если не всем нам, то большинству из нас чрезвычайно трудно привыкнуть к идее плюрализма. Стоит где-то возникнуть любопытной концепции или программе, как возникает непроизвольный импульс пропагандировать, распространять, внедрять. Иными словами, вытеснить не нравящееся (или плохо известное) враз понравившимся. В педагогике эта болезнь особенно давняя, и только сейчас, с формированием нескольких вариантов концепции общего образования, наметился слабый еще сдвиг к простой, казалось бы, идее многообразия равновозможного.

Устойчивой традицией отечественной критики до сих пор было непременно сопоставление чего-то с чем-то с неременной же внутренней установкой сознания на выявление «лучшего» и «худшего». Если речь идет о чем-то однозначном, вроде академического рисунка, такое сопоставление еще оправданно. А если речь идет просто о совершенно разных вещах?

Нетрудно вообразить, что многим хотелось бы немедленно уяснить, как же соотносятся между собой детские студии ЭДАС и «СтАрт». Да никак они не соотносятся, разве что общим своим противостоянием уходящему в прошлое стереотипу

«кружковой работы». Они, на мой взгляд, равны тем, что равноинтересны.

В «СтАрте» меня привлекает установка на развитие чувства свободы — не просто свободы самовыражения (для этого уже надо, чтобы было «само»), но свободного стремления маленького еще человека быть некоторым автономным Я. Когда человек перестает говорить о себе в третьем лице, где-то после трех лет, наступает ответственнейший недолгий период выбора между тем, чтобы просто отличать свое Я от других, и тем, чтобы этим Я быть. Мне кажется, что «СтАрт» усиливает шанс реализовать вторую из этих возможностей.

Здесь удалось, быть может, самое трудное — действительно всерьез отказаться от соблазна делать ставку (или хотя бы акцент) на видимый результат. Удалось, кажется, в самом деле сосредоточить внимание на процессе освоения «я в мире», ощупывания этого мудреного единства кончиками пальцев, ладонью, размахом рук, рассеянным и сосредоточенным взглядом.

Несомненно, есть много ценного в других подходах к той же задаче, когда на первый план выступает совместная деятельность коллективного «мы». Но во всяком случае не менее ценна установка на состязание, на своего рода спортивный азарт, напряженность которого явственно ощутима в работах «СтАрта». Но самым для меня интересным оказывается, пожалуй, редчайшая в отечественной практике и нечастая в зарубежной сосредоточенность на постоянной игре особого рода. Это игра смыслом и значением. Это игра, в которой смысл, будто мячик, перебрасывается с уровня образов на уровень слов, и обратно. С каждым ударом по этому мячу он разворачивается под новым, часто неожиданным углом, и на стенке, куда ударяется мячик-смысл, остаются все новые и новые отпечатки значений.

Главное, однако, в том, что эти часто невидимые отпечатки остаются в сознании юного «игрока». Совершенно не обязательно, что прошедшие искус «СтАрта» будут в дальнейшем прямо связаны с художественной деятельностью. Но вот то, что в любую деятельность они вольно или невольно будут привносить накопленный вовремя опыт художественного схватывания действительности и себя по отношению к действительности, для меня несомненно.

ЕВГЕНИЙ АСС
профессор МАРХИ,
ректор МАРШ

«СТАРТ» — СЛОВО И ДЕЛО

Думая о «СтАрте», я вдруг с удивлением и радостью обнаружил, что все или почти все, о чем хотелось бы сказать по поводу этой студии вольно или невольно — а скорей всего, благодаря творческой интуиции учредителей, зашифровано в ее названии. Поэтому неожиданно для меня самого этот текст приобрел наполовину филологический характер.

1. Импульс. Сравним неторопливую распевность трехсложного «на-ча-ло» с резким, энергичным и звонким «старт», чтобы уловить в последнем идею импульсивного направленного движения, связанного с высвобождением запасов скрытой энергии (ср.: старт бегуна, старт ракеты). Старт художника — это переход от состояния созерцания покоя к осмысленному творческому освоению мира. Этот переход не дается простым школьным обучением. Традиционное образование, в том числе и художественное, по сути своей инерционно, т.е. лишено импульсов, озарений и открытий, определяющих природу творчества. Среди прочих значений английского глагола to start — «заставить, вздрогнуть, встряхнуть». Каждое задание в «СтАрте», начиная с первого, — это преодоление инерции, встряхивание, высвобождение творческую энергию ребенка. И всякий раз — это путь к открытию: открытию мира, формы, материала и в конечном счете самого себя.

2. Направленность. Само по себе слово «старт», к сожалению, достаточно затерто в нашем словаре звучных названий и газетных штампов. Оно и в названии студии звучало бы столь же банально, если бы не было остроумной, неоднозначной аббревиатурой. Игра со словом — очевидное и едва ли не самое естественное проявление творческого начала. Не случайно дети так свободны и изобретательны в лингвистических упражнениях. А творческие способности, по моему убеждению, изначально универсальны, и только жесткий культурный стереотип заставляет их дифференцировать на пластические,

музыкальные, литературные и т.п. Неожиданно острое развертывание банального слова в новое содержание превосходно иллюстрирует такое, собственно, творческое отношение к действительности и таким образом декларирует определенную концепцию студии. Я ее вижу в направленности на художественное перетолкование привычного, обыденного, на реконструктивное переосмысление мира, на созидательные поиски новых и скрытых смыслов в окружающей реальности. Такой путь в педагогике принципиально отличен от принципов так называемого эстетического воспитания, предполагающего существование некоего «эстетического» или, как принято говорить, «мира прекрасного» отдельно и независимо от мира действительного (как бы само собой предполагается, что безобразного). Путь «СтАрта» — не к «миру прекрасного», а к «прекрасному миру», в котором всякое явление есть предмет эстетического освоения и творческого преобразования. «Студия архитектурного творчества» — попытайтесь вспомнить название хоть одного художественного учебного заведения любого ранга, где упоминалось бы «творчество». Я не вспомнил. Для «СтАрта» это не случайность, а утверждение своей идеологии. Декларированное творчество означает обращение к изначальному смыслу — к творению, как к художественно-проектному отношению к действительности в противовес созерцательно-изобразительному.

И, наконец, «Студия Арт». Как уютно притаилось внутри названия коротенькое, но емкое словечко «арт». Оно вносит еще одно очень важное измерение в программу студии, связывая в единый блок «архитектурное творчество» и искусство (арт — art), а значит, предельно расширяет круг творческих проявлений, внутрь которого органично встраивается архитектура.

3. Педагогический принцип. Одно из значений английского to start, о котором может быть и не подозревали организаторы студии, — «помогать в начале пути». Вряд ли можно точнее определить педагогическую концепцию, исповедуемую ими. Здесь болевая точка всей системы образования, в том числе и художественного: что значит учить? и чему надо учить? Нагружать ребенка суммой знаний и навыков или просто помогать ему сориентироваться в мире? Насаждать единообразие или развивать способность к самостоятельной интеллектуальной, духовной и творческой деятельности? «СтАрт» отвечает определенно: не натаскивать

на прототипах, а поддерживать в индивидуальных проявлениях; ничего не навязывать, а направлять в сторону многообразия творческих выражений. Поддерживать и направлять — какая еще помощь может быть нужней в начале пути.

Ну и, в конце концов, start значит все-таки «начало». И что мне больше всего нравится в «СтАрте», что это начало прежде всего творческое.

Март — апрель 1989 г.

Первая статья, которую я получила в процессе написания книги, пришла от Анны Боковой, ученицы первого набора студии.

АННА БОКОВА
доктор архитектуры

Детская студия «СтАрт» — уникальное явление в российском художественном образовании. Основанная Ольгой Аркадьевной Бармаш (р. 1946) и Ингой Михайловной Абаевой (1937–2015) в 1982 году (в год смерти Леонида Брежнева и разгар позднего периода застоя), студия, теперь школа существует почти четыре десятилетия, пережив распад СССР и сложные 90-е. Оба педагога-основателя по образованию архитекторы, что, безусловно, задавало характер творческой направленности студии.

Здание студии находилось в центре Москвы в Гранатном переулке (по соседству с Союзом архитекторов), а с 2001 года — на Зоологической улице (по соседству с Московским зоопарком).

Практически с начала своего существования студия «СтАрт» пользовалась огромной популярностью.

Начиная с 1985 года, выставки детских работ проходили по всей стране, а с конца 1980-х начали открываться филиалы студии — на базе ее авторской методики.

Возраст учеников варьировался от 6 до 15 лет, многие ходили в студию в течение

нескольких лет. Единоновременно в студии на Гранатном могло учиться 200–300 детей.

Формат обучения предполагал четырехчасовые занятия с небольшим перерывом от одного до нескольких раз в неделю в дополнение к занятиям в общеобразовательной школе. То есть, по сути, являлся формой детского досуга.

Студия функционировала на общественных началах и не предполагала оценок, сертификатов или дипломов. Курс обучения, хотя и был рассчитан на регулярное посещение, целиком зависел от желания и возможностей детей.

В отличие от традиционного художественного образования, в студии не следовали устоявшимся академическим методикам. Это был непрерывно эволюционирующий творческий эксперимент, в основе которого лежало то, что можно назвать игровым подходом. В студии всегда царило ощущение праздника. Занятия походили скорее на увлекательную игру с неожиданным результатом и всепоглощающим процессом, нежели на учебу. Овладение художественными приемами, разнообразными техниками и визуальными эффектами происходило как бы само собой. А результат — создание чего-то нового своими руками — не переставал будоражить воображение и вызывать искреннее восхищение как у самих юных создателей, так и у их родителей.

Априори предполагалось, что изначально ребенок ничего не умеет, но может все. На первом занятии ребенку предлагалось сделать отпечаток ладошки, потом предлагалось покрутить его, подумать и посмотреть, на что он может быть похож.

Диалог с чем-то уже существующим или воображаемым, тем, что происходит как бы само собой при работе в некой технике или с каким-либо материалом, наблюдение за тем, что получается в силу того или иного процесса было важной составляющей студийного творчества. Также огромную роль играла коллективная деятельность и обмен энергией.

Студийное производство охватывало почти все известные художественные техники — от коллажа и аппликации до живописи гуашью и графики пером и тушью, до макетирования с клеем и без и работой с другими различными материалами. Задания отличались невероятным разнообразием. Это могли быть коллажи

из ткани и бумаги, дома-буквы, графические преобразования квадрата с помощью врезки внутрь, поиски силуэта города, маски-трансформеры, всевозможные цветоформы, органические формы, превращенные в геометрические объемы и т.д. и т.п. — список практически бесконечен. Каждое задание выполнялось от начала и до конца в рамках четырехчасового занятия. Иногда делалось несколько заданий на определенное время. Как правило, после окончания работы проходило групповое обсуждение.

Несмотря на импровизационный характер, это не было художественной самодеятельностью с ее характерным любительским привкусом и нарочитым непрофессионализмом. Это была разносторонняя и одновременно последовательная работа с формой, цветом, текстурой, конструкцией. Упражнения превращались в связанные цепочки и структурированные серии, фокусирующиеся на том или ином художественном аспекте. Обучение в студии носило системный характер, и в то же время оно не имело аналогов. Это уникальный авторский метод, целенаправленно разрабатываемый и внедряемый Бармаш и Абаевой. Можно отметить, что ученики после нескольких лет обучения в «СтАрте» переходили к подготовке к поступлению в МАРХИ, занимались в студии же академическим рисунком у А. Томского и Я. Виноградова в том же особнячке.

Пожалуй, единственный аналог «СтАрта» представляла собой экспериментальная детская архитектурная студия, известная как ЭДАС, созданная Владиславом Кирпичёвым в 1976 году (и существующая по сей день). Обе студии были основаны талантливыми молодыми архитекторами, не сумевшими (нежелающими) найти себя в практической профессиональной деятельности в силу ряда обстоятельств. Отсутствие возможности для адекватной практики вылилось в реализацию их энергии и творческих амбиций в работе с детьми. Но основное, что, на мой взгляд (как бывшей ученицы обеих студий),

объединяет «СтАрт» и ЭДАС, — это безусловный преподавательский гений их педагогов.

«СтАрт» был не просто способом проведения досуга, а именно школой (если угодно институцией) с характерным, но постоянно эволюционирующим и богатейшим творческим языком, и четко разработанной методикой, школой, которую прошло несколько молодых поколений. Основная ее задача состояла не столько в подготовке ребенка к возможной будущей творческой профессии, сколько в развитии его творческого потенциала в целом — воображения, интуиции и нестандартного мышления. Самым важным уроком было ощущение праздника и получение ни с чем не сравнимой радости от творческого процесса.

Так же, как и ЭДАС, «СтАрт» по праву может считать себя наследником легендарных школ 1920-х годов — ВХУТЕМАСа и «Баухауса». Пропедевтические дисциплины обеих школ авангарда, разработавшие основные элементы визуально-пластических искусств — таких как Графика, Цвет, Объем, Пространство, — нашли отражение в методике «СтАрта». Вдохновленные художниками русского и западного авангарда (Малевичем, Родченко, Лисицким, Мондрианом, Лентуловым, Матиссом и др.), они сумели создать свою собственную школу и озаменовали новый этап в творческом образовании, дав бесценный старт сотням детей.

Энтузиазма хватало и на то, чтобы ежегодно устраивать «СтАрт-парады», когда ученики на сцене Дома архитектора, а потом и на других площадках демонстрировали свои творческие работы — костюмы, игрушки, мебель, макеты автомобилей и многое другое, что создавалось по их проектам.

Происходило это всегда в конце года и было своеобразным отчетом, в котором участвовала вся студия. В 80-х годах это выглядело как дефиле — под музыку дети демонстрировали головные уборы, воротники, венки, пончо, крылья и т.д. Потом, в 90-х, в силу нашей неумейной энергии стали думать, как усложнить, сделать еще более привлекательными эти наши показы, и со временем «СтАрт-парады» превратились в настоящее событие в архитектурной жизни Москвы.

Увидеть наши представления стремились не только родители детей студии, но и студенты МАрХИ, и практикующие архитекторы. Зал Дома архитектора, рассчитанный на 450 мест, не вмещал всех желающих, и потом мы стали устраивать наши праздники в фойе.

Темы показа для каждого «СтАрт-парада» придумывали сами на педсоветах, сценарий

отрабатывали вместе с лучшими представителями архитектурного сатирического ансамбля «Кохинор и рейсшинка».

В памяти остались эффектные представления «Ожившая методика СтАрта», «Мировая художественная культура», «Мир природы — мир архитектуры — эволюция».

Например, в параде «Ожившая методика» все выходы были распределены между собой по блокам методики. Мне достался блок «Образно-логическое мышление», Инге — «История мировой художественной культуры», Волкову — блок «Композиционная и изобразительная грамотность», Ирэне Фёдоровой и Ире Орловой — «Архитектура природы».

Сильное впечатление на зрителей произвел танец скелетов класса Ирэны Фёдоровой. Костюмы детей были выполнены из гофрокартона по типу марионеток. Для этого на сочленениях элементов использовали болты и гайки. Сами скелеты были покрыты флуоресцентными красками, которые светятся только в темноте. Выходили они со стороны входа в зал, то есть двигались за спинами зрителей, и под тихую, таинственную музыку шли к сцене, шурша картоном и скрипя железными спайками. Дети были в черной одежде, и поэтому эффект присутствия был ошеломительным. Когда «скелеты» людей, животных, птиц достигли цели — поднялись на сцену, — свет в зале выключили, и в полной темноте началась бешеная пляска под сумасшедшую и заводную песню «Хару Мамбуру» группы «Ногу свело!». Зрелище незабываемое!

Ученики Иры Орловой продемонстрировали авангардные костюмы. Это была дипломная работа выпускников студии, тонко проработанная и очень эффектная. Удивило и восхитило в этом показе все: и «кубические юбки», и невероятные головные уборы из геометрических форм, и умение ее учеников двигаться на сцене.

Другая ее группа вместе с группой Ирэны Фёдоровой несла огромные волшебные цветы из ватмана, покачивающиеся на длинных шестах.

У Инги дети демонстрировали костюмы от древнеегипетских до авангардных. В моей группе ученики были вдохновлены творчеством Маурица Эшера — собирали на сцене ковер «Форма рождает форму». Мы это задание называли просто «Вливание». Его суть состояла в том, что первая форма своими очертаниями подсказывала

Парад «История мировой художественной культуры». Ученица группы Инги Абаевой — Лена Галкина. Стул для мастера. Х. Миро, В. Вазарели, С. Дали. Руководитель И. Абаева. ЦДА. Нитрозмаль

Парад «История мировой художественной культуры». Китайский дракон. Руководитель Т. Ревес. ЦДА. Креповая бумага

форму второго персонажа, второй — третьего и так далее. Сначала на сцену вышел человек-модуль Ле Корбюзье, за ним — жираф, потом «прилетела сова» и так далее. Каждое изделие представляло собой модель-барельеф.

Другая моя группа демонстрировала «опрокидывания» — мое любимое задание. Простая геометрическая форма преобразовывалась в сложную: в образы животных, птиц, рыб, насекомых с помощью вырезок снаружи.

Родители наших учеников нередко снабжали нас бумагой и картоном — типографскими отходами. Так, из полос финского белого картона одной ширины и длины у Ирэны Фёдоровой и Иры Орловой собрались удивительной красоты исторические костюмы. Потом с этими костюмами они выступали на важном мероприятии Управления культуры в концертном зале гостиницы «Россия».

У Алёны Дурново складывался чудный верблюд из элементов архитектуры Востока. У Дарьи Шаблей собирали огромный натюрморт из моделей фруктов и овощей: сначала четверо ее учеников вынесли части тарелки и сложили их на сцене. Получилось гигантское блюдо. Потом по очереди дети выносили свои объемные фрукты и овощи из цветного картона и каким-то волшебным образом крепили их на блюде. Получился знатный обед для великана.

В один из годов решили отдохнуть и договорились делать грим на разные темы. У кого-то была тема поп-арта, у кого-то — животные, растения, насекомые. Я вдохновляла детей

произведениями известных художников. Инга тогда впервые нарушила договоренность и стала делать со своими группами африканские маски-страшилки.

Потом по просьбам родителей и многочисленных наших почитателей устроили аукцион в Доме архитектора. Проводил его всенародный любимец, а тогда просто друг нашего друга Миши Кочина Леонид Якубович. Они вместе работали когда-то в театре-студии МГУ «Наш дом».

Запомнилось выступление учеников Инги «Стул для мастера», поставленное по мотивам творчества известных архитекторов. Это были не макеты, мебель была настоящая. Особенно эффектным стал стул Сальвадора Дали с его текучими часами, стул Виктора Вазарели, Пита Мондриана. Было даже кресло, расписанное под гжель.

Парад «Ожившая методика. Архитектура природы». Скелеты. Руководитель И. Фёдорова. ЦДА. Пенокартон, флуоресцентный акрил

«Мусорный бал — вторая жизнь вещей» — одно из наших последних представлений. Судя по многочисленным отзывам зрителей, оно стало самым запоминающимся. Как обычно, на педсовете бросали жребий — кому какое старье достанется. Мне выпала одноразовая посуда; Ирэне Фёдоровой — старые газеты, журналы и пробки; Ире Орловой — целлофановые пакеты и старые колготки; Ире Полукаровой — пакеты из-под молока и соков; Татьяне Ревес — моющие принадлежности: губки, мочалки, щетки; Марине Аркадьевой — пластиковые бутылки; Алёне Дурново — бельевые веревки; Наташе Пелепелиной — всякие принадлежности для шитья: нитки, катушки, молнии и прочая мелочь; Инге — новгодняя мишура; Дарье — фломастеры. Наш бедный особнячок трещал и ломился от накопленных за годы крупногабаритных объектов.

Усталость тоже накапливалась. И тогда мы решили делать, как и в начале нашей эпопеи со «СтАрт-парадами», только детали костюма — шляпы, воротники, манжеты и так далее. И даже серьезно поклялись не нарушать договоренность. Но через несколько дней мы заметили, что наша перфекционистка № 1 Инга Абаева все же начала делать костюмы целиком.

Пришлось и нам всем подтягиваться. Конечно, результат был ошеломительным.

Мы недоумевали, как все эти гигантские изделия помещались в нашем маленьком домике. Это одному богу известно. Все это сколачивалось, скреплялось и красилось там же. Все преподаватели, которые участвовали в те годы в парадах, и сейчас скучают по тому раннему «СтАрту» и вспоминают в первую очередь именно это — наши любимые всеми еще со студенческих времен сплошняка, репетиции на сцене Дома архитектора, волнение детей, родителей и преподавателей перед выходом на сцену.

С переездом на Зоологическую парады отменились сами собой. Дело не в том, что мы оказались на другой стороне Садового кольца, дальше от Дома архитектора, для нас расстояния никогда не были препятствием. Сегодня, когда мы встречаемся, сами не можем понять, почему же это самое любимое нами в «СтАрте» ушло? Видимо, это была какая-то совокупность причин.

Готовились в течение полутора месяцев. Представления всегда проводились в конце декабря, под Новый год. Такие замыслы требовали особого энтузиазма, а отсюда и работа до ночи, иногда у детей случались даже прогулы в школе. «Ваш энтузиазм плавно переходит в идиотизм», — говаривал мой муж, сам вообще-то большой трудоголик.

Настоящим, классическим трудоголиком на самом деле была Инга, о себе я такого сказать не могу — металась между семьей и студией. Это она ходила по инстанциям с неподъемными шестью томами нашей методики (о ней подробно расскажу позже). Это она уже стояла на стрелке в рабочей одежде и что-то размечала на стене в онкоцентре, когда я утром прибежала туда, уверенная, что буду первой. А на вопрос, как же ее мужчины — сын и муж — без нее управляют, всегда отвечала: «Да так как-то, сами...» Это она могла позвонить в аэропорт, когда мы стояли уже в очереди на посадку, и прокричать: «Борман! Возвращайся! Тут в таком конкурсе предложили участвовать! Нельзя упустить!» Это она на мой вопрос, почему не взяла фамилию отца — Чемоданов, классная такая фамилия, ответила, что с самого раннего возраста мечтала быть первой везде, во всех списках! А над фамилией Абаева никого быть не может! Я шутя говорю: «А я знаю такую фамилию!» Она побледнела: «Кто?» «Кто-кто! — отвечаю. — Аалто!» Выдохнула: «Ну он ведь умер давно!»

Парад «Архитектурные костюмы». Конструктивизм.
Настя Глухова, 14 лет, руководитель И. Фёдорова.
Манеж. Пенокартон

Парад «Архитектурные костюмы». Лужковский стиль.
Саша Дронова, 14 лет, руководитель И. Орлова. Манеж.
Пенокартон

Парад «Ожившая методика. Архитектура природы». Животные. Руководитель И. Фёдорова. ЦДА. Ватман, золотой и серебряный акрил

Парад «Ожившая методика. Архитектура природы». Цветы. Руководители И. Орлова и И. Фёдорова. ЦДА. Ватман

Вот, оказывается, что было двигателем ко всем прочим ее достоинствам — амбициозность. Тогда это слово имело негативный оттенок, а теперь даже в официальных объявлениях можно увидеть: «Амбициозный дизайнер с опытом работы». Однажды встретилось даже такое: агрессивный дизайнер! Вот только о порядочности никто не вспоминает. «Из моды вышло ныне». Могло сложиться впечатление, что она никогда не покидала стены «СтАрта», во всяком случае легко могла заночевать прямо там же, если рано утром надо было ехать по делам студии. Всегда старалась и нас удерживать подольше.

А кличка эта, Борман, приклеилась и еще долго тянулась за мной во время нашей совместной работы в Моспроекте-4. Однажды я попала в автомобильную аварию, и пришлось сутки провести в больнице. Двое практикантов, явно под парами медицинского спирта, старательно «лечили» меня — завязали с десяток пышных марлевых бантов на лбу, на шее, локтях, коленках и лодыжках. Вышла я оттуда со справкой по месту работы (тогда строго с дисциплиной было) о том, что она, справка эта, выдана Борману О.А. в том, что он находился в больнице № 52 с... по... После этой истории друзья стали приносить мне вещи, связанные с этим легендарным персонажем, — вырезки из газет о следах его пребывания якобы в Мексике, Уругвае, фотографии людей, похожих на него, а однажды даже подарили металлическую коробочку прошлого века с монпансье «Борман и К°». Так у меня перед столом целый стенд образовался.

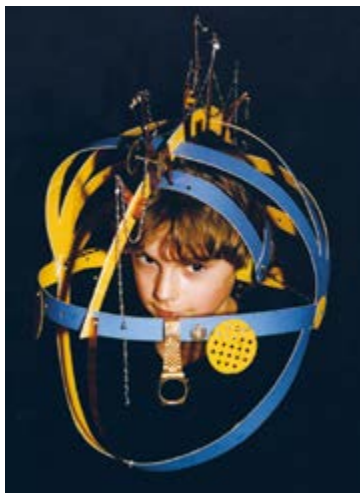
Был случай в 1974 году. Позвонил мой будущий муж Андрей. К телефону подошла студентка-практикантка Наташа. «Бормана, пожалуйста, позовите». — «Она вышла, а что передать?» — «Передайте, что ей надо срочно связаться с Кальтенбруннером!» — «Ой, такая сложная фамилия! Я запишу». Когда я пришла, к моему стенду была прикреплена записка, выведенная крупным детским почерком: «Борману срочно связаться с Кальтенбруннером». Коллекция пополнилась.

И все же одним энтузиазмом наша деятельность не исчерпывалась, главным было, особенно в начале, стремление к самовыражению, к поискам своего, особого пути. Осознание и выстраивание авторской методики начиналось постепенно, поначалу мы не знали, как надо, зато четко понимали как НЕ надо.

Старт-парад. Уши.
Маша Капрару, Митя Шешунов, 10 лет,
руководитель Д. Шаблий. ЦДА.
Пенокартон, цветная бумага

Рамка-очки. Она и Он. Аукцион. Маша Полищук, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. ЦДА. Картон, кружево,
пуговицы, гайки и т.д.

Маски. Аукцион. Профили. Яна Иванчикова, 13 лет;
Меломан. Йоса Шахнович, 12 лет;
Малевич. Космос. Матвей Евсеев, 12 лет;
Египет. Оля Копытина, 13 лет, руководитель О. Бармаш.
ЦДА. Папье-маше, гуашь

СтАрт-парад. Парик. Зонт. Рукотворитель Д. Шаблий.
ЦДА. Проволока, фломастеры

СтАрт-парад. Ирокез. Миша Жаворонков, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. ЦДА. Ткань, плетение

СтАрт-парад. Шляпа дизайнера. Ксения Васильева,
11 лет, руководитель О. Бармаш. ЦДА. Нитки, катушки,
пуговицы

Парад «Мусорный бал. Вторая жизнь вещей». Кристалл.
Аля Башенкова, 8 лет, руководитель И. Орлова. ЦДА.
Полиэтиленовые пакеты

Парад «Мусорный бал. Вторая жизнь вещей».
Ионическая колонна. Кристина Левиева, 9 лет,
руководитель О. Бармаш. ЦДА. Одноразовая посуда

Парад «Ожившая методика. Образно-логическое мышление». Преобразование геометрической формы. Панно «Человек и природа». Коллективная работа, руководитель О. Бармаш. ЦДА. Гофрокартон, акрил

Парад «Ожившая методика. Образно-логическое мышление». Преобразование геометрической формы. Кенгуру. Боря Русов, 9 лет; Жираф. Ася Вользон, 9 лет, руководитель О. Бармаш. ЦДА. Гофрокартон, цветная бумага

СтАрт-парад. Головные уборы. Группа И. Абаевой. Ватман, цветная бумага

СтАрт-парад. Пончо-камбала. Оля Горайчук, 7 лет; Пончо-аквариум. Полиэтиленовая пленка, цветная бумага. Витя Крылов, 7 лет, руководитель О. Бармаш. ЦДА

СтАрт-парад. Крылья. Миша Бейлин, 8 лет, руководитель И. Абаева. ЦДА. Гофрокартон, гуашь

Парад «Мусорный бал. Вторая жизнь вещей». Мельница. Никита Зайцев, 7 лет, руководитель И. Полукарова. ЦДА. Упаковки

Парад «Мусорный бал. Вторая жизнь вещей». Драконы. Наташа Кончаловская, Маша Полищук, 9 лет, руководитель О. Бармаш. Одноразовая посуда

Парад «Мусорный бал. Вторая жизнь вещей». Голландская барышня. Вика Шпортий; Красная шапочка. Кира Алканова, 12 лет, руководитель О. Бармаш. ЦДА. Одноразовая посуда

Парад «История мировой художественной культуры». Искусство Древней Греции, группа О. Бармаш. ЦДА. Пенокартон, ткань

Парад «История мировой художественной культуры». Архитектура ислама, группа А. Дурново. ЦДА. Пенокартон, гуашь

ДТС СМА. Серебряный бал. Автостоп по «Суханово». Маша Якубова, 9 лет, мастера О. Бармаш, А. Таранова. Одноразовая посуда, фольгированный утеплитель

ДТС СМА. Серебряный бал. Автостоп по галактике. Кубический костюм. Ника Баткина, 12 лет, мастер О. Бармаш. Дом творчества «Суханово». Картон

Перед «Старт-парадом». Аркадий Немов, Татьяна Базилевич, Инга Абаева, Ольга Бармаш, Зоя Андреева, Алена Дурново, Ирина Федорова, Николай Волков, Галина Равинская. Центральный Дом архитектора

На ежегодном Международном фестивале архитектуры «Зодчество» «Старт» постоянно получал серебряные и золотые дипломы Союза архитекторов. В 1990 году был удостоен Гран-при ЮНЕСКО за победу в Международном конкурсе детского творчества «Земля и вода». Тогда мы придумали остроумный ход — на квадратах темной бумаги размером 20×20 см дети тонкой колонковой кистью белилами изображали разнообразные природные формы. Это были рыбы и бабочки, раковины и птицы, травы и цветы, а кто-то даже легкие человека изобразил. Эффект превзошел все ожидания, собрался чудный ковер. Конечно, самая весомая награда — это Государственная премия РФ «За создание системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна» в 1998 году. Уф! Не сразу и запомнить удалось, однако эта тяжеловесная формулировка полностью отражает нашу деятельность. В ней подразумевалась личность не только ребенка, но и архитекторов, дизайнеров и художников, которые к тому времени уже активно пользовались нашей методикой в Москве и других городах России. Этой самой высокой награды — Госпремии РФ — были удостоены семь преподавателей тогда уже школы: Инга Абаева, Ольга Бармаш, Татьяна Базилевич, Зоя Андреева, Елена Дурново,

Ирэна Фёдорова и Ирина Орлова. Зоя, Таня, Лена и Ирина пришли к нам позже, но благодаря весомому вкладу в методику студии были включены в список номинантов премии.

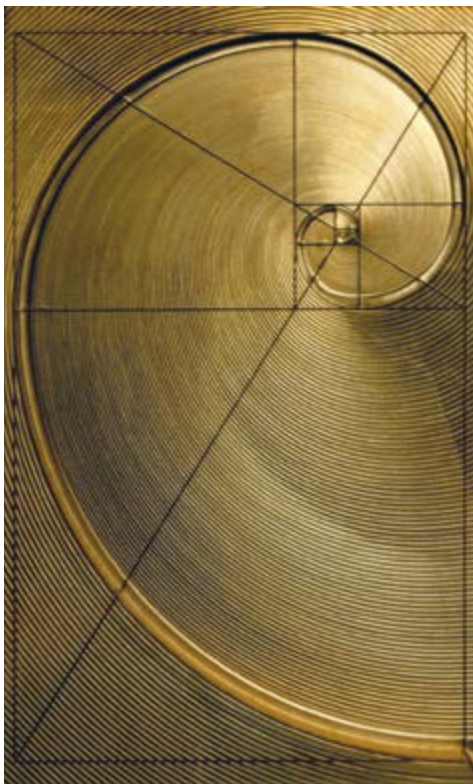
Вспоминаю, как в 2008 году Инга попыталась собрать всех отмечать десятилетие нашего награждения Госпремией. На мое замечание, что это «десятилетие», а не «десятилетие», парировала: «Но ведь решение комиссии состоялось в 1998 году!» Да, в 1998-м. Тогда, конечно, мы были счастливы узнать, что наша работа получила столь высокую оценку. В комиссию по присуждению Госпремии входили тогда достойные люди из разных областей культуры, такие как Ирина Антонова, Ролан Быков, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Олег Табаков, Слава Зайцев. Представлял нашу работу президент Союза архитекторов Юрий Петрович Гнедовский.

Но это казалось таким невероятным, что как-то и забылось на целый год. И только тогда, когда каждый из нашей семерки получил правительственную телеграмму с приглашением в Кремль, мы осознали, что это серьезно.

Наш подход к довузовскому образованию вызвал широкий отклик не только в России, но и за рубежом. В первые годы уже около 100 школ, гимназий и студий начали работать по нашей методике, и в результате около 300 детских учреждений с успехом работают по ней и сегодня.

Признание внутри профессионального цеха нас при этом радовало не меньше, и в итоге все возможные награды мы получили. Это — «Золотое сечение» в номинации «За уникальный вклад в детское архитектурное образование» Союза московских архитекторов, национальная премия «Хрустальный Дедал» в номинации «За лучшую архитектурную школу».

Таким образом, каждый преподаватель студии, участник ежегодного Международного фестиваля архитектуры «Зодчество», стал полноправным обладателем этих высоких наград. Ежегодно получали серебряные и золотые дипломы и грамоты фонда Якова Чернихова. В 2003 году мы — Инга Абаева и я — удостоились государственной награды «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В этом же году Инга стала лауреатом, а я дипломантом конкурса профессионального мастерства «Лучший преподаватель детской школы искусств». Два первых места в конкурсе оказались в нашей школе.

Преподаватели «Ст-Арта». Вручение дипломов
ежегодного Международного фестиваля «Зодчество»

Праздник в студии по случаю получения
Государственной премии РФ

«ЗА РАБОТУ С ДЕТЬМИ И ГОСПРЕМИЮ?» КАК ЕЛЬЦИН ВРУЧАЛ НАМ НАГРАДУ

В каких только городах мы не побывали — более 100 художественных и архитектурных студий начали работать по нашей методике уже в первые годы нашей деятельности, а теперь их более 300.

Президент, тогда еще Ельцин, когда вручал мне заветную коробочку с наградой, вдруг спросил удивленно: «Что это? За работу с детьми и Госпремию?» На что я не без вызова ответила, что не только за работу с детьми, но и за работу со взрослыми. Премии нас удостоили за «Создание системы развития творческого потенциала ЛИЧНОСТИ». Мы проводим выездные семинары по всей России и даже за рубежом! У нас уже сотни детских учреждений — студий, школ, лицеев, детских центров, в которых наши коллеги-архитекторы начали работать по нашей методике. А еще попутно с детьми мы воспитываем и родителей, приобщаем к нашему делу. Двери нашей школы всегда открыты, и родители в курсе всего, что у нас происходит. После чего он сразу успокоился, сказал: «Спасибо за всю Россию!» — наклонился и меня поцеловал. Зал грохнул аплодисментами. Потом все спрашивали, о чем это мы так долго шептались.

Это было 11 июня, а 12-го, в день какого-то единства с кем-то или независимости от кого-то,

никак не могу запомнить, по традиции президент устраивает прием-фуршет в честь лауреатов. С этим днем у меня связаны, пожалуй, более яркие впечатления. Столько знаменитостей в один день больше никогда не приходилось лицезреть.

Георгиевский зал, столы расставлены елочкой. Рядом Белла Ахмадулина. На наш комплимент в ее адрес как поэта, ответила своим серебряным нездешним голосом: «Ну что вы? Это ведь элементарно! Надо просто уметь находить ДРУГИЕ слова!» Потом мы разговорились. Поэтесса входила в состав жюри, помнила нашу заявку и понимала, кто мы, что было очень приятно. Она сделала нам специфический комплимент: «Если бы я была Лужковым, то именно вам отдала бы особняк... этого... как его... Козинаки, Кирияки...» «Андрियाки?» — спросила я. «Да-да, именно этого, Андрियाки. Вы его более достойны», — сказала нам Ахмадулина.

Жириновский, стоя за соседним столом, с жадностью, двумя руками, запихивал в рот тарталетки с икрой. Видимо, трудное детство не забывается. Весь перемазанный, кричал нам: «Девчонки! Идите ко мне, целоваться будем!» Время от времени распахивались двери и входил очередной гость. Вошел Никита Михалков,

весь в орденах и медалях, и по реакции присутствующих видно было, что не все ему рады.

Совсем другая реакция была на появление Инны Чуриковой — зал загудел в приветствии. Она вошла, как будто с картины Боттичелли «Весна», — в чем-то легком розово-зеленом и с разлетающимися золотыми волосами.

Снова открылись двери, и вошла троица, чуть ли не под ручку, наших самых знаменитых и обласканных властями художников — Глазунов, Шилов и Церетели. Зрелище было незабываемым! Глазунов был мертвенно бледен, с потухшим недобрый взглядом. Шилов же превзошел самого Коровьева с его клетчатым пиджаком и куриной косточкой в кармане. Помимо зеленого клетчатого пиджака с платочком лимонного цвета в нагрудном кармане, лимонная же рубашка с ярко синим галстуком в горошек и в довершение всего красные штаны в полоску! И только Церетели произвел почти приятное впечатление, во всяком случае он был живым — улыбка до ушей, блеск в глазах — в общем, выражение лица «я всех вас люблю!».

Мы подошли к Елене Санаевой, вдове Ролана Быкова, поблагодарили ее за его труд. Это по его настоянию работу, связанную с детьми, внесли в перечень номинаций Госпремии. Она разрыдалась — Быков к тому времени умер.

Потом Инга предложила мне прорваться к Лужкову по поводу наших проблем с помещением. Подходим и видим, что бесполезно — очередь, и к тому же скалой нависает над ним его огромный зам, а по совместительству, видимо, телохранитель, Валерий Павлинович. Кто-то отвлек его на секунду, наверное, опять Жириновский что-нибудь гаркнул, и нам с Ингой удалось поднырнуть с двух сторон к нашему мэру.

Мы мило побеседовали, поведали ему о своих несчастиях с помещением, на что он сказал: «Завтра же займусь вашим вопросом». И он, забегаая вперед, не подвел. А потом разоткровенничался и тоже пожаловался на Познера: «Он сказал мне сейчас, что у меня вкус неразвитый!» Я не нашла ничего лучшего, как «утешить»: «Вкус можно развить, вы еще не старый, Юрий Михайлович!»

В том же году мною была разработана и издана программа по колористике «СПЕКТР»³.

Цвет в этой программе расценивался как средство создания объемно-пространственной среды — новой пластической реальности. Программа предназначалась для преподавателей школ, гимназий, студий и других учебных заведений архитектурно-дизайнерского направления. Программа стала одной из составляющих «системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна».

«СПЕКТР», как и общая программа студии, выстраивалась так, чтобы задействовать одновременно интеллектуальную и эмоциональную стороны личности ученика. Каждое задание, включая короткие упражнения, формулировалось таким образом, чтобы подтолкнуть ученика проявить свои творческие способности.

Атмосфера творческой напряженности, близкая, по сути, к характеру труда архитектора и дизайнера, когда ученик, перебирая множество вариантов решения поставленной задачи, останавливается на единственно верном для себя решении, давала ему возможность проявить себя в вопросах цвета, подчеркнуть свою индивидуальность и, может быть, даже выявить свой творческий почерк в процессе обучения.

Практически все занятия курса предварялись информацией о значительных явлениях в живописи, знакомством с произведениями выдающихся мастеров цвета. Короткие, развивающие упражнения составляли значительную часть курса, особенно в начале обучения.

Ученики выполняли свободные композиции, линейные импровизации на расчерченных квадратах — так называемые палитры. Не только форма, но и цвет не всегда нуждается в предметной мотивировке; выходящий вперед теплый желтый, уходящий в глубину холодный синий и фиолетовый, спокойный зеленый, торжествующий красный, молчащий, как бы отсутствующий черный — оригинальное сочетание цвета может стать средством художественной выразительности любой колористической композиции, плоскостной, объемной или пространственной.

Курс «СПЕКТР» включает в себя три программы:

I — изучение объективных закономерностей цвета;

II — изучение свойств художественных материалов и инструментов, освоение новых технологий;

III — изучение различных способов изображения на плоскости с помощью цвета.

Основная цель курса — формирование колористического мышления. Ее достижение невозможно без овладения знаниями об объективных законах цвета, без применения широкого спектра средств художественной выразительности, без изучения свойств цвета в передаче объема и пространства.

Программа оказалась востребованной, по ней обучаются во многих детских учреждениях России и сегодня.

К концу 80-х годов начали складываться основные пункты концепции нашей методики.

³ Специальный курс творческого развития.

Летом во время детских каникул все мы работали над подробным описанием своих заданий детям. Писали по пунктам: тема — задание — длительность — материалы и средства — цели и задачи — сценарий урока — вывод. Мы с Ингой собирали все записи и тщательно структурировали их. Таким образом, все собранное распределилось на шесть томов:

1. Свойства художественных материалов и технологии работы с ними.
2. Основы композиционной и изобразительной грамотности.
3. Развитие образно-логического мышления.
4. «Архитектура» природы.
5. Изучение и применение в творчестве знаний мировой художественной культуры.
6. Формирование основ проектного мышления.

Студия становилась своеобразным банком передовых идей, базой распространения нашего метода обучения в архитектурных студиях и школах. Методика наша открывалась для всех, кто был заинтересован в ней и был в состоянии по ней работать. Развернулось целое движение архитектурного просвещения, проведения мастер-классов, семинаров, конференций в России и за рубежом.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВА
член Союза дизайнеров
России, педагог
дополнительного образования,
руководитель студии
архитектуры и дизайна «Парк»
школы № 89 (Тольятти)

Именно сейчас, когда мне уже много лет, я все чаще задумываюсь о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы весной 1995 года в своем городе я случайно не попала бы на семинар Инги Абаевой. Мне суждено было познакомиться с совершенно уникальной студией «СтАрт» и ее потрясающими педагогами. Культурный шок не позволил до конца осознать и воспринять происходящее, и поэтому осенью того же года в числе большой компании тольяттинских педагогов, около тридцати человек, я отправилась в Москву на открытие выставки студии «СтАрт» в ЦДХ и семинар в Суханове.

Выставка работ учащихся школы в ЦДХ, встречи в «СтАрте» в Гранатном переулке, семинар в Суханове — и вот я на другой планете. Инга Абаева и Ольга Бармаш еще долго будут восприниматься мной как инопланетянки. Если сказать, что все увиденное и услышанное произвело на меня глубочайшее впечатление, не сказать ничего! Случился полный переворот в моем сознании, и моя жизнь в одночасье разделилась на до «СтАрта» и после. Вдохновленная инопланетянками Ольгой и Ингой потоком творчества и созидания, я понеслась по жизни, заражая других: детей, их родителей, и даже некоторых руководителей детских садов, школ и студий.

Монотипия. Акварель
Дополнительные цвета

Смешанная техника.
Акварель по сырому — тушь
Смешанная техника.
Акварель по сырому — гуашь

Интерпретация картины В. Ван Гога
в технике пунтилизм. Гуашь

Интерпретация картины П. Пикассо.
Монохромное и полноцветное изображение. Акварель

Выявление объема с помощью цвета.
Источник вдохновения — В. Вазарели. Акварель, белила

Наши встречи в студии в течение двадцати лет были ежегодными, а это постоянный поиск, эксперименты, проекты, обмен опытом и внедрение многогранной методики «СтАрт» в работу детских садов, школ, учреждений дополнительного образования. Мы стали родными людьми.

Творческие задания по изучению архитектуры природы, бионика в дизайне и архитектуре, органическая архитектура, синтезирование культурных пластов в творческих композициях и коллекциях одежды — вот малая часть стартовых методических приемов, о которых я не знала ранее, а сейчас это в моей работе с детьми как воздух.

В 2004 году Ольга Аркадьевна Бармаш выпустила концептуально новый методический продукт — программу «СПЕКТР» как специальный курс творческого развития через формирование колористического мышления. Программа незаменима в подготовке учащихся к олимпиадам по культуре, искусству, архитектуре и дизайну и помогла вырастить многих победителей и призеров. Именно поэтому программа с годами еще более актуализируется, интерес к методике только растет, и я безумно благодарна автору-создателю этого методического шедевра.

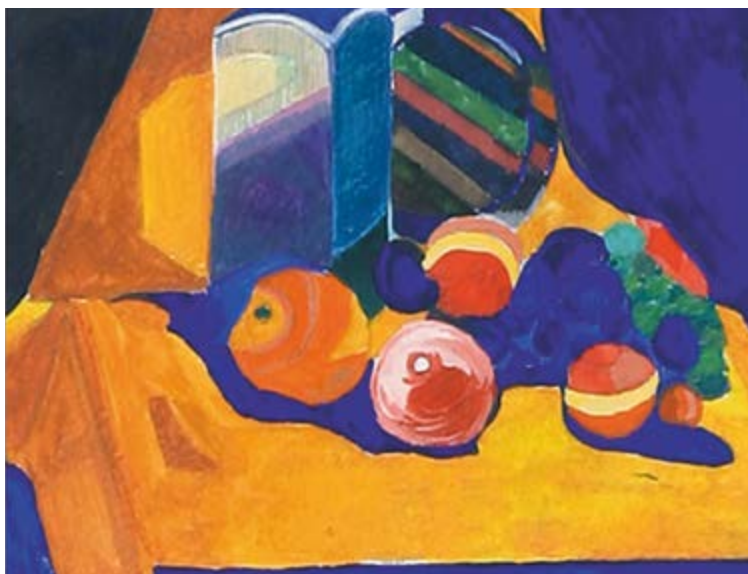
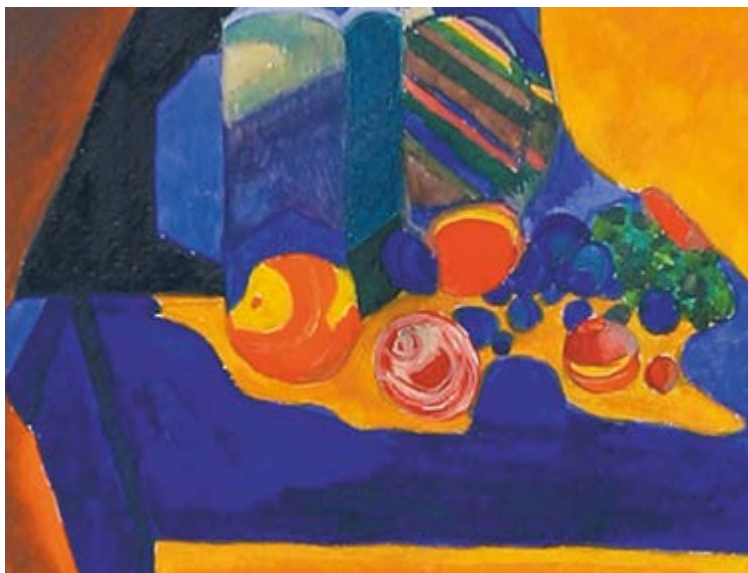
Своими педагогическими успехами и победами, творческой и профессиональной самореализованностью я обязана тому, что именно в это время 26 лет назад попала в то течение бурной реки под названием «СтАрт», которая берет начало из двух бьющих родников — Инги и Ольги.

Статус школы студия получила исключительно **благодаря разработанной нами авторской методике и титаническим усилиям Инги**. Когда она предлагала идти вдвоем, я каждый раз наотрез отказывалась. Дело в том, что у меня настоящая аллергия на чиновников — при встрече с ними покрываюсь пятнами и за себя не ручаюсь. «Ты что, не знаешь, как я к ним отношусь? — говорила я ей. — Лучше иди одна, я только все испорчу». И она ходила, не один год, с шестью томами нашей методики под мышкой. И вот случилось невероятное — в те годы, когда все закрывалось, отбиралось, переводилось на баланс, мы получили статус «Государственная школа искусств», и тогда это было победой и спасением, иначе мы оказались бы просто на улице.

Кургинян Сергей Ервандович, режиссер театра «На досках», а на самом деле политолог, пользуясь своими связями, в начале 90-х перевел на свой баланс 12 строений по Вспольному переулку, зацепив заодно и наш домик, стоящий на углу Вспольного и Гранатного. Не знаю, какой он режиссер и что за театр на каких-то досках, да и никто ничего об этом таинственном театре не слышал. Знаю одно — ловкач он знаменитый. Сначала он оформил аренду особняка, причем под другим адресом, видимо, чтобы запутать всех окончательно, а потом продал его. Судебные разбирательства с ним Союза архитекторов ни к чему не привели. Наши с Ингой переговоры с ним тоже не увенчались успехом. Каждый раз после визита к нему ощущение было отвратительным — бессилие и омерзение, как будто на приеме у Берии побывали. Тот же вкрадчивый тон, так же пенсне посверкивает...

Интерпретация картины В. Серова. Основные цвета круга И. Иттена. Гуашь
Интерпретация картины П. Клее. 12 цветов круга И. Иттена. Акварель

Натюрморт. Количественное соотношение цвета. Гуашь

В 1993 году студия получила статус Государственной детской школы искусств — ДШИ, но и это не заставило его сбавить обороты, ему так не терпелось поскорей завладеть нашим особнячком, что он даже грузовик предлагал за свой счет для переезда. Но нам некуда было ехать. Наша Госпремия как-то умерила его пыл, правда угроза выселения все равно оставалась еще несколько лет. И только в конце XX века мы переехали в здание на Зоологической улице.

Когда нам дали статус школы, мы, конечно, радовались и даже праздник устроили в студии, а муж мой неожиданно изрек: «Это начало вашего конца!» Возмущению не было предела! Как? Мы теперь сильны, независимы и неуязвимы, мы под защитой государства!

Тогда мы даже примерно не представляли всех последствий этого крутого поворота в нашей судьбе.

Не все в студии поддерживали это наше миссионерство. Наш первый коллега Коля Волков ворчал: «Зря вы так разбазариваете свою методику, это все равно никто не оценит». Но мы все же начали свое благородное дело, решив, что лучше, чем «над златом чахнуть», пойти официальным путем. Тем более что со временем стали замечать, как наши идеи утекают потихоньку и в других студиях появляются подозрительно похожие на наши работы.

Наметилась такая схема — сначала едем на место с семинаром и мастер-классами, потом заключаем договор и открываем новое учреждение. В общем, начались наши бесконечные путешествия по городам и весям.

Всегда вдвоем, вместе. «Вы — как Станиславский и Немирович-Данченко, как Ильф и Петров и братья Стругацкие даже!» — посмеивались над нами коллеги. Инга могла начать фразу, а я закончить, и наоборот, настолько наши мысли были слаженны и отточены. Говорят, за глаза филиальцы наши называли нас А и Б. Ура! К нам едут А и Б! А и Б сидели на трубе... На Трубе мы действительно сидели, правда в разные годы. Когда меня спрашивали, что я завтра делаю, отвечала: «На Трубе рабствую». Труба — это Трубная площадь, где мы делали диплом в МАРХИ, а рабством называлась помощь младших студентов дипломникам, с тем чтобы набраться опыта и помочь сдать в срок проект. Эту замечательную традицию мы всегда поддерживали и в студии: закончил работу — помоги товарищу. И эти «сплошняки», когда практически уже не выходили из института последние несколько дней перед сдачей проекта, мы и в студии практиковали время от времени, тем более что к нашим услугам всегда был Дом творчества архитекторов «Суханово», прекрасная подмосковная усадьба XIX века. Мы заселялись туда на несколько дней то с учениками, то с коллегами из разных городов России и с удовольствием работали в просторной и уютной каминной.

С коллегами из регионов мы встречались постоянно, как минимум раз в год, а то и чаще — на ежегодном Международном фестивале архитектуры «Зодчество» в Москве, на наших выставках в ЦДА и ЦДХ, на семинарах в Москве и Доме творчества архитекторов в Суханове, на наших «СтАрт-парадах».

К концу 90-х детский раздел стал полноправным участником фестиваля «Зодчество». Это был смотр достижений в области архитектуры — событие национального масштаба. Фестиваль, который проходил в Манеже или в Гостином дворе. За три дня работы выставки мы с коллегами из регионов успевали посетить интересные архитектурные бюро, МАРХИ и после закрытия фестиваля отправлялись в Суханово для проведения очередного семинара. И всегда это было живое общение, диалоги и вечерние прогулки по усадьбе. Из года в год все больше наших друзей-архитекторов приезжали на конкурс. В состав жюри входили тогда практикующий архитектор-градостроитель Эдуард Товмасьян, Станислав Садовский — профессор МАРХИ, участник легендарной группы НЭР⁴ и преподаватель макетирования в Университете культуры, всегда с ними улыбка и доброжелательная Маша Семёнова. Люди редкой душевной чистоты и порядочности, много лет подряд они были постоянными членами жюри, мы с ними подружились, но никому никогда не приходила в голову мысль о том, что можно как-то повлиять с их помощью на результат конкурса. Чистые, акварельные люди!

До конца жизни Эдик и Слава сохранили трогательную искреннюю доброжелательность ко всем участникам конкурса и при этом объективный подход к оценке детских работ. Всегда с легкостью могли погасить любой конфликт, что, к сожалению, случалось. Дамы из регионов иногда жаловались им: «Нашу экспозицию загнали в самый угол! Кто нас там увидит!»

Вспоминаю один случай, связанный со Славой. В командировке, в Перми кажется, сняли для нас довольно дорогой отель. Захожу к нему в номер после семинара, а он лежит на кровати в белом махровом халате перед телевизором. На животе у него тарелка с черешней, и он, размахивая длинными красивыми руками, рассуждает: «Вот если бы у меня был такой халат, я бы каждый вечер лежал перед телевизором и жевал

что-нибудь вкусненькое!» Помолчал и добавил: «Впрочем, у меня и телевизора-то нет...»

Семинары наши в Москве и Суханове мы старались проводить в атмосфере творческой свободы и всегда после занятий, вечером, устраивали чаепитие с обсуждением результатов работы, а иногда и импровизированные балы. Но надо сказать, что и они встречали нас как самых важных персон. Если это была Сибирь, то угощали самыми вкусными пельменями, за которыми ездили к известной в округе бабушке-мастерице. Если юг страны, то необыкновенными фруктами, на московские непохожими. Вспоминаю, как мы с Ингой насмешили всех, неосторожно надкусив персик, сок потек до самых локтей. У нас этот фрукт часто напоминает ластик, и жевать его надо усердно.

Радость от общения не только профессионального, но и дружеского испытывали, кажется, все. Мы никогда не позволяли себе менторского тона, московского снобизма. Всегда все у нас проходило весело, дружно и, главное, на равных.

Какие это прекрасные люди, с каким интересом они вникали в нашу методику, с каким вниманием слушали наши сообщения и как увлеченно работали потом на наших мастер-классах! Со временем наше общение стало, скорее, обменом опытом, так быстро коллеги все схватывали и развивали. Некоторые приспособляли наши приемы под свои региональные особенности, что нас, конечно, особенно радовало.

География наших выездных семинаров огромна. И это не только привлекательные места — Рига, Сочи, Таллин, Каунас, Ереван,

Дом творчества «Суханово».
Семинар в каминной

4 НЭР — новый элемент расселения.

Бухара, Харьков, Минск, Нарва, Ленинград. Были еще и не очень привлекательные, и, конечно, не очень теплые. Тюмень, Томск, Тобольск, где, например, было 32 градуса мороза и где я в своей несерьезной дубленке промерзла так, что даже в очень горячей ванне в гостиничном номере не могла согреться.

Был еще такой город Ленинск-Кузнецк с открытыми шахтами повсюду. А я была там одна в начале мая. Наблюдаю однажды, как рабочие огромными металлическими лопатами рубят что-то странное, черно-белое, метра полтора в высоту. И на мой вопрос, что это, говорят: «А это тельняшки рубят. У нас снег не тает, потому что шахты открытые и постоянно вбросы идут. Так тельняшка и образуется — то снег, то угольная взвесь».

Были в Перми, в Новороссийске, где на тот момент в очень приличной школе имени Эрьзи не было туалета, а удобства, если это можно назвать удобствами, располагались на улице. В итоге по приезду в Москву мы с Ингой разъехались по больницам: Инга с панкреатитом, а я — с вирусной пневмонией.

Были Якутск, Бухара, Глазов, Набережные Челны, Тольятти, Хабаровск, Караганда, Ростов, Магнитогорск и еще много других городов.

Лет десять назад, на Зоологической, Инга пропала на несколько дней. Потом появилась. «Ты где была? — спрашиваю. — Болела?» «Я в коме была», — отвечает. «Что? В какой коме?» — «В Коми!»

Из зарубежных стран, начав с Болгарии, посетили Финляндию, Польшу, США дважды, Швецию, Норвегию, дважды — Осло и Берген, Германию, Францию, Словакию, Турцию, Италию, Голландию, Бельгию, Хорватию.

В общем, за двадцать лет тесного общения мы с нашими коллегами из регионов стали одной большой командой. Работали каждый раз напряженно не только мы, они тоже, весь день до позднего вечера с небольшим перерывом на обед. Нам надо было за три дня донести практически все пункты нашей методики, а им усвоить.

Иногда бывало так, что уже в своем номере, в кроватях, пытаюсь уснуть, слышим театральный шепот из-за двери: «Инга Михайловна! Ольга Аркадьевна! Извините, что так поздно! Это последнее задание на преобразование геометрической формы в коллаже или в графике лучше делать? И давайте завтра пораньше начнем, чтобы побольше успеть?»

Со временем наши коллеги стали принимать участие в выездных семинарах — мастер-классах. Теоретическая же часть методики всегда оставалась за Ингой и мной.

В 1983 году к нам пришел Коля Волков — Николай Николаевич. Нельзя сказать, что он сразу подхватил наши принципы работы с детьми, у него уже была наработана своя методика преподавания со студентами в МАРХИ, сконцентрированная на собственной личности. Тогда образовалась как бы его авторская творческая мастерская внутри студии. При этом он оставался в рамках нашего общего архитектурно-дизайнерского направления. Подход его к обучению отличался больше тем, что он не стремился к эффектному результату, а сосредотачивал внимание своих учеников прежде всего на процессе. Это поначалу раздражало, мы считали, что любая работа, даже короткое упражнение, должна выглядеть художественно завершенной.

К сожалению, мы не всегда понимали друг друга, посмеивались над его своеобразием. Надо отдать ему должное, он не обращал на наши выпады внимания, иногда только позволял себе едкое замечание типа такого: «Смотри, девчонки опять красотостей напекли». Пожалуй, он был единственным в нашей команде, кто был привержен только собственной методике. Он стоял особняком

в нашем особняке! Мотивы и приемы творчества различных исторических эпох и мастеров прошлого его тоже не увлекали так, как нас, для него существовали исключительно проблемы современного пластического языка, и в них он и погружался вместе со своими учениками.

Работы его детей вообще мало кто понимал и был в состоянии оценить, настолько это выбивалось из общей методики студии, но одно бесспорно — это всегда вызывало интерес, все соглашались с тем, что «в этом что-то есть». Дипломные работы, в противовес трудоемким, демонстрировали совершенно противоположное — лаконичность формы и минимум затрат. При этом какая глубина мысли! Какой исследовательский подход к объекту внимания! Добавьте к этому речь выпускников на защите дипломных работ — настоящие философы. Надо было видеть и слышать, и кто был на защитах выпускников Николая Волкова, сразу поймет, о чем я.

К сожалению, методика Николая Николаевича после его ухода из жизни осталась только в его учениках.

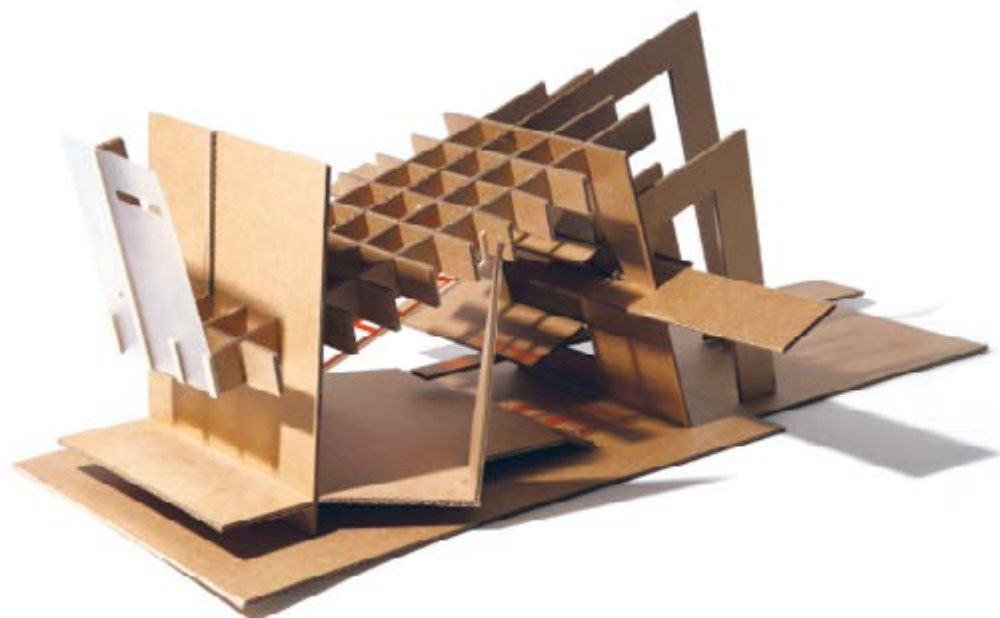
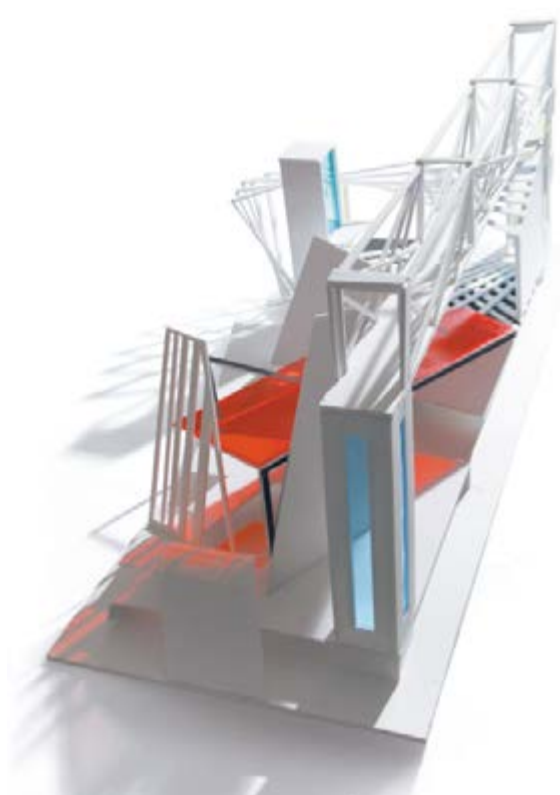

Натюрморт. Фактуры. Лиза Оспищева, 10 лет, руководитель Н. Волков. Тушь, перо

Натюрморт с шахматной фигурой. Маша Оспищева, 12 лет, руководитель Н. Волков. Тушь, перо

Выпуск класса Н. Волкова

Николай Николаевич Волков формулирует задание ученикам

ВЛАДИМИР ПРЯДИХИН
профессор кафедры рисунка
МАрХИ

С Николаем Волковым я был знаком со студенческих лет. Николай был старше меня на год, и я рабствовал ему на дипломе в МАрХИ. Тема его диплома была «Детский художественный театр». Так и по жизни он отдавал себя полностью и без остатка молодым талантам. Преподавал в МАрХИ и в студии «СтАрт» при Союзе архитекторов в Гранатном переулке. Могу с уверенностью сказать, что его талант как педагога был недооценен. Особенно на кафедре рисунка МАрХИ, где он в свое время работал. Он не просто рисовал «как все», он конструировал изображение, не срисовывал, занимаясь имитацией природы, а аналитически изучал натуру, отдавал предпочтение центру притяжения в композиции, ритму составляющих мотива, точно и достаточно, без излишеств определял характер изобразительного ряда.

Я много раз бывал у него на занятиях в «СтАрте» в Гранатном и сидел, слушал и наблюдал, как он ведет предмет. С творческим настроением и любовью он заражал всех своим энтузиазмом и энергией. Одного из своих учеников спрашивал: «Андрюша, почему твоя линия идет именно из этой точки вверх и почему под этим углом, давай рассмотрим варианты, сделаем угол острее и посмотрим на “соседей”, как они преобразятся после нашей поправки». Рассматривались три-четыре варианта. Каждый вариант подвергался «мозговому штурму» и рассматривался со всех сторон. В другом случае он говорил: «Алёна. У тебя все неплохо получается, но давай попробуем твой квадрат заменить на квадрат поменьше и квадрат побольше. Потом сравним масштаб композиции, которая или увеличивается, или уменьшается, и сравним, какая композиция будет сильнее влиять на зрителя». И так с каждым учеником.

Особенно интересно было наблюдать, как он ведет групповые занятия, когда все участвуют в создании одного объекта. Обсуждалось предложение каждого ученика по пунктам, иногда его отвергали, иногда с ним соглашались, внося все поправки. Работа «коллективного разума» была очень живой и полноценной по своему характеру, а меня всегда поражали результаты. Казалось бы, из ничего создавалась уникальная

композиция именно с архитектурной окраской, что было очень важно для учеников. Каждая композиция была абсолютно неповторима по своему решению. Считаю, что качество методики Николая Волкова было определено безграничным импровизационным мышлением Мастера-педагога.

Николай постоянно носил с собой планшет, и при встрече мы могли долго обсуждать того или иного художника или архитектора, а он тут же иллюстрировал свои слова фотографиями из архива планшета. Что особенно нравилось мне, у нас никогда не было праздных разговоров «ни о чем», а всегда была интересная тема для обсуждения. Главное, что он был постоянным инициатором обсуждения какой-либо темы, и я с удовольствием включался в этот процесс. Он не представлял свою жизнь без карандаша и альбома, постоянно что-то рисовал и анализировал. У него были сотни и сотни эскизов и зарисовок на различные темы. Он часто возвращался в своих эскизах к работам своих учеников, анализируя их и стараясь довести конечный результат до совершенства. Любовь учеников к нему была безгранична. И это было действительно так.

В 1985 году пришел, нет, ворвался Саша Ермолаев, и с его появлением многое изменилось в студии к лучшему. Я считаю его полноправным автором методики, несмотря на то, что Инга не включила его в официальный перечень авторов-разработчиков заданий методики. Она автоматически внесла в этот список всех, кто работал с нами на данный момент. Жаль, ведь именно от него многие из нас многому научились. Его лозунг и тогда, и сейчас — простота, ясность, брутальность, минимализм — помог избавиться от излишней декоративности, многодельности, к которым незаметно для себя некоторые начали скатываться. К тому же он сразу настоял на проведении постоянных просмотров работ — творческих советов. Однажды Саша увидел, как мы с детьми учимся делать отпечатки. На изнанку листа клена или дуба мы наносили гуашь, прикладывали к бумаге и рассматривали строение листа. Ему это показалось таким интересным и остроумным, что он тут же предложил дать такое задание всем возрастным группам, и к тому же расширить и обогатить его. «Ведь отпечаток можно получить с помощью любого фактурного предмета». Это может быть гофрокартон,

Натюрморт с линейкой. Оля Дихтенко,
12 лет, руководитель А. Ермолаев.
Коллаж

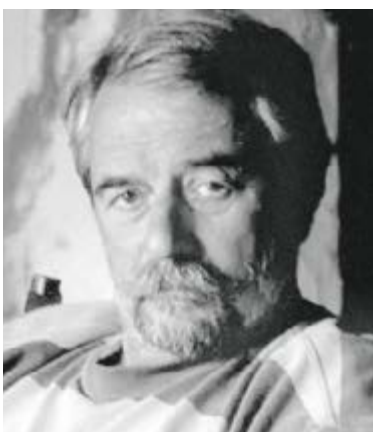
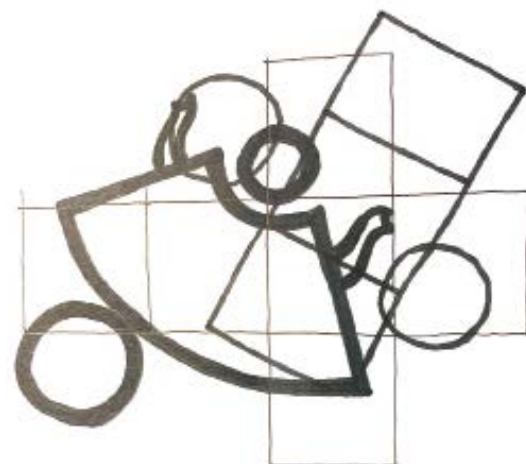
Развертка натюрморта. Саша Таранова,
12 лет, руководитель А. Ермолаев.
Тушь, кисть

Плакат студии. Катя Токарева, 12 лет,
руководитель А. Ермолаев. Коллаж,
отпечатки веток

А. Ермолаев с учениками
Александр Павлович Ермолаев
Натюрморт с кофейником. Митя Панкин,
13 лет, руководитель А. Ермолаев. Коллаж

вельвет, кружево, мешковина, веревки, нитки, сетки, овощи и фрукты в разрезе, отпечатки ладони. В процессе дети так вдохновились, что отыскивали и приносили из дома все новые и новые материалы для печатания. Длился этот эксперимент месяца три, если не больше, настолько эта техника пришлась по душе детям. В ней есть элемент неожиданности результата и даже некоторая непредсказуемость его, а для ребенка это так притягательно. Продуманное заранее задание не всегда радует на выходе, а тут результат оказался превосходным. Каждый — и ребенок, и преподаватель — получал возможность еще ярче проявить свою творческую индивидуальность.

Александр Павлович удивительным образом сочетает в себе внутреннюю раскрепощенность с дисциплинированностью и собранностью — он всегда «держал мысль» на наших подсветах. Если кто-то «уплывал», нарочито громко говорил: «Включайся!» — и человек вздрагивал и возвращался. Он железной рукой не давал нам «завихриваться», уходить от того, с чего начали. Собирались каждую неделю, засиживались до последнего поезда в метро! «В детской работе должен быть отчетливо виден методический прием преподавателя, — говорил Ермолаев, — как формулировалось задание, какими средствами достигался результат. Если это не просматривается сразу, значит, задача ставилась невнятно» (его любимое словечко). Особенно его раздражала «замученность» — так он называл работы с большим количеством графических приемов. «Глазу негде отдохнуть! Не видно души в этом, уж лучше недосказанность». Еще одно его фирменное словечко. До драк не доходило, но слезы капали...

Однажды в конце 90-х зашел к нам за своей внучкой Евгений Абрамович Розенблюм, блистательный архитектор и дизайнер, создатель и руководитель знаменитой Сенежской студии. Посмотрел по стенам, повздыхал и говорит: «Вы, барышни, что-то на результат стали ориентироваться. Раньше я этого не замечал. Приходите ко мне в мастерскую, поговорим». Не успели...

После Волкова и Ермолаева присоединилась к нам Ирэна Фёдорова, потом Ирины пошли — Полукарова, Абазиева, Орлова. За ними Алёна Дурново, Дарья Шаблий, Алла Бочкарёва, Марина Аркадьева, Галина Равинская, Татьяна Ревес, Наталия Пелепелина. Тогда начал складываться такой своеобразный ковер, в котором каждый приходящий занимал свое достойное место. Несмотря на то что все мы вышли из МАрХИ, у каждого были свои предпочтения. Одних больше привлекали темы, связанные с историей мировой художественной культуры, другие оставались в ценностях современного искусства. Одни любили короткие композиционные упражнения, других привлекали более сложные задания, требующие тонкой графической проработки. Потом, уже на Зоологической, примкнули к нам бывшие наши ученики — Саша Таранова, Лена Галкина, и они тем более сразу влились в нашу команду. Ведь они с самого начала были с нами. Саша с самого малолетства в студии — сначала у меня, потом у Ермолаева. Лена тоже с Ингой Михайловной прожила десять лет в «СтАрте».

И каждый из них обладал своим авторским стилем в подходе к методике, одежде, манере общаться с детьми и родителями.

Не все люди приживались у нас, бывало, что приходилось расставаться, но это было редко и только в начале, потом состав команды

уже не менялся. В 1994 году, когда мы стали школой, чиновники вынудили нас ввести отдельные предметы, хотя 12 лет до этого мы гордились именно тем, что, в силу универсальности своей профессии, можем сами вести графику и колористику, макетирование и историю мировой художественной культуры. Когда «обросли» отдельными предметами, пришли Зоя Андреева и Татьяна Базилевич — преподавать макетирование (раньше они вели макетирование в Университете культуры при Союзе архитекторов), Нона Азнавурян — черчение, Екатерина Середнякова — историю мировой художественной культуры, Андрей Мунц и Елизавета Кольцова — академический рисунок, Галина Равинская — основы натурального рисунка, Алла Бочкарева — колористику и академический рисунок, Альфия Матвеевко — факультатив «Дизайн-театр. Моделирование костюма».

ОЛЬГА ДИХТЕНКО
архитектор

Хотя мой папа и был архитектором, мы ничего не знали о существовании «СтАрта», а мои попытки позаниматься до этого времени в каких-то классических художественных заведениях наводили тоску и уныние и быстро заканчивались. Но так как с раннего детства я всегда знала, что стану архитектором, все время что-то мастерила, клеила и рисовала дома сама.

Преподаватели нашего «СтАрта» в учительской на Гранатном.
И. Фёдорова, Д. Шаблий,
И. Орлова, М. Аркадьева

У истоков.
И. Фёдорова, И. Абазова, О. Бармаш

На просмотре перед поступлением в «СтАрт» я была приятно удивлена, когда О.А. Бармаш обратила внимание не на мои робкие попытки в жанре натюрмортов и пейзажей, а на мои смелые творческие эксперименты в духе О. Розановой и В. Степановой, до этого мне казалось, что меня никто не понимает, и сказала: «Эту девочку мы берем».

С тех пор мой мир изменился! Два раза в неделю, окрыленная творческими порывами и жадной новых знаний и умений, я бежала в Гранатный переулок. Мне посчастливилось попасть в группу к легендарному А.П. Ермолаеву и его ассистенткам Т. Шулике и Л. Климовой. До сих пор поражаюсь, как в те времена, с ограниченным доступом к информации, не говоря уже об интернете, они умудрялись вложить в нас такое количество знаний и всевозможных художественных навыков. Я сразу почувствовала, что все это мое, все, что я хотела знать и чему хотела научиться, но не знала как.

Чего мы только не делали на занятиях! Коллажи, графика, пастель, уголь, разнообразные объекты, отпечатки. Помню, на одно занятие надо было принести какие-нибудь фрукты и овощи. Мы, конечно, подумали, что будем рисовать натюрморт. А оказалось, что мы весь урок разрезали все эти фрукты-овощи пополам, покрывали срезы краской, а потом из их отпечатков делали какие-то феерические цветные композиции на листах. Все занятия были настоящим праздником, и каждый раз мы не знали, какой новый опыт или новая техника будет ждать нас на следующей встрече!

После каждого урока происходило обсуждение, все должны были высказать свое мнение и назвать работы, которые им больше всего понравились и объяснить почему (уже намного позже я поняла, как это важно для умения объяснить свою точку зрения и грамотно сформулировать мысли). В завершение А.П. Ермолаев объявлял свои работы-фавориты, и если твое мнение совпадало с его, а это случалось довольно редко, то это было настоящим счастьем. А еще каждый раз А.П. Ермолаев выдавал создателям лучших произведений награды: либо яблоко, либо конфету, либо печенье, и это было лучшим поощрением для нас, все очень гордились, получив эти незамысловатые призы.

За время учебы в студии мы все очень сдружились, со многими я общаюсь до сих пор. Потом, уже в МАрХИ, я отучилась несколько лет

на курсе у А.П. Ермолаева, и все знания, умения и методы проектирования, полученные мной с детства у этого замечательного человека, я применяю в своей работе и по сей день.

МИХАИЛ БЕЙЛИН
архитектор

Как я провел 90-е

Я пришел в «СтАрт» в 1991 году. Мне было шесть лет. Для страны шло очень интересное время, а для меня просто детство. Я проучился в студии все девять лет. Таким образом, именно «СтАрт» стал для меня теми 90-ми о которые сейчас ломают столько копий. 1990-е — действительно чудесное время: время возможностей, время свободы. Свобода как форма вообще лучше всего описывает студию (не школу, школой она стала позже, именно Студию) «СтАрт». Но не только этим это описание исчерпывается. Тогдашний «СтАрт» — это абсолютная свобода творчества, но и очень четкий нравственный и эстетический камертон. Безграничные возможности закладывались там в человека, но, вероятно, главная возможность — не стать как все. Не слиться с толпой, не пойти на поводу у простых и пошлых идей и целей. Мне кажется, что главное, что в нас старалась воспитать Инга Михайловна Абаева, — неприятие пошлости, стремление быть личностью, отсутствие страха «быть не как все». А у ребенка и особенно подростка желание быть как все очень сильно. Быть частью чего-то. Эта прививка, полученная нами тогда, в 90-е, работает до сих пор и не только в творческом плане.

Можно очень много рассказать про творческую атмосферу студии. У нас не было горячей воды, но можно было рисовать на стенах. У нас был холодный особнячок с расшатанными столами, общие карандаши и фломастеры, бутерброды и чай в бутылках из-под кока-колы, хотя хотелось, конечно, настоящей газировки. Но у нас был свой дом на Гранатном. Для меня, ребенка из спального района это было настоящее окно в город, в жизнь старой Москвы. И у нас была постоянно работающая кухня творчества, идей, перформанса. Мы, будучи стеснительными детьми, выступали в своих сумасшедших

костюмах перед полным залом Дома архитектора, перевоплощались в придуманных героев своего мира фантазий, оживляли картины. И самое главное, что это было обыденным занятием. Не стрессом, не выступлениями, к которым очень долго морально готовились, — нет. Просто нашей жизнью. Творческая непосредственность для учеников «СтАрта» не была плодом кропотливой работы, это было естественным состоянием жизни в студии.

А потом, после окончания уже школы «СтАрт» в 1999 году, на годы ко мне пришло разочарование... Так получилось, что начав подготовку к Московскому архитектурному институту — очень сложную, однообразную, — я понял, что ничего из стартового багажа мне не пригодилось. Люди, проучившиеся в художках, хорошо рисовали голову, многие ребята из профильных школ умели чертить. Им было значительно легче. Я ничем таким не занимался, мне пришлось учиться с нуля... Получается, я девять лет уже был как бы архитектором, но, чтобы стать архитектором юридически, мне нужно совсем другое... Это было грустно и обидно. Я будто потратил зря время.

Далее, поступив в институт, я избавился от этого разочарования, вспоминая «СтАрт» как просто очень интересное времяпрепровождение, но не более. Мне по-прежнему не казалось все приобретенное там чем-то важным и нужным для профессии. А потом, так случилось, я все же стал архитектором. И мне как-то невероятно повезло. Я попал в бюро, в котором совсем не было иерархии и молодым ребятам, только окончившим институт, давалась абсолютная свобода. Мы сами вели проекты, консультируясь только с нашим другом и учителем Юрием Григоряном. И вот тут вдруг (очень хорошо помню этот момент, буквально озарение) я понял, что большая часть того, чем я могу приносить пользу, — это и есть та творческая свобода и те эстетические ориентиры, подаренные мне Ингой Михайловной, воспитанные годами в «СтАрте». Я и сегодня зарабатываю этим деньги, а главное, получаю от этого огромное удовольствие. Очень люблю свое дело, и это именно то дело, которому я учился и которым жил много лет в особняке на Гранатном переулке. Круг замкнулся...

Думаю, студия формировала в первую очередь личность. Свободного человека, нонконформиста. Человека, получающего жизненные силы и удовольствие из творчества. В любых его

проявлениях, не только профессиональных. Если бы не «СтАрт», не Инга Михайловна, я бы точно не был настолько счастливым человеком. Мне ужасно повезло.

Запоздалое «спасибо»!

ЗОЯ АНДРЕЕВА
архитектор, преподаватель
объемно-пространственной
композиции (1994–2018),
лауреат Государственной
премии «За создание системы
развития творческого потенциала личности
средствами архитектуры и дизайна», автор
образовательных программ, член Союза
архитекторов, Учитель года (2015)

Все поступающие на преподавательскую работу в «СтАрт», как правило, проходили через творческий просмотр работ на художественном совете.

Наш приход в «СтАрт» с Татьяной Базилевич случился в 1994 году в иной форме. В это время, в силу сложившихся тяжелых обстоятельств с помещениями и полной беззащитностью, Инге путем больших усилий удалось уговорить чиновников из Управления культуры (было такое промежуточное звено) взять студию под свое крыло. Сначала ее и слушать не хотели. «Нет, вы только послушайте, я вам все сейчас объясню!» — говорила Инга, приходя туда вновь и вновь. Начало 90-х было очень нестабильным временем, царил хаос и неразбериха, но она, понимая, что студии грозит исчезновение, своей настойчивостью и убедительными аргументами, что это будет перспективная школа нового типа, а не просто очередная художественная, сумела добиться статуса «Детской школы искусств архитектурно-художественного профиля», до сих пор единственной в городе.

На тот момент мы занимались своей профессиональной проектной деятельностью и параллельно, на общественных началах, с инициативной группой архитекторов (Л. Барщ, М. Хазанов, С. Захаров, С. Садовский, Н. Мещерякова) преподавали детям в Университете культуры для школьников при Доме архитектора. Университет был создан методическим советом при Союзе архитекторов в 1964 году под председательством профессора Е. Б. Новиковой. Курс обучения состоял из лекций по истории архитектуры

и изобразительного искусства, экскурсий по историческим местам и практических занятий по выполнению композиционных заданий в макетах. Лекции проходили в Доме архитектора, а практические занятия — в том же особняке в Гранатном переулке, где и располагался «СтАрт». Это были совсем разные по духу организации. Когда студия приобрела статус школы, то понадобилось создание программы обучения, состоящей из ряда дисциплин. Конечно, в студии выполняли задания и в объеме, но отдельного курса не было. Мы очень подходили для решения этого вопроса, но брать на себя дополнительную нагрузку было уже тяжело, мы отказывались преподавать еще и в «СтАрте». Но Инга всегда умела добиваться задуманного и сумела уговорить нас с Татьяной Михайловной.

Попав в среду «СтАрта», мы почувствовали совсем другую атмосферу и увидели людей, до фанатизма преданных своему делу. Появилось приятное чувство сопричастности к этому сообществу. Все подпитывали друг друга общим устремлением создавать что-то новое, работать с полной отдачей.

Со временем на основе авторской методики обучения проектному и креативному мышлению была выстроена комплексная инновационная система развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна. Туда вошла и разработанная программа по курсу объемно-пространственной композиции.

Эта программа постоянно развивалась и совершенствовалась, создавались новые задания, существовало даже некое творческое соперничество между преподавателями. На итоговых просмотрах мы с интересом наблюдали за тем, как много нового было придумано в истекшем году, и это каждый год поднимало нас на ступеньку выше.

Продолжая традиции русского авангарда, оперируя простыми геометрическими формами и элементами, понятными детям, создавались проекты как на отвлеченное формообразование, так и на конкретные темы. Были задания и на изучение памятников архитектуры. Вспоминаю нашу с Ингой поездку на форум ЮНЕСКО в г. Берген (Норвегия) по изучению и сохранению культурного наследия, где была представлена большая экспозиция по памятникам архитектуры России, выполненная нашими учениками в технике рельефа из белого ватмана. Это произвело

на представителей из 30 стран сильное впечатление на фоне поделок из пластилина, соломки и прочих подручных материалов.

Много внимания Инга и Ольга отдавали распространению методики по городам и весям. Сколько было выставок, мастер-классов, семинаров, круглых столов, и не только в нашей стране. География поездок огромна — от Якутии до США, включая страны Европы.

Не ограничиваясь только занятиями в аудиториях, сколько прекрасных праздников прошло в Доме творчества архитекторов в Суханове, «СтАрт-парадов» в Доме архитектора, в одном из которых, опять же по настоянию Инги, даже участвовал мой песик породы жесткошерстная такса в соответствующем костюме.

Какие замечательные поездки по Подмосковью, другим городам и странам проводил друг нашей школы Никита Шангин, чрезвычайно эрудированный в области истории архитектуры. Совершенно уникальные путешествия «СтАрт» неоднократно совершил во Францию по приглашению Пьера Кардена. Выставки и дефиле дизайн-театра Альфии Матвиенко, устроенные в его замке в Лакосте, в Провансе, удостоились высокой похвалы от кутюрье и его гостей.

Основатели «СтАрта» Инга и Ольга всегда были лидерами и задавали высокий уровень во всем. Удивительно, как во времена тотального дефицита эти дамы умели выглядеть очень стильно: необычного кроя одежды, нередко свободного силуэта (ныне стиль бохо, мы тогда такого слова не знали), изысканные цветовые решения, множество тонко подобранных аксессуаров. Это вызывало чувство восхищения и держало в тонусе остальных.

Изначально придуманный не чиновниками, а архитекторами-энтузиастами Ингой и Ольгой проект «СтАрт», подхваченный единомышленниками, очень долго сохранял дух свободы, независимости, самостоятельности. Но времена меняются, и совершенно несправедливо, что сейчас их имена даже не упоминаются на официальном сайте в истории создания школы.

Не все наши ученики пошли в архитектуру, но они научились нешаблонно мыслить, не бояться проявлять творческую активность, владеть созидательными навыками, быть в постоянном поиске.

И все же тогда, в самом начале, мы были едины. Хотя каждый представлял собой яркую индивидуальность, он при этом не выходил за рамки студийного, стартового направления. Мы были погружены тогда в атмосферу творческого азарта, в своего рода конкурентную ситуацию, в которой каждый стремился проявить свое Я. Доверяли только мнению коллег, это был для нас так называемый гамбургский счет. Тогда критиковали друг друга открыто, и никто не обижался, все понимали, что студия находится в стадии становления. Несколько педсоветов посвящали придумыванию названия студии. Идей было много, вплоть до не очень приличных.

Хохотали до ночи, опаздывали на метро, но все же, в конце концов, остановились на моем предложении, чему я была очень рада тогда, не подозревая, какое множество разнообразных фирм, объединений, магазинов и прочего появится потом под этим названием. Правда, такой богатой аббревиатуры, скрытой в этом простеньком слове, нет ни у кого. Каждому на наших педсоветах давалось слово, один предлагал идею, остальные, если она не отвергалась всеми, тотчас принимались развивать ее, «дотягивать». И эта установка на коллективное творчество еще долго жила в студии.

К сожалению, после ухода Ермолаева из студии наши веселые творческие педсоветы постепенно сошли на нет. Видимо, все-таки некоторые обижались. Потом мы стали собираться раз в месяц, и обсуждались на них только скучные организационные вопросы. Как-то все пошло по накатанному и в творческой сфере. Времена наибольшего напряжения нашей деятельности остались в прошлом.

В нашем котле варились отобранные люди, желающие присоединиться к нам в качестве преподавателей, они приносили свои портфолио, и мы проводили с ними собеседование на общем педсовете. И это были не просто талантливые люди, а люди, способные подчиниться нашей общей идее. Тогда никому из нас не приходило в голову встать в позу мэтра, все на равных участвовали в отборе новых преподавателей, и, когда Инга стала директором, ничего не изменилось, она осталась для нас нашей Ингой. И не только для нас — для родителей и посетителей тоже. Приемные часы у нее были 24 часа в сутки. Своего кабинета тоже тогда не было, все ютились в одной маленькой

комнатке. Так называемые теперь лихие 90-е мы, кажется, и не заметили. Да, какие-то вихри проносились над головой, были проблемы и у нас: неустроенность в студии, безденежье, одна за другой угрозы — то затопления и выселения, то постоянные отключения электричества. Но все это мы считали такой ерундой по сравнению с тем воздухом свободы, который хлынул на нас и который мы жадно хватали и никак не могли надышаться. Нам так нравилась атмосфера того времени, она была так созвучна нашим устремлениям и нашим лозунгам! К тому же стала появляться надежда на то, что будет теперь цениться более разнообразный подход к довузовскому образованию, и наш опыт создания творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна будет востребован и в общеобразовательной системе. Наша команда была тогда таким сгустком общей энергии людей, движущихся в одном направлении, что не отменяло некоторой скрытой конкуренции между нами. Этот соревновательный дух, свойственный нам в те времена, как ни странно, не разрушал нашу команду, а, напротив, сплачивал ее. Наверное, это и стало залогом нашего скорого успеха.

Мы вдохновляли друг друга, учились друг у друга. Мы никогда не повторяли наработок коллег напрямую. Всегда старались придумать что-то свое, новое. Если уж очень хотелось воспользоваться чьей-то идеей, обязательно подходили к ней творчески — меняли, например, технику исполнения или давали это задание старшим ученикам, выполняя

Марionетка-медведка. Глеб Галкин, 9 лет,
руководитель А. Дурново. Пенкоартон, ватман
Инга Абаева

его в аксонометрии. Таким образом методика наша обогащалась, пополнялась все новыми заданиями, и никто не претендовал на авторство — мы ведь делали общее дело.

Сейчас уже трудно восстановить в памяти, с кого пошло то или иное задание, настолько бурным был творческий процесс. Однако хорошо помню, что Ирэна первой воспользовалась остроумным приемом голландского художника Маурица Эшера. Она дала своим ученикам задание, в котором они должны были изобразить два профиля с помощью одной общей линии. Потом появились целые ковры-«зоопарки», игры-пазлы для детей. К 15-летию «СтАрта» в ЦДХ сшили детское одеяло на тему «Вливания» — так мы называли это задание между собой.

На «СтАрт-параде» мои ученики собирали гигантское панно «Человек и природа» на сцене Дома архитектора. Ира Орлова первой сформулировала задание «Автоплаволет» — универсальная машина. Алёна Дурново первой

стала делать макеты не только архитектурных сооружений, но и природных форм — раковин, насекомых, птиц. Инга добыла где-то шрифтовые гарнитуры, и все потом ими пользовались. Это так называемые летрасеты — такие дизайнерские наборы. На листе прозрачной бумаги типа кальки нанесены буквы и цифры, которые по принципу переводных картинок можно перенести на ватман. Так, в зависимости от характера буквы, ее толщины и высоты можно было составить образ — человека, животного, архитектурного сооружения и многое другое. Технику граттажа — процарапывания — тоже впервые предложила Инга. А мы потом ее развивали и довольно часто использовали в работе. Дети приходили в восторг от того, что рисовать надо было не карандашом, как обычно, а гвоздиком или отверткой, и линия получалась не черной, как привыкли видеть, а белой или цветной.

Мое задание на преобразование геометрической формы я проводила с восьмилетними детьми. Помню, как оно родилось. Выдала каждому ученику по квадрату черной бумаги. Задание формулировалось так: сделать врезки со всех сторон, отложить их и посмотреть на то, как изменилась эта форма. Потом подумала и решила, что идеально было бы сделать производство безотходным. Так родилось задание «Опрокидывания» с эффектом неожиданного результата. Буквально на глазах простая геометрическая форма преобразовывалась в сложную, мелко изрезанную, напоминающую план какого-либо сооружения, животное или птицу, рыбу или растение. Ира Орлова и Ирэна Фёдорова потом давали такое задание в аксонометрии своим старшим ученикам, меняя, усложняя технику исполнения. Если у меня это задание выполнялось в технике коллажа, то дети старшего возраста попутно осваивали технику простого или цветного карандаша с растяжкой тона.

В общем, оказалось, что это здорово — работать с детьми. Наверное, потому, что не в какой-нибудь школе по чьей-то спущенной сверху программе, а по своей собственной методике, в которой каждое задание придумывалось и продумывалось до мелочей самостоятельно.

Когда-то одна архдама спросила, не надоело ли мне все это (подтекст — возиться с детьми). Я поначалу даже опешила, не зная, что ответить. Как объяснить, что это счастье — придумывать для детей интересные задания, предвкушая множество разнообразных и нестандартных ответов. А еще в одном из этих ответов вдруг увидеть идею для следующего задания, такое тоже бывало, и нередко. И так без конца, каждое занятие — открытие. Всякий раз изумляешься поворотам творческой мысли детей. И как такое может надоесть? Постоянно ловила себя на мысли, что везде — на улице, в командировке, в музее и даже в гостях, увидев что-то неординарное, тут же приспособливаю это для своей работы, в уме уже формулирую задание для детей. А на выставках, особенно современных художников или художников авангарда, идеи как будто набрасывались на меня, приходилось иногда даже записывать, чтобы не забыть.

Это было время, когда я, видимо, слишком увлеклась работой. Помимо того что отсутствовала каждую субботу — занятия проводила, так еще однажды и в воскресенье собралась в студию. Андрея, моего мужа, это вывело из терпения окончательно, мы повздорили. Я удачно вывернулась, отскочила, и под руку мне попала пиала с творогом, которую я и запустила в него. На макушке у него образовалась красная пышная пена! Молчание... И в этот момент

входит его красивая мама с сиреневой волной волос, в синем атласном халате с драконами, с красивой тростью и говорит: «У меня не сын, а кровь с молоком!» Сняла напряжение.

Натюрморты. Источник вдохновения — Д. Краснопевцев. Люба Воронина, 13 лет; Злата Терехова, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Оргалит, гуашь

Преобразование геометрической формы. Натюрморт. Гоша Полков, 9 лет, руководители О. Бармаш, А. Таранова. Цветная бумага, гелевая ручка

Зоопарк. Форма рождает форму. Даша Чопалавова, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Гелевые ручки, линер

Итальянские мотивы. Ваня Потапенко, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Графит

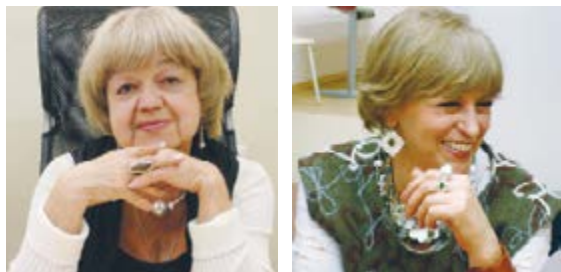
Преобразование геометрической формы.
Маша Спи, 9 лет

Автоплавиль. Филипп Дзядко, 10 лет,
руководитель И. Орлова. Цветные карандаши

Форма — антиформа. Листья. Катя Мурашова, 8 лет,
руководитель О. Бармаш. Цветная бумага, гелевые ручки

Проблемы образования давно вызвали в обществе много споров. Если раньше говорили об отдельных недостатках, то к началу 80-х вызвало тревогу уже падение культуры вообще. Одни говорили: «Надо повышать культурный уровень», другие видели все беды в потере духовности, третьи — в том, что утрачено ремесло в высоком понимании этого слова.

Сегодня многие возлагают надежды на всеобщую компьютеризацию. Для нас эти проблемы не имели значения, мы как архитекторы опирались на специфику собственной профессии, понимая при этом, что заниматься архитектурой в привычном понимании — проектировать дома, мосты, города не стоит, да с детьми это и не получится. Поэтому остановились на более широкой трактовке термина «архитектура».

«Архитектура — это польза, прочность, красота» — то есть все, что функционально, конструктивно и красиво логично назвать архитектурой. В этом смысле архитектуру имеют и лист, и дерево, и раковина, и стрекоза, и человек, и животное, и геометрическая форма. Многогранность нашей профессии позволила нам нацелиться на развитие именно универсальных способностей детей, тех способностей, которые всегда будут нужны выпускникам студии. Навыки нестандартно мыслить, не пасовать перед неожиданной ситуацией, свободно принимать решения пригодились нашим выпускникам независимо от того пути, который они выбрали в дальнейшем.

Иногда приходилось слышать от выпускников, выбравших не творческую профессию, что их постоянно тянет делать что-то своими руками — привычка самовыражаться дает о себе знать. Одна моя бывшая ученица делилась со мной: «Когда начинаешь заниматься чем-то творческим, такое благолепие наступает, будто снова попадаешь в свое стартовое пространство».

Создатели-основатели

Наша методика началась со сбора материала и его структурирования. Мы давали преподавателям летние домашние задания, чтобы они к каждому упражнению, которое дают детям, расписали подробно: тема — техника исполнения — сценарий урока — цели — задачи — результат. Весь поступивший объем материала просматривался, тщательно редактировался, структурировался и укладывался в определенный том.

В итоге к середине 90-х была закончена разработка нашего метода в шести томах.

МАРИНА ТОГУБИЦКАЯ
выпускница студии,
нейрохирург

Хирургия требует индивидуального подхода к каждому. Зачастую человек без воображения действует по учебнику. И получается плохо. А если включить в голову «СтАрт», то нет ситуации без решения. Есть «странноватые» случаи. На первых курсах университета практически на всех занятиях понадобились графические навыки. Чтобы понять ход структур человеческого тела, требовалось неплохое пространственное мышление, и вот, когда я прорисовывала увиденное и услышанное в тетради, студенты, не знающие, за какой конец карандаш держать, приходили в восторг и вставляли в очередь за моими рисунками.

Вообще, в «СтАрт» я попала случайно, мамина подруга сказала, что есть одна студия, где реально формируется личность.

Запомнилась обстановка. Абсолютная свобода, высокая конкуренция творчества, нестандартные люди.

Ольга Аркадьевна, каждый раз новая, как виды искусства, никогда не учительствовала, я ни разу не слышала от нее слова «плохо». «Странноватенько». Но подчеркивалось, что круто сделать самому, учили быть белой вороной, что стадо — это конец. В студии я научилась не обращать внимания на клише, мыслить самостоятельно и отстаивать свою позицию.

Впоследствии мне пришло в голову выучиться на нейрохирурга. И здесь «СтАрт» и бармашевское «странноватенько» определило все мое существование в хирургическом сообществе.

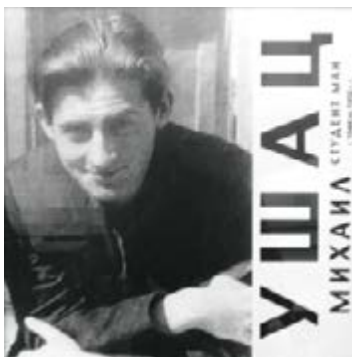
Ведь структуры головного мозга — это тоже архитектура.

Лет не помню сколько назад, уже работая по специальности, я получила задание от начальства изобразить этапы различных доступов к структурам основания черепа. Работенка выдалась приятная и сильно напомнила нежное творческое детство. Как будто снова в «СтАрт» окунулась!

ИЛЬЯ ИВАНОВ
фотограф, художник

Наверное, человек, попадая в благоприятную среду, берет оттуда в итоге то, что ему больше всего нужно в жизни. Что именно — выясняется порой много позже. Думая о «СтАрте», я вспоминаю упражнения в композиции, цвете, графике. Но я пришел туда из ЭДАСа, где тоже были упражнения в композиции, цвете и графике — немного другие, но этим меня было не удивить. А привязали к нему люди, они-то — не упражнения — были в нем самым главным. Инга Михайловна — Столп и Душа студии, и у нас не было дистанции с ней — был постоянный диалог и совместная работа. По ходу работы болтали, хохотали, часто меняли решение и возвращались к первому варианту эскиза, а еще вместе отдыхали — то у Инги Михайловны в гостях на даче, то в Суханове, то в экскурсионных поездках. Потом, окончив «СтАрт», там же, в стенах студии на Гранатном, я готовился в МАрХИ по рисунку с Якубом Петровичем Виноградовым и продолжил учиться у него в институте, а теперь дружу с его дочками, Сашей и Полиной. Стартовская дружба не кончается! И вот сейчас встречаюсь по работе в разных концах России с интересными, состоявшимися в самых разных сферах людьми — и вдруг оказывается: они из «СтАрта». Пароль «СтАрт» открывает многие двери!

Если уж коснулись понятия «пароль», не могу не вспомнить наш архитектурный пароль, в МАрХИ. УШАЦ — это такая визитная карточка института, своеобразный символ общности и братства. Обыкновенный, скромный студент Миша пришел первый раз на занятия, взял мольберт и нацарапал на нем свою фамилию, тем самым застолбив его. Все подумали, что так надо, и тоже подписали свои мольберты этим странным словом «УШАЦ», и никому в голову не пришло, что это фамилия. Эту надпись потом можно было встретить по всему миру — на доме, скамейке, памятнике. Говорят, в галерее Уффици и на Эйфелевой башне она тоже присутствует. Однажды, в студенческие времена, на байдарках занесло нас в заброшенный городок Сегежа в Карелии, и там в маленькой убогой столовке попалась мне алюминиевая ложка с нацарапанной надписью: «УШАЦ». Эту надпись можно увидеть в трех по крайней мере фильмах Георгия Данелии, архитектора по образованию, — «Афоня», «Не горюй» и «Мимино» — и даже одном мультфильме — как своеобразный привет своим братьям-архитекторам. И по негласной традиции, где бы ни был студент или уже выпускник МАрХИ, он считает своим долгом, вместо длинного и некультурного «здесь был Вася», начертать эти четыре буквы — короткое и магически-культурное УШАЦ. И сейчас у одной из дверей МАрХИ висит памятная доска: «Здесь впервые было написано УШАЦ».

А еще Михаил Ушац был знаменит своей потрясающей шуткой. Его друг Миша Кочин, с которым он работал в студии Марка Розовского «Наш дом», рассказывал нам, что в пятом пункте «Национальность» он написал: «А как же!»

ОЛЬГА ПАЩЕНКО
музыкант, исполнитель
на клавишных инструментах
(фортепиано, орган, клавесин,
хаммерклавир)

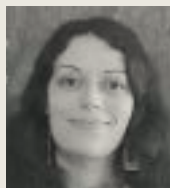
(Фото Yat Ho Tsang)

Студия «СтАрт» в детстве была сказочным островом творчества, всякий раз нового, удивительного, необыкновенного, куда так хочется всю жизнь вернуться вновь, чью атмосферу всегда лелеешь в душе.

Трудно описать свою любовь и благодарность нашим учителям — Инге Михайловне Абаевой и, конечно, моему абсолютному кумиру по жизни — Ольге Аркадьевне Бармаш, единственному человеку, кроме мамы, которому было доверено заплетать мои косички в незабываемой поездке со студией в США в 1993-м! Это удивительное путешествие в компании группы «юных архитекторов» для меня, тогда шестилетней, навсегда осталось одним из самых ярких впечатлений в жизни, несмотря на последующие многочисленные гастроли уже в качестве музыканта. Я как будто помню каждый день, прожитый тогда в Вашингтоне, Нью-Йорке, как мы «строили» города будущего и как дарили свои творческие подарки Мстиславу Ростроповичу на его день рождения, всего и не перечислить.

В «СтАрте» мы повстречались со всем — от русских лубков до гиперболоидов Шухова, от древнеегипетских иероглифов до парадоксов Эшера. Такая невероятная прививка творчества подарила мне (и, думаю, всем причастным, каждому в своей сфере) невероятные горизонты и свободу мышления и видения, способность разглядеть необычное в обычном, развить мысль в неожиданном направлении и в конце концов уметь отнестись ко всему с юмором. И я как музыкант не устаю за это благодарить студию. Спасибо, «СтАрт», и спасибо, Ольга Аркадьевна!

АСЯ ИЛЬИНА
архитектор

В 80-е годы XX века Ольга Аркадьевна Бармаш и Инга Михайловна Абаева основали новое в архитектурной среде направление педагогики, опираясь на основы архитектурной школы и детскую фантазию. В 90-е годы я поступила в первый класс в группу самой Ольги Аркадьевны, где проучилась девять лет. За эти годы «СтАрт» стал моей отдушиной, куда я всем сердцем стремилась, бежала от обычных уроков, казавшихся мне скучной рутинной, — в свободный творческий край, под теплый кров, где в дружелюбной компании было так легко создавать самые сложные вещи. Потом, уже годы спустя, учась в МАРХИ, я вспоминала «СтАрт» с благодарностью за эту легкость: как просто все давалось, как невероятно трудные задачи преодолевались — легко и радостно. Конечно, оказал влияние редкий педагогический дар и личные человеческие качества Ольги Аркадьевны, которая никогда не давила, не принуждала, а с чуткостью и тактом направляла и вдохновляла на подвиги. В 2005 году я защитила стартовый диплом — наш выпуск и защита проходили в Манеже.

Ольга Аркадьевна открыла для меня дверь в Архитектуру, и я пошла дальше по этому пути, чему и по сей день несказанно рада. Эта сфера искусства пришлась мне по душе как глобальная, многокомпонентная, многосоставная, объединяющая в себе самые разные профессии.

Направленная Ольгой Аркадьевной, я поступила в МАРХИ и окончила его дважды: сначала как архитектор-специалист в 2014 году, а затем, после трех лет аспирантуры, как преподаватель-исследователь в 2018 году. В 2020 году защитила диссертацию в МАРХИ, и теперь, уже будучи кандидатом архитектуры, я с радостью продолжаю архитектурно-педагогическое дело Ольги Аркадьевны Бармаш, являюсь ее благодарной ученицей,

единомышленником и, мне кажется, что можно так выразиться, — идейным сторонником. За годы после окончания специалитета я успела шесть лет проработать архитектором в архитектурной мастерской Антона Нагавицына, чья жена Евгения Бояршинова также преподает в ДТС СМА⁵, параллельно писала диссертацию, а еще и Ольге Аркадьевне помогала в студии проводить занятия. Тема моего диссертационного исследования связана с архитектурой детских домов семейного типа, и она была выбрана неслучайно.

Сегодня я уже полностью перешла в архитектурно-педагогическую деятельность, работаю с малышами, а также преподаю архитектурную графику студентам в Департаменте архитектуры РУДН⁶.

Обучаясь в аспирантуре и занимаясь научным исследованием, я ездила по детским домам семейного типа Москвы и Московской области с целью изучения их архитектуры, однако, оказавшись там, на месте, я поняла, что мое внимание привлекает не только архитектура, но и сами дети, живущие в них. Познакомившись с сиротами, я почувствовала, что просто не могу спокойно пройти мимо! Мне захотелось поделиться с ними приобретенными знаниями и той атмосферой творческих занятий, которые были у нас в «СтАрте».

Стартовая методика пригодна не только для детей, выросших в архитектурной среде, среди профессионалов, но и для самых разных детей в целом. Возможность ее применения гораздо шире и выходит за рамки узкой специализации.

С нашей точки зрения, авторский метод Ольги Бармаш и Инги Абаевой может стать элементом не только дополнительного, но и общего образования для детей. Мне кажется, что для архитекторов-педагогов открывается огромное непаханое поле деятельности: творческое взаимодействие с любимыми детьми.

Спасибо Ольге Аркадьевне и Инге Михайловне за широкие перспективы и новые горизонты!

⁵ Детские творческие студии Союза московских архитекторов.

⁶ Российский университет дружбы народов.

Внутренняя свобода, так необходимая взрослому человеку, присуща ребенку тоже, и означает она свободу творчества. Это вовсе не вседозволенность, как многие думают. Люди не рождаются, они становятся свободными, но стать таким способен не каждый. В повседневной жизни многое мешает человеку достичь свободы — нелюбимая работа, вредные начальники, чиновники, домашние заботы, болезни и собственные комплексы, наконец. Что же необходимо, чтобы испытывать чувство свободы? Конечно, прежде всего, возможность заниматься любимым делом, возможность выбирать и принимать решения, открыто выражать свое мнение. Свободные люди отличаются от прочих, они чаще живут в согласии с собой, чаще говорят, что нашли себя, свое предназначение, и видят в своей жизни возможности к самореализации.

Ребенок начинает чувствовать движение карандаша, кисти раньше, чем распознавать буквы и читать, и потому развивать творческое мышление надо с самого раннего возраста — дошкольного. Именно в раннем возрасте характерна особая восприимчивость ребенка к красоте и, что еще важнее, сильная тяга к творчеству. Она проявляется, например, в начертании каракулей, позже в строительстве из песка, из кубиков, в рисовании на полу, на обоях, конструировании из картона и подручных средств. Очень жаль, что сейчас дети не играют в кубики. Кубики очень просты, но это такой исходный материал, который вынуждает детей проявлять сообразительность и творческую фантазию. Домики, башни, мосты, дороги — все, что угодно! Это координация руки и глаза. Недоигрывание в кубики, как и в пластилин (ведь наборы пластилина тоже никогда не снабжаются инструкциями по лепке), в раннем возрасте приводят к нарушению письма, к перестановке букв местами, пропуску букв, что говорит о несформированности пространственного мышления. Сегодня это очень большая проблема. Сейчас многие, наверное, скажут: «Конечно, у этих дам и сахар был слаще, и вода мокрее», но я останусь при своем мнении. Простор для развития воображения, фантазии, навыки соотношения размеров, прочность, устойчивость конструкции, понятия масштаба и многое другое дает ребенку игра, прежде всего, в обыкновенные кубики. Сегодня у детей море игрушек. Они прекрасно разбираются в электронных играх, собирают пазлы, деревянные конструкторы, «Лего». Все эти игры снабжаются инструкциями, картинками, подсказками,

схемами сборки. И все это дает ребенку готовые ходы и решения — делают половину работы за него. Так и выходит, что набор самых обычных кубиков и пластилин не могут заменить никакие другие современные игрушки.

Особенно важно учитывать в этом возрасте воображение ребенка, когда, например, в клочках случайно брошенной бумаги, кляксе, пятне он может увидеть корабль с парусами и себя капитаном на нем или представить себя в волшебной башне в роли сказочной принцессы. Все это проявления проектного мышления. Конечно же, не каждый ребенок обладает таким мышлением от природы, но в раннем возрасте это легко исправить с помощью коротких, часто сменяемых упражнений, подключающих наравне образное и логическое мышление.

О. Бармаш с учениками
И. Абеева с учениками

Личность формируется именно в раннем возрасте, в противном случае задачи воспитания превращаются в задачи перевоспитания, когда это чаще всего бывает поздно. Мы с Ингой никогда не страдали умильно-восторженным отношением к детям, мы видели, что часто они изображают штамп — домик с заборчиком и солнышко в верхнем углу. А после восьми-девяти лет это уже, за редким исключением, пышная пошлость — принцессы, чебурашки с ромашками, а сейчас все больше аниме и комиксы.

В раннем детстве у ребенка еще нет штампов. Это начинается с детских книжек низкого художественного уровня, заполонивших сейчас полки магазинов, упаковок товаров для детей, детского сада, где воспитатели учат их похоже изображать предмет — так называемые аппликации с грибочками, цветочками и ягодками. Слово «аппликация» у нас вообще не было в ходу — сразу «коллаж».

В период достудийности, как мы его называли, особенно важно создать условия для творчества ребенка, постоянно меняя художественные материалы, особенно важно менять формат. Например, большой рулон ненужных обоев расстелить на полу или прикрепить к стене и выдать ребенку широкую кисть, краски или маркер. А потом дать ему лист небольшого формата А5 или А4 и тонкий линер для графики. Затем снова дать возможность поработать с крупногабаритной формой — это может быть обыкновенный ящик из гофрокартона, из него можно сделать домик для себя, прорезав окна и двери, и украсить его коллажем или рисунком маркером. Такую помощь оказать своему ребенку может каждый, даже далекий от мира искусства человек.

Вот главные особенности архитектурного творчества, на которые мы опирались в начале работы скорее интуитивно, потом все более осознанно.

Фартуки. Источник вдохновения — К. Малевич. Андрей Ширвиндт, Саша Кеслер, Соня Ткач, Яна, Ира Лецкая, Марина, Лёва, Наташа Зайченко, Маша Шубина, Ира Князева, Саша Шумакова, Миша Беляков, Кирилл Миндрул. Гранатный переулок

Главное, что отличает созидательное, проектное творчество от других типов художественного творчества — отношение к самому его объекту. Художника волнует больше изобразительно-эмоциональная сторона творчества, он стремится передать колорит, состояние, характер предмета или явления, но, как правило, не изменяет их сущность. Это созвучно произведениям музыкантов — исполнителей, которые творят, но, конечно, в рамках узнаваемого сочинения композитора. Архитектор скорее композитор, он создает, моделирует сам объект творчества. Возможно, поэтому люди с архитектурным образованием часто становятся композиторами, режиссерами, сценографами, дизайнерами книги.

Георгий Данелия, мой любимый режиссер, тоже окончил МАрХИ, лучшие сценографы в нашей стране — архитекторы Сергей и Татьяна Бархины и Борис Мессерер. Один из лучших дизайнеров книги — Михаил Аникст. Андрей Вознесенский — поэт, изобретатель видеом — визуальной поэзии, музыканты — Вячеслав Бутусов, Петр Налич. Михаил Ушац — художник-график, художник театра, киносценарист.

Когда-то у Андрея Макаревича в одном из интервью спросили: «Вы не жалеете, что потеряли столько лет в архитектурном институте?» На что он, не задумываясь, ответил: «Нет, конечно! Если бы не МАрХИ, я бы не стал ТАКИМ музыкантом. Чувство композиции у меня появилось именно там, во время обучения».

Объект изучения для архитектора всегда становится объектом перевоплощения.

Если тема занятия касалась изучения природы или культуры, широко использовалась информация. Это посещение выставок, музеев, и не только художественных. Бывали в зоологическом, литературном, политехническом, делали зарисовки памятников архитектуры. Из дома мы приносили книги, журналы, сами подготавливали пособия.

Наш метод основывался на том, что полученные знания и погружение в тему дают старт к последующей самостоятельной творческой работе. Наглядные пособия, безусловно, занимают большое место в образовании, что, в общем, естественно. С визуального восприятия начинается овладение многими понятиями. Однако ребенку в обращении с наглядными пособиями отводится роль, как правило, пассивного,

бездумного потребителя знаний. Мы практически первыми перешли от пассивного созерцания объекта к активному осмыслению и творческой, поисковой работе с ним. Вдохновение на создание творческой самостоятельной работы можно искать в самых разных направлениях, опыт мирового художественного искусства — это как огромная библиотека, которая способна дать много, надо только научиться ее читать. Как же выбирать объект для внимания ребенка? И снова по принципу «от противного».

На выставку Шилова или Глазунова никогда не ходили, несмотря на километровые очереди. Мой пытливый и раскованный ученик Саша Шапочкин наверняка спросил бы на выставке Глазунова: «А почему у всех людей на картинах такие огромные и одинаковые глаза?» В начале 90-х случился настоящий каскад выставок, так что выбирать приходилось. По какому принципу? Опять же по принципу удивить, взбудоражить воображение ребенка.

Понимать пластические принципы и открытия разных эпох, направлений, мастеров и сразу же переходить к практической работе, создавать свои сюжеты в этих принципах. Такой метод оказался вполне эффективным — расширялось художественное восприятие искусства, а главное, появлялись идеи для собственного творчества. И только так, считали мы, можно прикасаться к мировой художественной культуре — погружаясь в характер эпохи, стиля, мастера.

Бездумное копирование тоже ничего, кроме скуки и комплексов, не даст. Только самому — глазами, душой, головой и руками! Это и есть проектное мышление, и воспитание такого рода мышления стало нашим основным лозунгом. Создание своего образа — конечный результат работы.

В своей концепции мы впервые тогда заявили о том, что знания мировой художественной культуры не являются самодостаточными — как это происходит повсеместно — в студиях, школах и гимназиях. Даже в вузах просто читается курс лекций по истории культуры. Услышанное забудется, увиденное с трудом вспомнится, и только то, что будет пропущено через себя и сделано своими руками, запомнится — вот наш лозунг!

Почти каждую работу, исключая короткие упражнения на знакомство с тем или иным

художественным материалом, можно назвать маленьким проектом. Наше давнишнее любимое задание мы назвали «Дом-животное». Появились такие удивительные образы, как жираф-башня Татлина, дракон из фахверковых домов, русский дом-самовар, павлин с хвостом из небоскребов, медведь — деревянная архитектура, итальянский город-сапог, верблюд из минаретов, готический арбуз и много других.

За серию этих работ мы в 1987 году получили звание лауреатов Международного конкурса архитектуры в Софии. Эти проекты вполне можно было бы использовать для создания детских площадок. Маски-перевертыши использовались при изготовлении лоскутных подушек, конструировались светильники, делались эскизы обоев, объемные открытки и приглашения к нашим праздникам, оформлялись детские спектакли, изготавливались календари и настольные игры, шились куклы по эскизам детей. Мы называли их «антибарби» и считали это своим вкладом в борьбу с дурновкусием. И какое счастье, говорили нам дети, засыпать на своей, авторской подушке и прижимать к себе свою, родную куклу.

Увиденные на выставке в ЦДХ живописные супрематические композиции К. Малевича навели нас на идею сшить фартуки. Фирменные, авторские фартуки, в которых абстрактные геометрические фигуры приобрели черты «полезности», превратились в карманы. Треугольные для треугольников, прямоугольные и квадратные — для карандашей, кистей, ручек, бумаги и линеек. Закупили ткани открытых цветов на Трехгорке — красную, белую, серую, черную. Здесь без помощи родителей не обошлось, но нас это не смущало, они строго придерживались эскиза своего ребенка.

Ребенок — архитектор, родитель — строитель, говорили мы. Кипела по-настоящему созидательная работа: кто-то, помимо тканей, придумал использовать сетку, кто-то — отпечаток ладони, а кто-то — зашифрованные цифры и буквы. И это совсем не напоминало

изготовление костюмов в детском саду или школе, где ребенок не принимал никакого участия в процессе! Да и такие банальные костюмы — зайчиков, мишек, котиков — мы никогда бы не стали делать. У нас каждый проект был авторским, уникальным, и работали над ним все: преподаватели, дети и родители!

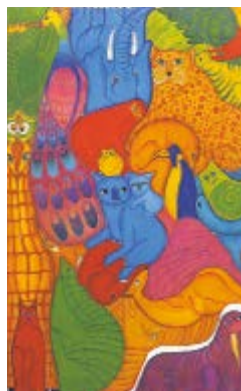

НИКОЛАЙ ШУМАКОВ
 президент Союза московских
 архитекторов, президент
 Союза архитекторов России

Давным-давно мы с Таней, моей женой, отдали в студию лучшее, что у нас есть — двух дочерей, Машу и Сашу, одну к Волкову, другую к Бармаш. Никто никогда об этом не пожалел. Самое большое счастье в жизни — встретить Учителя. Учителя, который научит человека любить. Все мальчики и девочки, учившиеся в студии, своего Учителя встретили. Метод, созданный И. Абаевой и О. Бармаш, прокатился по многим детям, оставив в неокрепших организмах глубокий след любви.

Студия дала им мощный положительный заряд любви на всю жизнь, и заряд этот не уменьшается с годами. Более того, он, как зараза, передается всем окружающим, и прививки от этой заразы не существует.

Итак, подводим итог, как и было заказано, пара слов: студия «СтАрт» — ЛЮБОВЬ.

Пригласительный билет на «Старт-парад». По работам учеников студии. Автор И. Абаева

Календарь. Гриша Опарин и Дима Ефремов, 13 лет; Катя Мурашова и Соня Моран, 13 лет; руководитель О. Бармаш. Линеры

Конкурс фонда Я. Чернихова. Город-фантом. Коллективная работа учеников группы А. Тарановой

Детское одеяло-пазл по эскизу ученицы И. Фёдоровой
Жанны Якунченковой. Реализация О. Бармаш. Ткань, ватин

Роспись стула. Источник вдохновения — Р. Магритт.
Руководитель О. Бармаш. Гуашь, лак

Баба на чайник и петух. Игрушки, сшитые по эскизам
детей. Руководитель И. Абаева. Ткань, ватин

Проект детской площадки. Саша Таранова, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, тушь, перо

Эскиз и реализация. Подушка, сшитая по работе «Маска-перевёртыш», руководитель И. Орлова. Ткань, ватин

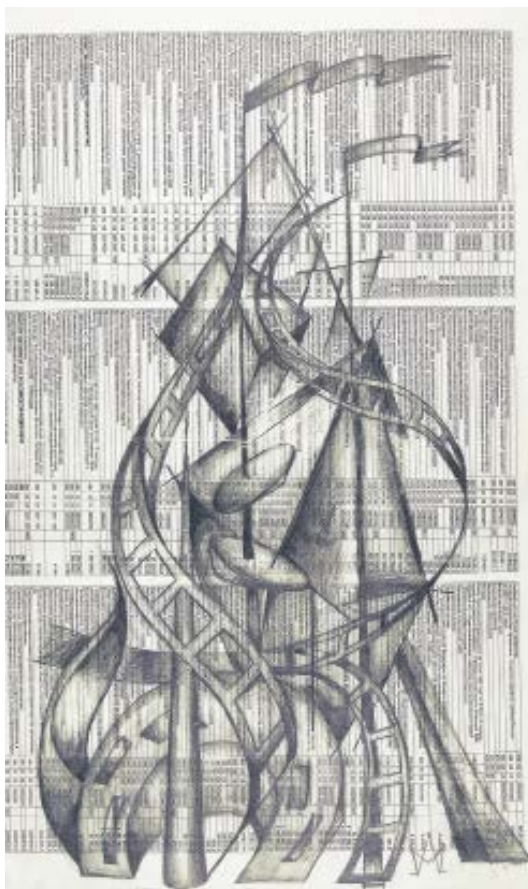

Табуретки-авангард. Катя и Оля Свищевы, Ксения Ашитко, 11 лет, руководитель О. Бармаш. Ватман, коллаж

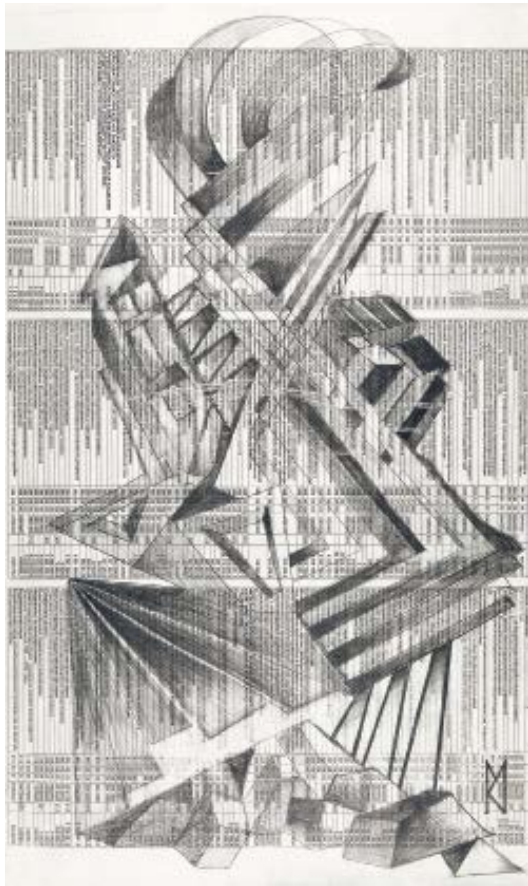

Эскиз и реализация. Подушка-кот. Источник вдохновения — Т. Маврина. Оля Родионова, 7 лет, руководитель О. Бармаш. Фломастеры

Авангардные башни. Анаит Мелконян, Маша Калинина, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Газета, карандаш

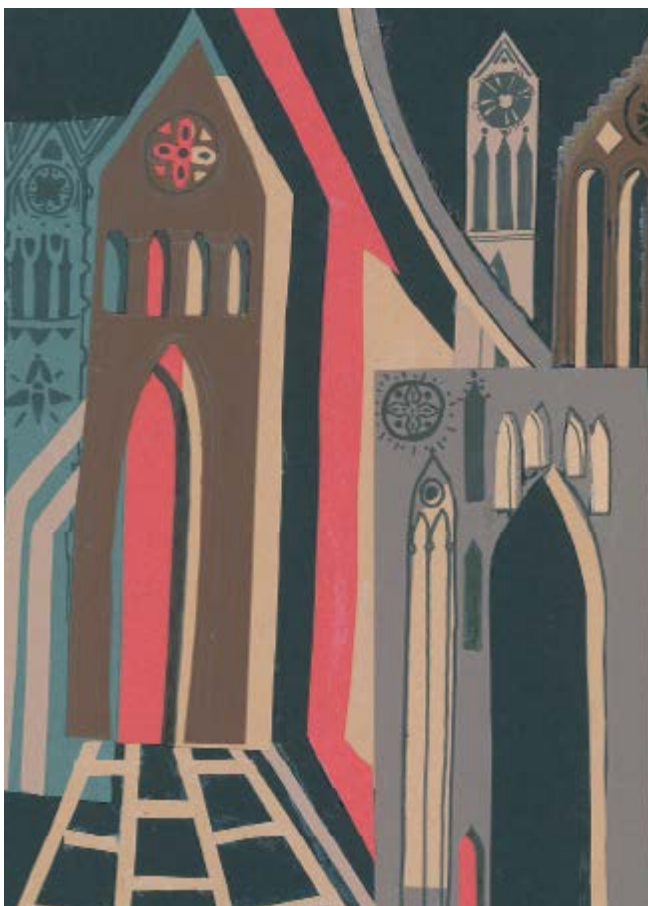

Авангардные костюмы. Работы группы детей 8 лет,
мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Коллаж

Мистические пространства. В маске мастера Дж. Пиранези.
Маруся Гирба, Кристина Левиева, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Линер

Готические композиции. Работа группы детей 12 лет,
мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Цветная бумага

Напитки для К. Малевича. Коллективная работа группы детей 12 лет, мастер О. Бармаш, ДТС СМА, Акварель

Перевод живописи в графику.
В. Татлин «Автопортрет», С. Дали «Утекающее время», М. Шагал «Скрипач на крыше».
Группа детей 13 лет, руководитель О. Бармаш.
Акварель, белла, линер

Для того чтобы окончательно отказаться от умиляющей наивности детского рисунка и приблизиться к профессиональному, надо было совершить поворот внимания от сюжета к материалу творчества, рукотворчеству, развивающему способность видеть предмет, чувствовать его характер. За этим стоит не столько приобщение к образцам изобразительного искусства, не столько умение похоже изобразить предмет, сколько развитие способности мыслить, изобретать, трансформировать увиденное и переводить это в конкретный материал. Знакомству с различными материалами, инструментами и технологиями всегда отводили заметную роль, особенно на начальной стадии обучения, так называемых прикосновений⁷ — бережного погружения ребенка в обучение, когда давали короткие задания-упражнения на свойства того или иного материала: гуашь, акварель, пластилин, пастель, тушь, бумага, картон и т.д. Со временем, когда прошли нашумевшие выставки Г. Юккера, Р. Раушенберга, Ж. Тенгли, диапазон приемов, материалов и техник еще больше расширился — в ход пошли гвозди, ткани, сломанные игрушки, детский конструктор, печатная техника.

Сила детского воображения продуцируется не только формой предмета, но и веществом, из которого он состоит, — дети исследуют, испытывают окружающие их материалы, чтобы определить, например, легко ли они мнутся, гнутся, колются, гладкие они или шершавые, мягкие или жесткие. К примеру, при освоении бумаги изучались ее фактура, толщина, мягкость, возможность мять ее, рвать, резать, сгибать, прокалывать и т.д. Часто исполнялись так называемые палитры, когда на одном, расчерченном на квадраты листе бумаги дети демонстрировали все возможные способы использования одного материала — выполняли «палитры» на свойства гуаши, акварели, пастели, туши, пластилина, бумаги. Первый этап — это буквально этап прикосновений, вплоть до тактильного.

На занятиях обсуждали, что такое фактура и текстура. Чтобы легче было запомнить, чем отличается фактура от текстуры, говорю: «Фактура от слова “факт” — ее можно потрогать, а текстура — от слова “текст” — ее потрогать нельзя, вернее, не имеет смысла, зато ее можно “прочитать”. Кусок коры — фактура, срез дерева и отполированные камни — текстура». Все это

дети ощупывают, рассматривают мои кольца с малахитом, бирюзой, сердоликом и другими полудрагоценными камнями. И находят там различные сюжеты — то летящего голубя в прожилках бирюзы, то изогнутые ветки деревьев в малахите. Как-то после этих занятий Маша Смирнова сказала: «Я теперь, когда гуляю, с деревьями обнимаюсь! Мне так нравится нащупывать в коре выпуклости и впадинки! Это ведь фактура?»

Таким образом, используя любознательность и раскованность сознания детей, их открытость всему новому, мы открывали им широкий комплекс ощущений и впечатлений через живую и неживую природу. Именно к такому миру мы приобщали детей. Не к «миру прекрасного», не люблю эту прекраснотушную банальность, а ко всему окружающему нас миру, который использует желание ребенка удивляться, познавать и анализировать. С течением времени наши ученики все больше и больше учились преодолевать «сопротивление материалов», обогащая свою палитру и обретая таким образом творческую свободу.

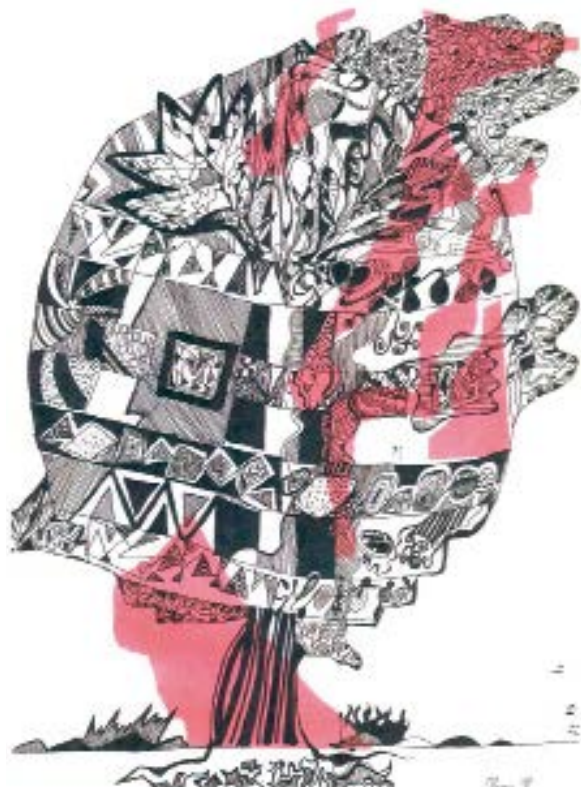
7 Точное определение А. П. Ермолаева.

Дуб на ветру. Полина Тер-Оганян, 8 лет, руководитель О. Бармаш.
Монотипия, рваная бумага

Хрустальный дворец. Марианна Ширнина, 9 лет, мастера О. Бармаш,
А. Ильина. ДТС СМА. Акварель, гелевая ручка

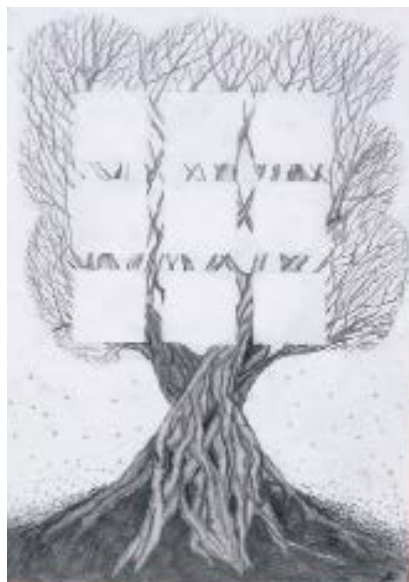

Волшебное дерево. Света Наумова, 10 лет, руководитель И. Полукарова.
Цветная бумага, тушь, перо

Рыба-кит. Катя Мурашова, 7 лет, руководитель О. Бармаш.
Монотипия, маркер

Дерево с окнами. Лиза Гордеева, 12 лет, руководитель А. Таранова.
Простой карандаш

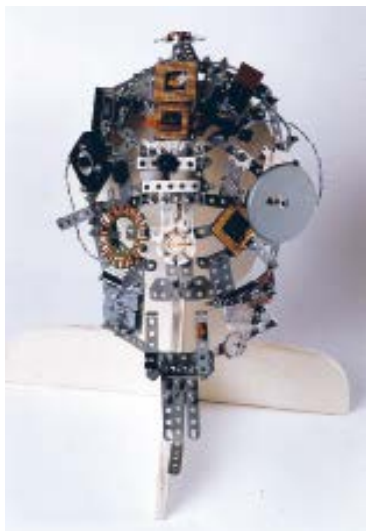
Белое на белом. Барышня. Алиса Некрасова, 8 лет; Мушкетёр.
Гоша Полков, 8 лет, мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Барельеф из бумаги

Макет. Никита Шередега,
8 лет, мастера О. Бармаш,
А. Таранова. ДТС СМА.
Упаковки, гвозди, гуашь

Своя буква. Мастер О. Бармаш.
ДТС СМА. Коллаж

Маска «Конструктор без инструкции».
Руководитель И. Абаева

Город познгов. Ася Скржинская, 9 лет,
мастера О. Бармаш, А. Таранова. ДТС СМА.
Коллаж

Гранаты. Маруся Афанасьева, 8 лет, мастера О. Бармаш, А. Таранова. ДТС СМА.
Аquarelle по сырому, гелевая ручка

Пейзаж (копия работы П. Клее), руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш

Амониты. Коллаж из работ группы детей 11 лет, мастер А. Таранова. ДТС СМА.
Свеча, акварель

Портрет господина в шляпе. Руководитель И. Фёдорова. Рваная и резанная бумага

Урожай. Андрей Ягодин, 7 лет, мастера О. Бармаш, А. Таранова. ДТС СМА. Масляная пастель, маркер, гелевая ручка

Барельеф «Египет». Маша Вязьминова, 12 лет, руководитель А. Таранова. Пластлин, песок

Готический собор. Саша Шапочкин, 12 лет, руководитель О. Бармаш. Граттаж

Домики-ночки. Макеты. Работы группы детей 10 лет, мастера О. Бармаш, А. Таранова. ДТС СМА. Ватман, коллаж

Натюрморт с кувшином. Лёва Тихонов, 13 лет, руководитель А. Таранова. Крафт, уголь

Чёрная королева. Марианна Ширнина, 10 лет, руководитель О. Бармаш.
Коллаж, белый карандаш

Образно-логическое мышление — основа архитектурного творчества. В поисках создания оригинального образа архитектор часто пользуется языком метафор, визуальных ассоциаций. Нестереотипность, ассоциация, интерпретация, трансформация, парадокс — все эти понятия из лексикона того типа мышления, что дает множество ответов на один вопрос, и с опытом мы поняли, что, как ни странно, чем уже задание, тем больше творческих интерпретаций на выходе получаешь. Проверка способностей ребенка начиналась в студии с отборочных занятий. Ему предлагалось упражнение — домисливание линий, заданных преподавателем, и здесь уже практически сразу можно было говорить о задатках или отсутствии проектного мышления. Однажды два мальчика, сидевшие не близко друг от друга на нашем «экзамене», получили одинаковое задание — две галочки на листе. Один положил к себе лист короткой стороной, соединил эти галочки прямой линией и через пять минут объявил, что готов, пояснив, что это елка. А другой, повернув лист несколько раз и подумав, положил его длинной стороной к себе и изобразил мифическое рептильное существо, продемонстрировав при этом удивительное разнообразие графических приемов. Предпочтение при поступлении мы, конечно же, отдали второму ребенку.

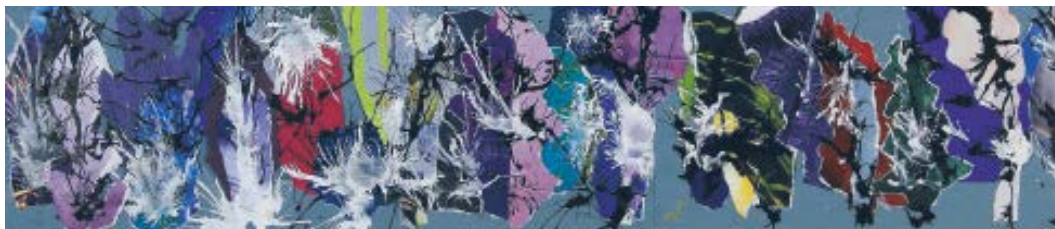
Иногда предлагали увидеть образ из случайно получившейся кляксы, рваных бумажек.

В общем, мы всегда радовались, когда ребенку удавалось удивить нас. Мы, в свою очередь, тоже старались удивить их, встряхнуть. To start — встряхнуть, в начале пути, я об этом значении не догадалась тогда. Удивить стилем одежды, например. Инга любила крупные украшения, которые ей очень шли, могла какой-нибудь огромной раковиной себя украсить. Однажды, будучи в командировке в Норвегии, мы специально накупили одежды одной фирмы, и получился как бы один гардероб на двоих. Приходили на занятия так — у меня терракотовый верх и белые брюки, у нее наоборот — белый верх и терракотовые брюки. Дети стали делать вид, что путают нас, и называли Инга Аркадьевна и Ольга Михайловна — между делом еще и чувство юмора развивали. Однажды в студию пришла бабушка моей ученицы Оли Политовой, вернее пожилая дама, явно из бывших балерин — прямая спина, гладкая прическа, трость в руке, и с порога заявила: «Пришла посмотреть на чудо, которое мне внучка описала — в шкурах, цепях и с когтями!» А я тогда действительно ходила в меховом жилете с деревянными цепями... Ну и когти, конечно, присутствовали.

Всегда старалась держать себя в форме. Однажды прямо с дачи прибежала на занятия в свитере и джинсах, и тут же последовал вопрос от мальчика: «Ольга Аркадьевна, вас что, обокрали?!» Он же потом в день моего рождения пожелал мне счастья в работе и побольше колец. Кажется, это шутка незабвенного М. Жванецкого: «Возраст женщины, как и возраст дерева, можно узнать по количеству колец».

Перед Новым годом иногда хотелось похулиганить, вот и придумали как-то — делаем грим! Ура! Отсутствие самоиронии и чувства юмора для меня всегда было существенным недостатком в человеке, поэтому и в детях я старалась поддерживать и развивать эти качества. Собственную физиономию, говорю я, расцениваем как чистый лист бумаги — никаких усов, веснушек и фингалов под глазами! Удивление на лицах — как это? Но начинаем эскизировать, и вот уже появляются конница и черный квадрат Малевича, мотивы Мондриана, Дали, Ван Гога, Вазарели, Матисса и множество других замечательных идей. И с каким упоением они гримировали потом друг друга!

Образ из ладошек. Орел. Саша Черкасов, 6 лет, преподаватели Маша Спи, Майя Канделаки, RESTARTI. Фломастер, цветная бумага

«Зима» и «Весна». Коллективная работа группы детей 7 лет, руководители О. Бармаш. Коллаж, тушь, белила, золотой маркер

Образ из цифр. Ира Князева, 7 лет, руководитель И. Абаева. Маркер, фломастеры

Линейная композиция. Неотрывная плавная линия. Неотрывная ломаная линия. Марианна Ширнина, 9 лет, руководитель О. Бармаш. Линер.

Образ из треугольников. Катя Сягина, 11 лет, руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш.

Образ из арабской вязи. Рыба. Витя Крылов, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Цветная бумага, золотой фломастер

Отборочное задание. Образ из заданных линий. Ульяна и Полина Коренько, 6 лет, ДТС СМА. Маркер, линер

Образ из класксы. Ёж. Макар Иванов, 6 лет, преподаватели Маша Спи, Майя Канделаки, RESTARTI. Тушь, фломастеры

Образ из класксы. Жираф. Пётр Голыденцайт, 6 лет, преподаватели Маша Спи, Майя Канделаки, RESTARTI. Фломастер, цветная бумага

Работа в студии строилась чаще всего так: от предмета исследования, через визуальную информацию о нем — к самостоятельной творческой работе. Этот подход стал одним из главных в концепции нашего с Ингой метода.

Подготовку к вузу всегда считали слишком узкой для нас задачей. Наши цели были гораздо шире — сформировать личность творчески универсальную, способную изменить мир к лучшему. Наш выпускник не обязательно должен работать в области творческой, но мы хотели, чтобы он работал в любой области творчески. Беседуя об архитектуре, всегда подчеркивали универсальность нашей профессии. Архитектор может стать дизайнером городской среды или интерьера, ландшафтным или промышленным дизайнером, может работать в полиграфическом дизайне, может стать художником, графиком, выбрать профессию преподавателя — в школе, колледже или вузе, стать теоретиком архитектуры, и кто, как не архитектор, сможет наилучшим образом организовать пространство сцены? Лучшие театральные художники-сценографы, как правило, архитекторы. У нас есть выпускники дизайнеры, музыканты, медики, фотографы, художники-графики, художники-мультипликаторы, ювелиры и даже айтишники. Наш метод, как мы поняли по прошествии времени, работал!

Образ из лекальных линий. Вася Чопалавов, 11 лет,
руководитель О. Бармаш. Фломастеры

Преобразование геометрической формы. Верблюды.
Вика Шпортий, 11 лет; Обуваная фабрика. Арина Ломикова, 11 лет,
руководитель О. Бармаш. Цветная бумага

Образ — слово. Работы группы О. Бармаш. Белый, золотой маркеры

Метаморфозы образа. Коля Горюнов, 8 лет, руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш, линер

Борьба с вирусами. Марианна и Андрей Ширнины, 9 и 6 лет, руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш, линер

Образ из обрезков бумаги, руководитель И. Фёдорова. Цветная бумага, фломастер

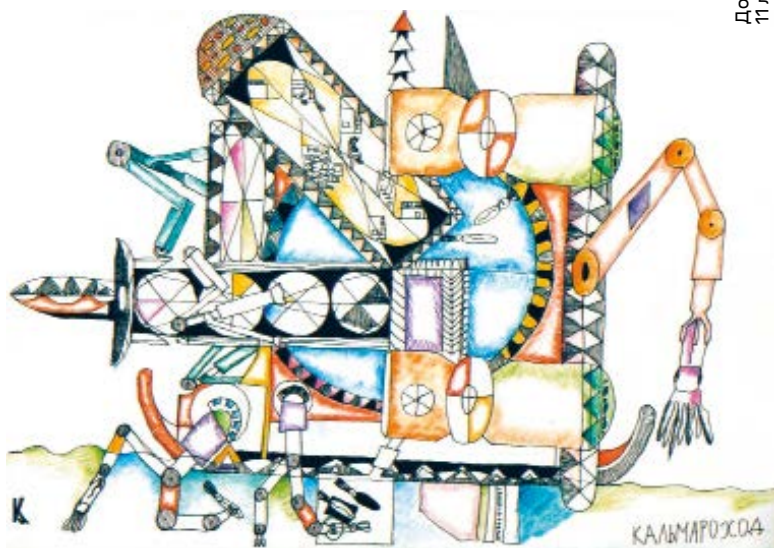
Неотрывная плавная линия. Неотрывная ломаная линия. Вера Золотарева, 9 лет, руководитель О. Бармаш. Фломастеры

«Воронник-зоопарк». Оля Пашенко, 6 лет, руководитель О. Бармаш

Дом-поросёнок. Ия Миронова,
11 лет, руководитель О. Бармаш.
Цветной карандаш, линер

Механический робот. Кальмаровод. Игорь Ким, 10 лет,
руководитель И. Полукарова. Цветной карандаш, маркер

Робот-мусоросборник. Трифон Милев, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш, маркеры, линер

Коллективный характер творчества архитектора предполагает участие в процессе и осуществлении замысла творцов. Участие в общем деле, умение раствориться в нем рождает чувство общности между преподавателями, детьми и даже родителями. Опыт коллективной творческой деятельности — совместное обдумывание, обсуждение проекта, поиски методом проб и ошибок, поиски оптимального варианта и выбор, наконец, устраивающего всех результата — все это характерные черты именно проектной деятельности. Такой подход формирует у ребенка чувство личной и коллективной ответственности и одновременно сохраняет его самобытность. При этом возникает особая, праздничная атмосфера, которая рождает склонность к игре, шутке, помогает избежать скуки и равнодушия, дает возможность иначе воспринимать повседневность.

В 1993 году нас с Ингой, детьми-студийцами и музыкантами из разных музыкальных школ России пригласили в Вашингтон и Нью-Йорк, где была запланирована наша выставка в российском посольстве. С нами ехали пятеро учеников — Оля Пащенко, Соня Ткач, Саша Шапочкин, Алеша Платонов и Дима Антошкин. Уже в самолете дети принялись за работу — рисовали с натуры портреты пассажиров. Успех был полный. Американцы стали предлагать деньги, и тут, как всегда, отличился наш Саша Шапочкин. На вопрос, отдаст ли он портрет за пять долларов, ответил: «Нет!» Потом помолчал и добавил: «И трех хватит!» В общем, было весело, и заработали они прилично — каждый долларов по 25–30.

На следующий день в здании ООН мы расстелили в огромном холле на полу рулонную

черную бумагу, и наши дети цветной пастелью изображали город небоскребов, каждый свой дом, под музыку оркестра, состоящего из детей-музыкантов. Действо это называлось «Улица длиной в концерт». Получилось очень эффектно. Умение наших учеников не растеряться в незнакомой ситуации и выложиться по полной привело сотрудников ООН в восторг — дети работали два часа без перерыва. Потом они даже спорили, в каком отделе повесить получившееся полотно.

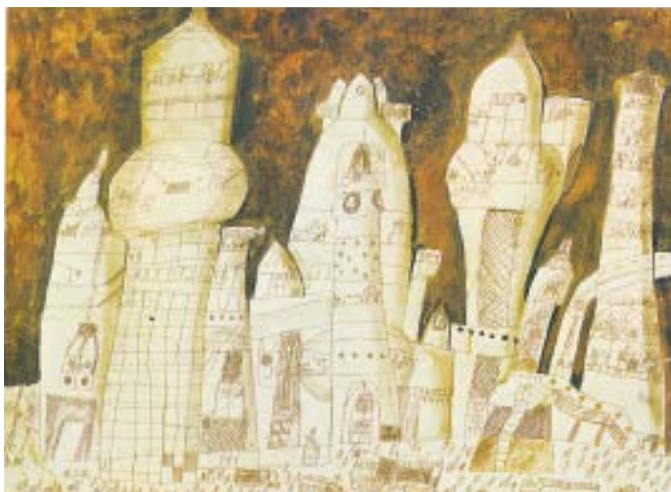
После этого выдался свободный день, и мы с Ингой надеялись наконец-то Нью-Йорк посмотреть. Но не тут-то было. Дети затащили нас в детский магазин на Манхэттене, и на этом прогулка закончилась. До конца дня нам не удалось их вытащить оттуда. Это был гигантский город с огромным раскидистым деревом в центре, на которое можно было залезть. Что наши дети и сделали сразу. Часа через два, насладившись «улицами» этого дерева, они бросились в разные стороны: девочки к мягким игрушкам, мальчики — к механическим. Держа в дрожащих руках пульты управления, мальчишки гоняли машинки по всему залу, вытаращив глаза.

В нашей стране об игрушках с дистанционным управлением тогда еще не слышали. Оля Пащенко схватила огромную лягушку с нее ростом, растянула молнию на животе и оттуда высыпались десять малюток-лягушат. «Аааа! — закричала она на весь зал. — Ольга Аркадьевна, смотрите! Она родила!»

К сожалению, наше знакомство с Нью-Йорком на этом закончилось — мы отправились в Вашингтон монтировать и открывать выставку «СтАрта». День закрытия выставки совпал с днем прощания Мстислава Ростроповича и его жены Галины Вишневской с Америкой. Они возвращались на родину. По этому поводу в посольстве был устроен торжественный вечер. Ростропович выступал с прощальной речью перед заполненным до отказа залом, а мы в это время сидели за кулисами и ждали своего выхода, чтобы вручить ему наши творческие подарки. Мы, к сожалению, ничего не слышали, лишь время от времени до нас доносились хохот и аплодисменты. Мстислав Леопольдович и там прославился своим удивительным чувством юмора.

А как нас там принимали! Мы жили в частных домах состоятельных людей в комфорте и заботе. И как нас провожали... Дети уезжали с двумя

неподъемными чемоданами: один с игрушками, второй — с продуктами. Это были подарки. Наша Элен, у которой мы жили, расплакалась: «Куда вы едете? Вас же там убьют!» На это Инга спокойно ответила: «Да ладно, еще и не такое проходили». События 1991 года были свежи в памяти. Тогда, два года назад, было по-настоящему страшно. Все переулки, ведущие к нашему Гранатному, и в самом переулке — у студии перед Домом архитектора — стояли танки.

Мы вернулись 3 октября, в день расстрела Белого дома. Я с трудом пробралась к подъезду своего дома — все Патриаршие по периметру были заставлены грузовиками с открытыми кузовами. В них вплотную друг к другу стояли вооруженные люди.

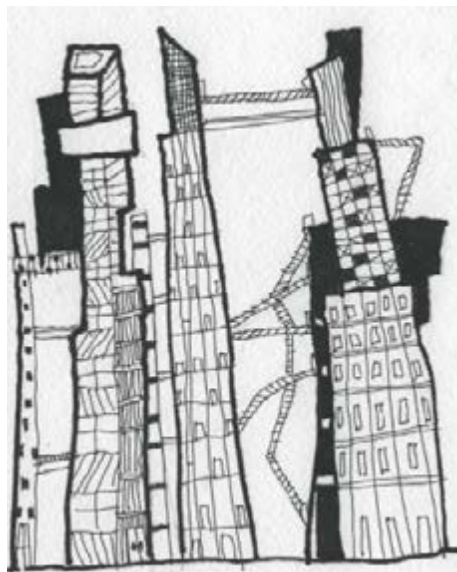

Небоскребы Нью-Йорка. Архитектура будущего.
Дима Жуков, 7 лет, руководитель О. Бармаш.
Тушь, перо. 1993 г.

Вашингтон. У Капитолия.
Евгений Ольшанский, Соня Ткач, Ольга Бармаш,
Оля Пашенко, Алёша Платонов, Дима Антошкин,
Саша Шапочкин

Небоскребы Нью-Йорка. Зарисовки.
Маркер, линер

Художественно-конструктивное видение мира означает для нас перенос внимания детей с визуального восприятия внешней оболочки формы на осмысление ее внутренней структуры, тектоники и устройства. Знакомство с любой природной или искусственно созданной формой не ограничивалось у нас первыми впечатлениями. Листья, деревья, раковины, камни, рыбы, животные, насекомые, человек, предметы домашнего обихода или геометрические модели — все эти объекты подвергались своего рода рентгеновскому просвечиванию. Такой подход всегда был одним из ведущих методов студии. Активно-творческий подход позволял новыми глазами увидеть окружающий мир. Очень важно было дать детям возможность не только увидеть, услышать, потрогать, но и увидеть невидимое, обнаружить скрытое, показать объект изучения с неожиданной стороны. Творческие задания на изучение природных и искусственных форм создавались поэтапно: сначала все внимание на визуальную красоту природной или искусственной формы, ее внешнюю оболочку. Пристальное вглядывание в природную форму сменяется знакомством с ее внутренним строением, постигается логика конструкции той или иной формы. Попутно открываются закономерности ритма контрастов, пропорций. Знакомство с природными формами перерастает в творческую задачу придумывания собственной формы. Форма, бывшая объектом изучения, становится объектом перевоплощения. Ценятся работы, конечно, нестереотипные, парадоксальные. От собственной природной формы работа движется к архитектурной ее интерпретации, подобно архитектурной бионике, на доступном для детей уровне. Появляются дома — подводные дворцы для морских существ, дома из цветов, листьев, грибов и т.д. Те же овощи, фрукты, цветы, раковины, грибы, колосья становятся материалом для

составления портретов. Они же могут послужить материалом для композиции из букв. Целый алфавит придумывается из природных форм — растений, животных, птиц, насекомых, людей. Однажды в середине 80-х мы объявили год изучения «формы» с целью попытаться решить проблему переходного возраста, когда ребенок уже не хочет работать как маленький, но еще не может как взрослый. Ему начинают мешать самокритичность, появляются скованность, неудовлетворенность собой. Тогда в течение нескольких месяцев в студии стоял один и тот же натюрморт из трех простых предметов, и выяснилось, что это вовсе не скучно, если на каждом занятии ставится новая, но конкретная и решаемая задача.

Александр Ермолаев предложил структурировать выполнение натюрморта, разделить его на этапы с тем, чтобы ученик ясно понимал, что от него требуется на данной ступени. Он считал недопустимым ставить натюрморт, не формулируя узкой, конкретной, понимаемой задачи. Таким образом, задания на темы натюрморта должны были формулироваться так: сначала упражнение на обобщенный силуэт предметов, потом изображение каждого предмета по отдельности, собственные тени, падающие тени и их штриховка или заливка. Потом вид сверху, затем разрез по натюрморту и совсем неожиданное — развертки предметов, позволяющие увидеть содержание (логику) и строение (конструкцию) формы. При этом никогда не забывали менять технику выполнения задания. Это был простой карандаш, графика — тушь, перо, коллаж, кисть и т.д. Такой хитроумный

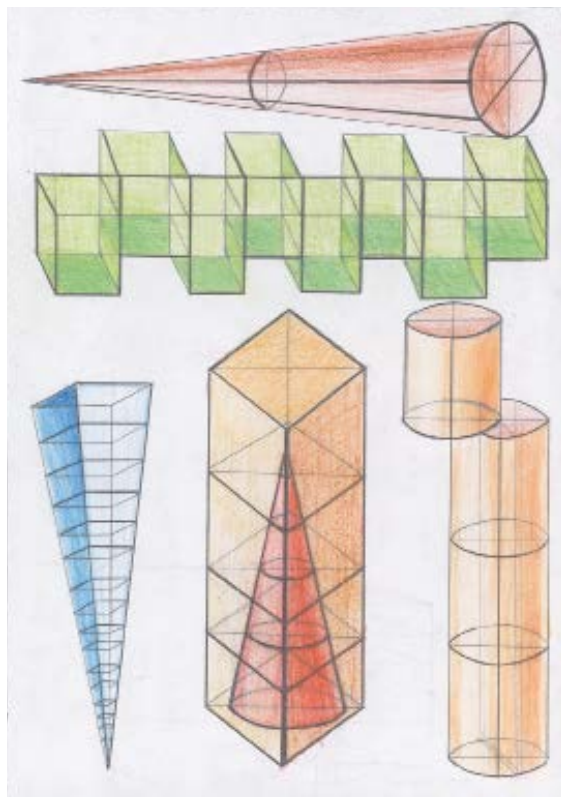

метод работы над натюрмортом позволял увести детей от скучного академизма, но цель «поставить руку» достигалась, поскольку изображать одни и те же предметы они были вынуждены неоднократно. К концу года дети понимают, что многому научились, и уже без содрогания возвращаются к сложным выразительным задачам. Впоследствии этим остроумным методом работы с натюрмортом пользовались многие наши преподаватели. Александр Павлович, безусловно, внес большой вклад в дело становления студии как школы сугубо архитектурной.

Так же изучалась «архитектура» природных форм — животных, птиц, листьев, рыб, насекомых, раковин и т.д. Прозрачные крылья бабочки или стрекозы, строение листьев, срезы дерева, скелеты птиц, животных и рыб — всё это работы, отражающие особенности стартовой методики в художественно-конструктивном плане.

Содержание бутылок. Руководитель И. Абаева. Тушь, перо
Дипломный проект. Преобразование рельефа (прототип — экорше кисть руки). Тарас Салихов, 15 лет, руководитель Н. Волков

Структуры геометрических форм.
Руководитель И. Абаева. Тушь, перо, цветные карандаши
Композиция из кубов. Работы группы ДТС СМА.
Мастера А. Таранова, О. Бармаш. Пастель, линер

Разнообразие фактур дерева. Маша Москалёва, 7 лет,
руководитель О. Бармаш. Тушь, перо

Скелет веселой рыбки. Катя Левянт, 6 лет,
руководитель И. Абаева. Белила

Разрез по натюрморту. Руководитель О. Бармаш. Линер

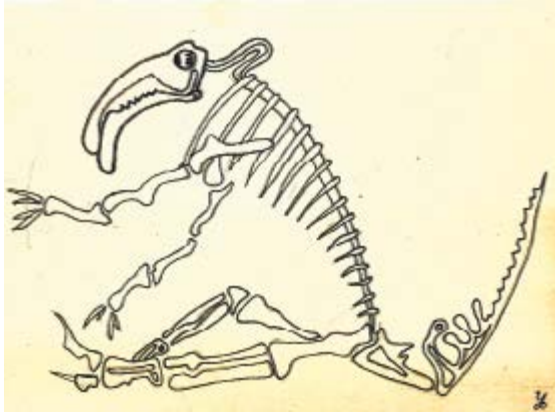

Семья динозавриков. Вася Чопалавов, 9 лет,
руководитель О. Бармаш. Фломастеры, линер

Скелет сидящего динозавра. Вера Золотарёва, 8 лет,
руководитель О. Бармаш. Линер

Коллаж. Симметрия скелета. Ия Миронова, 10 лет,
руководитель О. Бармаш. Цветная бумага

Зарисовка в зоопарке Фламинго. О. Стрелкова, 11 лет, руководитель Г. Равинская. Тушь

Разрез по натюрморту. Бася Таранова, 9 лет, мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Фломастеры, коллаж

Жизнь в доме. Макеты группы детей 9 лет, мастера А. Ильина, О. Бармаш. ДТС СМА. Картон

Разрез по дому. Бася Таранова, 9 лет, мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Фломастеры

Скелетоконь. Алиса Вахтангова, 14 лет, руководитель А. Таранова. Линер

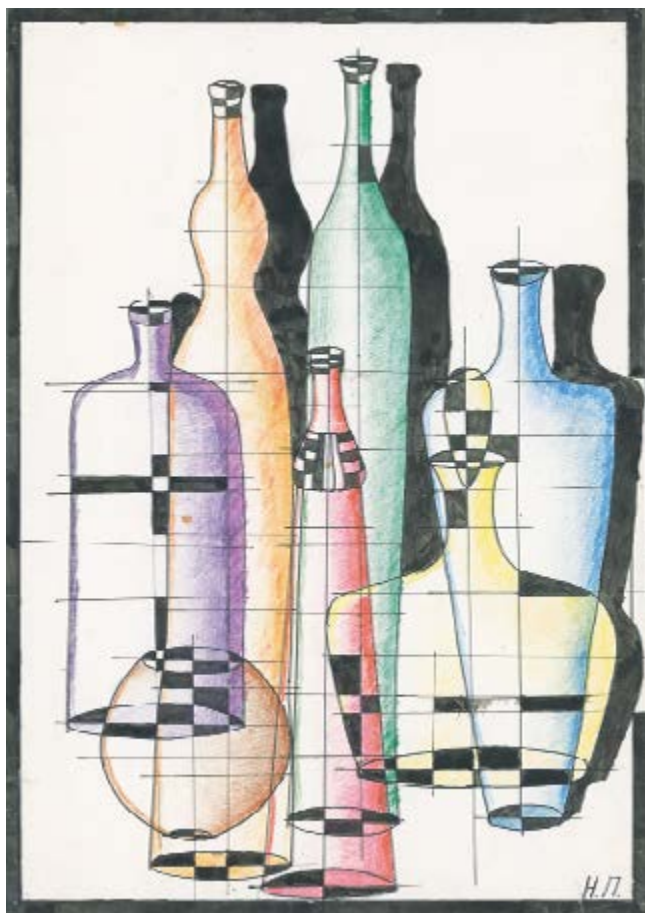
Изобразительный язык проектного творчества — это рисунок, чертеж. Умение визуально передать свой замысел, сделать его понятным и доступным для исполнителя необходимо для созидательного творчества. А это, в свою очередь, невозможно без навыков владения изобразительными средствами. Вместе с тем рисунок для нас никогда не был самоцелью, конечным результатом работы над объектом внимания, как это происходит в художественных школах. Для нас это промежуточное звено между рождением и воплощением замысла. Как у взрослых профессионалов, это только наброски творческого процесса. Кратковременные наброски всегда оставались за кадром, не получая дальнейшей проработки с тщательной штриховкой, например, или покраской.

Последовательное приобретение навыков изобразительного творчества связано у детей с их возрастными особенностями. И тут мы открыли временную параллель развития способов изображения пространства на плоскости в истории

человечества с природным развитием ребенка. Сначала это плоский рисунок первобытного человека, как у малышей. С ними мы любили изучать наскальные фрески и придумывать потом сцены охоты на диких зверей. В древнеегипетском искусстве можно увидеть осмысленное углубление плоскостных изображений — совмещение двух проекций в одном изображении. Так, после знакомства с искусством Древнего Египта наши дети изображали фигуру человека в египетской канонической позе (голова и ноги в профиль, плечи развернуты в фас). Обращали их внимание на то, что не стоит думать, что древние египтяне не умели грамотно изображать человека, объясняли им, что изображение сразу в двух проекциях дает более полное представление о фигуре человека, делает ее более выразительной. Предлагали детям встать в египетскую позу и попробовать пройтись. Ничего не вышло — падали друг на друга, хотели. Только одной девочке удалось сделать несколько шагов и не упасть. Она это объяснила тем, что ходит на балет помимо студии.

Аксометрия характерна для искусства Востока, обратная перспектива — для древнерусского искусства: иконописи и художников авангарда. Ренессанс дал миру прямую перспективу, близкую к реальному восприятию пространства человеком. Различные искусные трансформации натуры разработаны мастерами авангарда XX века. И, наконец, иллюзорное пространство, создаваемое в искусстве оп-арта В. Вазарели, невозможные фигуры Ройтерсверда, Эшера и сложные пространственные архитектурные композиции Я. Чернихова. Все эти стадии в построении пространства проходили и наши дети, и мы строго согласовывали это с их возрастными особенностями.

Построение предметов. Паша Никулин,
12 лет, руководитель О. Бармаш.
Цветные карандаши, линер

Невозможные фигуры. Свой знак.
Арина Ломакова, 13 лет, руководитель
О. Бармаш. Карандаш

Обратная перспектива. Натюрморт. Маша Смирнова, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Масляная пастель

Обратная перспектива. Натюрморт. Ксения Васильева, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Пастель

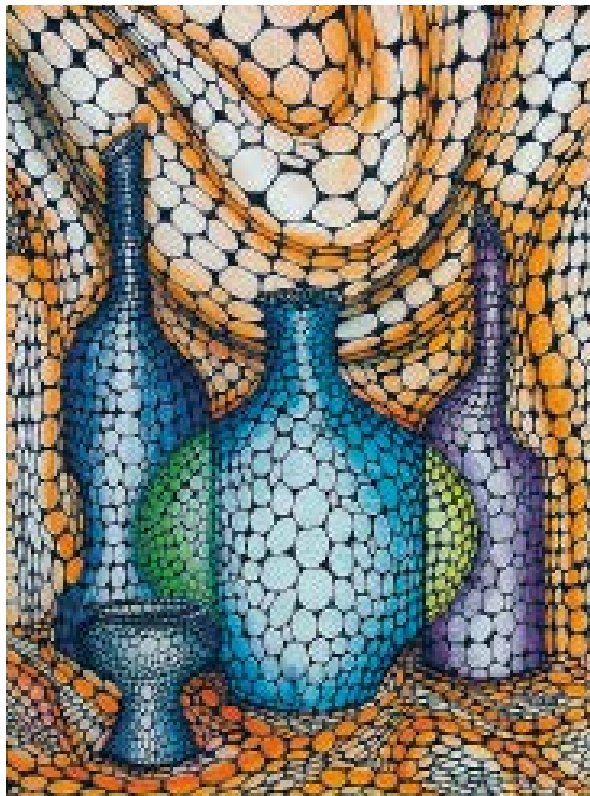
Складки. Источник вдохновения — В. Вазарели.
Оля Белковская, 13 лет, руководитель О. Бармаш.
Цветные карандаши, линер

Своя буква. Источник вдохновения — Я. Черников.
Ксения Ашитко, Оля Свищёва и Юля Линник, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, линер

Обратная перспектива. Натюрморт. Яна Иванчикова, 11 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, тушь

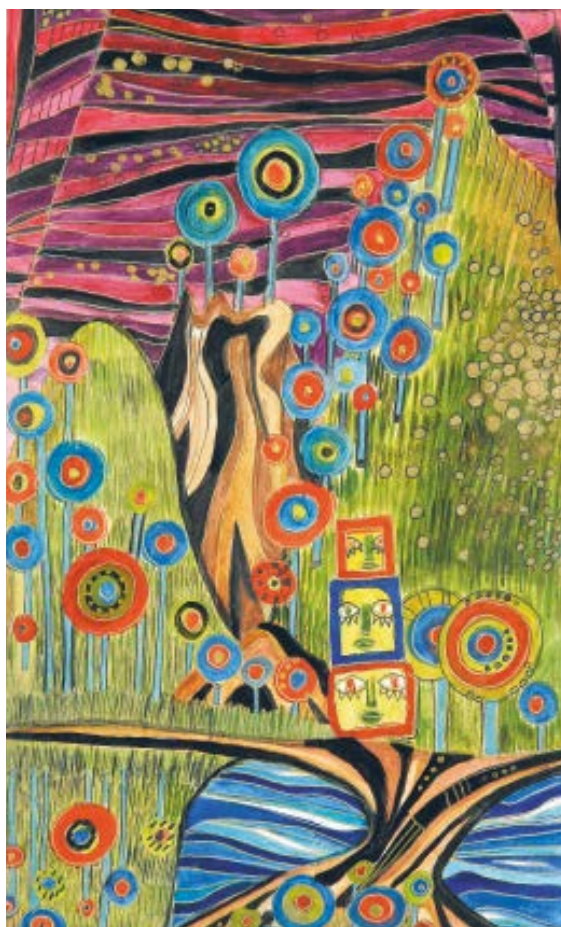

Натюрморт. Источник вдохновения — В. Вазарели.
Руководитель И. Абаева. Цветные карандаши, линер
Натюрморт. Руководитель И. Орлова. Репидограф, линейка

Город. Источник вдохновения — Ф. Хундертвассер.
Оля Свищёва, 12 лет, руководитель О. Бармаш. Акварель, маркер

Пейзаж. Источник вдохновения — Ф. Хундертвассер. Ксения Ашитко, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, маркер

Домики-фонарики. Источник вдохновения — Ф. Хундертвассер.
руководители О. Бармаш, А. Таранова. Фломастеры

Архитектура не может существовать вне связи с новым временем, она зависит от требований современного общества, от его вкусов, предпочтений и ценностей, от новых материалов и технологий. И потому мы с Ингой поставили себе целью воспитать человека, идущего в ногу со временем, понимающего ценности мировой культуры, свободно владеющего современными художественными средствами, преодолевающего обывательское неприятие современного искусства. Мы старались не пропускать выставки как современных художников, так и возвращенных из забвения отечественных художников 1920-х годов.

Когда тема касалась истории мировой художественной культуры, то и здесь мы старались формулировать задачу так, чтобы историческая форма сочеталась с условностью изображения и современными материалами и приемами.

Современный художник должен уметь использовать возможности, подсказанные новыми технологиями, и поэтому даже при выполнении работ на темы искусства прошлого предлагалось пользоваться средствами и техниками исполнения, неизвестными старым мастерам. Так, во время изучения искусства Древнего Египта использовался гофрокартон, Древнюю Грецию часто подавали в технике коллажа, а готические костюмы выполнялись на кальке тушью и фломастерами.

Готические костюмные фантазии тоже не просто отражение, не копирование исторического стиля — это попытки преломить знания культурной эпохи в творчестве, обогатив их к тому же современными приемами художественного изображения. Так, фигура человека изображалась с намеренным искажением естественных пропорций — вытягивалась до пропорций готического собора. Такое соединение реального и условного рождало образ «человека-собора» как символ эпохи. Это и есть, на наш взгляд, тот случай, когда творческий потенциал ребенка достигает полного раскрытия. Рождается новый, современный образ, не замаскированный в реальности,

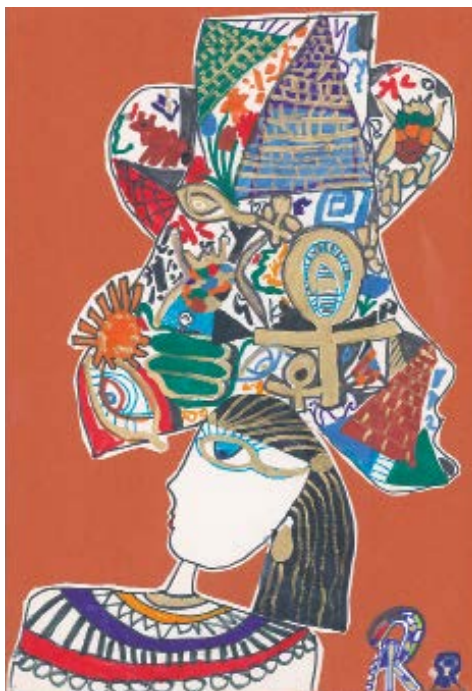

а созданный самостоятельно, на основе впечатлений, знаний и навыков. Образ, как бы приближающий прошлое к настоящему.

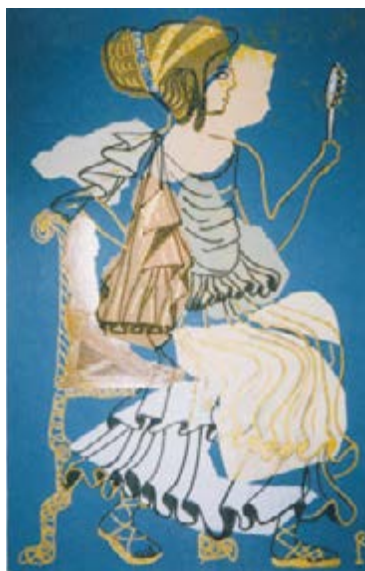
Знания из области мировой художественной культуры, опирающиеся только на иллюстративно-кабинетный способ обучения, быстро забываются, усваиваются формально. При таком подходе будущий специалист не будет чувствовать себя полноправным наследником человеческой культуры, не будет испытывать потребность стать ее преобразователем, используя лучшее, что было сделано до него.

Когда-то Борис Григорьевич Бархин, профессор МАрХИ, на нашей выставке в Доме архитектора ткнул пальцем в работу моего ученика на тему готики «Человек-собор» и сказал: «Вот так надо и со студентами работать над историей архитектуры, а не просто требовать запоминать даты и названия деталей сооружения». Это было для меня наивысшей похвалой, конечно.

Головные уборы Клеопатры.
Руководитель О. Бармаш. Фломастеры

Греция. Девушка с зеркалом. Маша Зенкова, 8 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, маркер

Композиция «Греция». Ярославна Позднякова, 7 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж

Афина. Ярославна Позднякова, 7 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, гелевые ручки

Человек-собор. Нина Мессерер, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Калька, линер,
цветные карандаши

Человек-собор. Вика Сочивко, 12 лет,
руководитель О. Бармаш.
Калька, линер, цветные карандаши

Человек-собор. Саша Бреславцева, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Калька, линер,
цветные карандаши

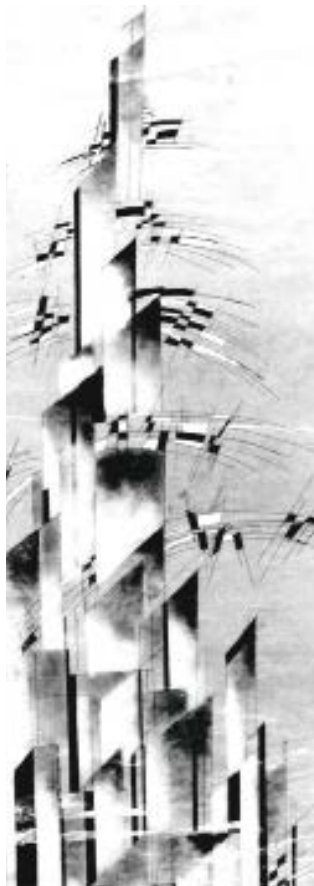

Итальянские мотивы.
Руководитель О. Бармаш.
Акварель, белила

Обратная перспектива.
Архитектурная композиция.
Руководитель О. Бармаш.
Акварель, белла

Башня авангардная.
Лена Романова, 13 лет,
руководитель О. Бармаш.
Калька, тушь

Башня. Алёша Титанов, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, тушь, перо

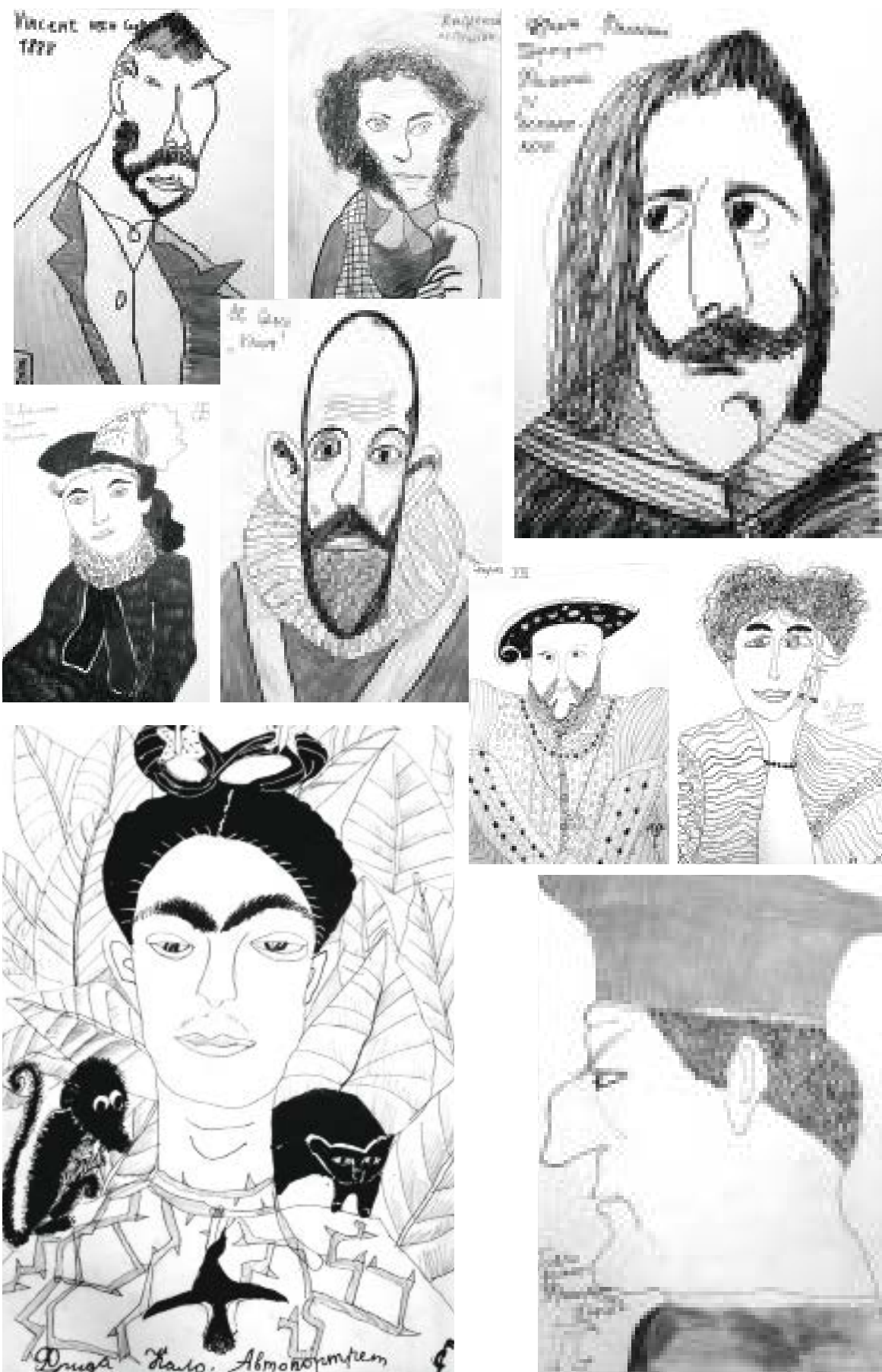
Невозможные фигуры. Башня. Люся Степкина, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель, белла, тушь, перо

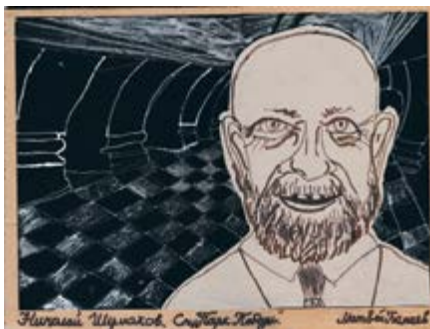

Дом для В. Кандинского. Маша Спи, 11 лет,
руководитель А. Таранова. Цветные карандаши, линер

Невозможные фигуры. Башня. Антон Медовский, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Калька, акварель, белла

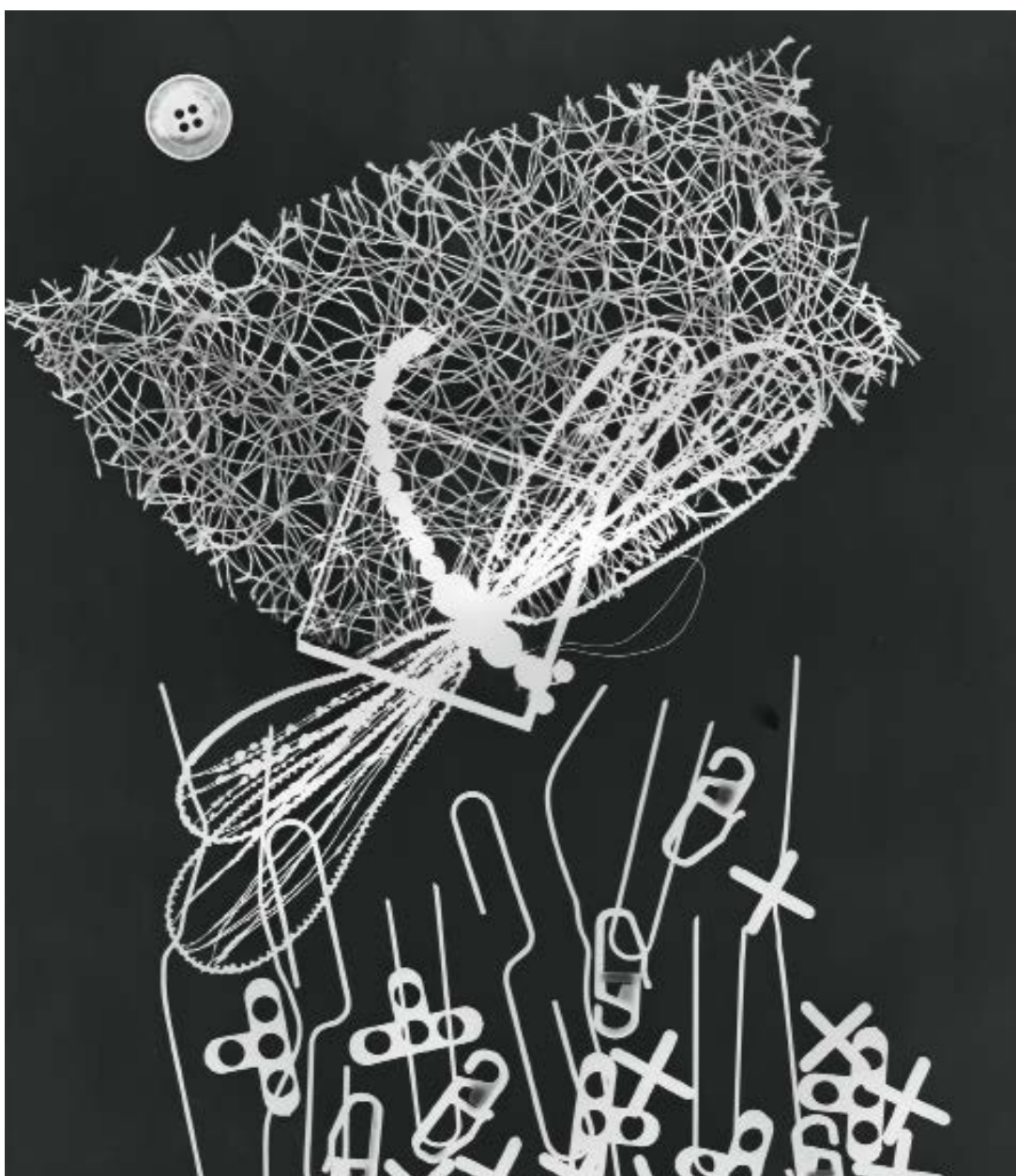
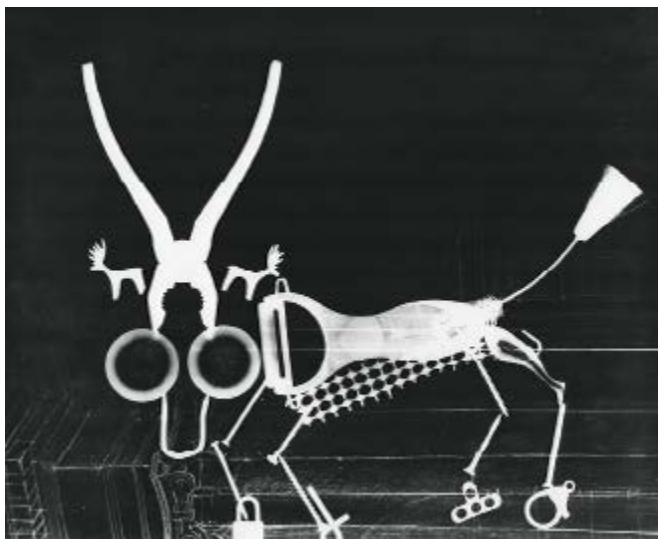
Процесс работы над дипломом. Последний выпуск. Руководитель О. Бармаш
 Механическая муха. Источник вдохновения — Х. Миро. Бася Таранова, 8 лет,
 руководитель О. Бармаш. ДТС СМА. Фломастеры, коллаж
 Механический муравей. Источник вдохновения — Х. Миро. Саша Подлипенцева,
 8 лет, мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Цветная бумага, линер

Интуиция — необходимый элемент проектного творчества. В студии, при равных стартовых условиях, задача формулировалась так, чтобы дать возможность ребенку проявить самостоятельность. Всегда, несмотря на узкие рамки — одна тема, один материал для исполнения, поощряли работы оригинальные, интересные. При выполнении задания дети по-разному проявляли свои способности. Обычно ребенок с небогатым воображением больше тяготеет к традиционным заданиям, от него порой невозможно добиться истинно творческого, самостоятельного решения. Правда, в студии чаще бывало наоборот: безудержная фантазия брала верх над усидчивостью и аккуратностью.

Процесс работы над башней. Вася Чопалавов, 14 лет,
 руководитель О. Бармаш. Суханово

Композиция «Дорогами Филонова». Гамлет Варданян, 13 лет, руководитель О. Бармаш. Цветной карандаш, линер

Пространственность мышления — это основное, что отличает архитектуру от других видов искусства и предметно-художественного творчества. Архитектура создает жизненное пространство, и только в пространстве может быть реализован его замысел. Проектное мышление — это элемент умственной деятельности. Пространство отвечает за ориентацию в пространстве человека, формирует способности решения задач по геометрии, химии, физике, черчению, начертательной геометрии, дает возможность увидеть объект в трехмерном измерении. Такой вид мышления достигает высокого уровня развития при условии приобщения к нему с самого раннего возраста. Если начать развивать пространственное мышление ребенка с шести-семи лет, то можно считать, что к подростковому возрасту его формирование завершится полностью. Формирование высокого уровня пространственного мышления во многом облегчает жизнь человека. Деятельность многих профессий связана с этим навыком. Человек никогда не станет успешным архитектором, дизайнером, художником, инженером, конструктором, не обладая пространственным мышлением. Даже в некоторых направлениях медицины требуется умение представить объект внимания в трехмерном измерении. Развитие пространственного мышления — одна из главных задач нашего метода, и решалась она не только с помощью изобразительных средств, когда дети постигали законы построения пространства на плоскости, но и широко практикуемой в студии работой

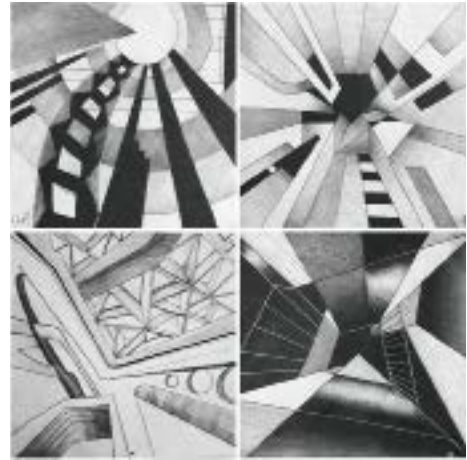
с проволокой, пластилином, макетированием в различных материалах. Особенно важно это было для малышей, которым еще трудно понять премудрости изображения аксонометрии или перспективы на бумаге.

Сова-ночник. Группа детей 8 лет, мастера О. Бармаш, А. Таранова. ДТС СМА. Ватман, фломастеры

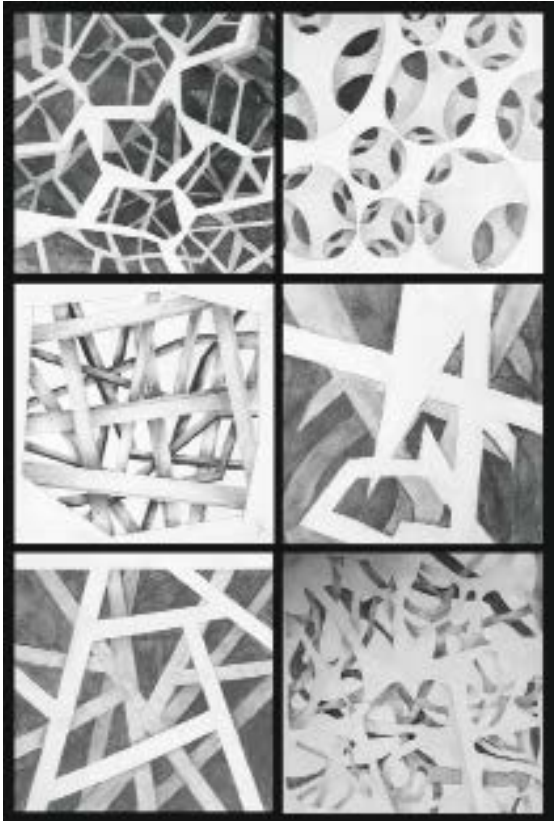
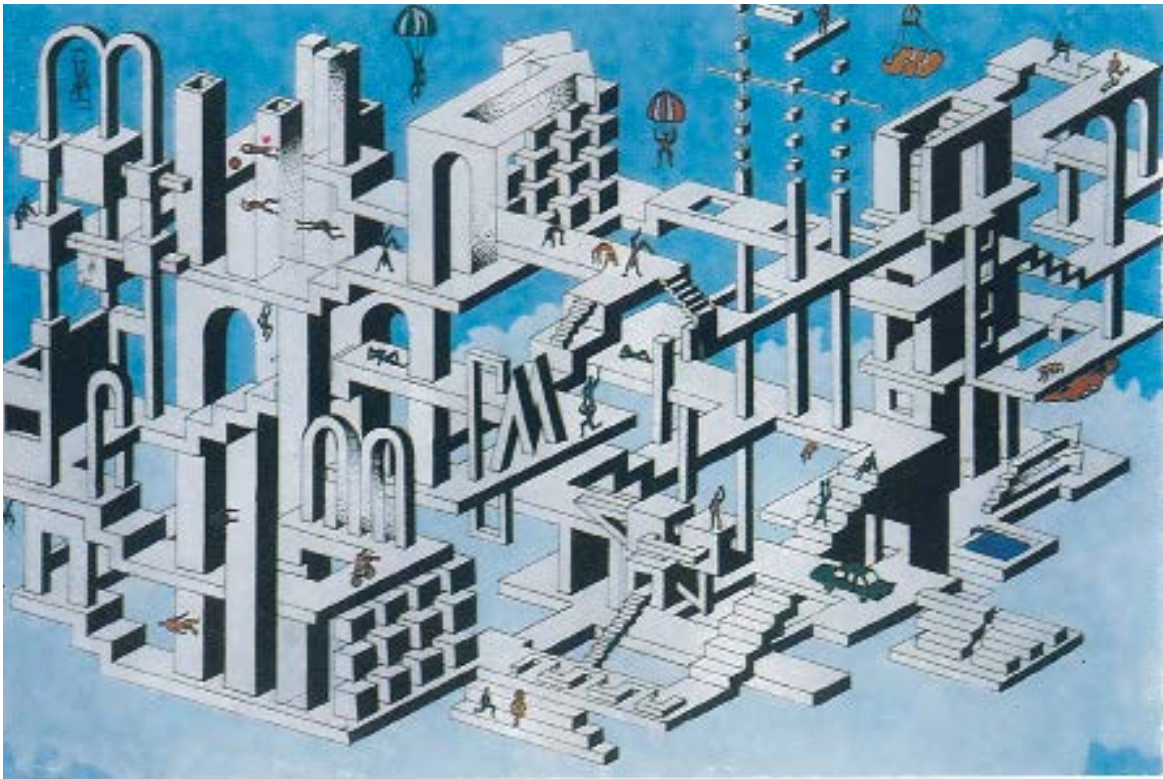

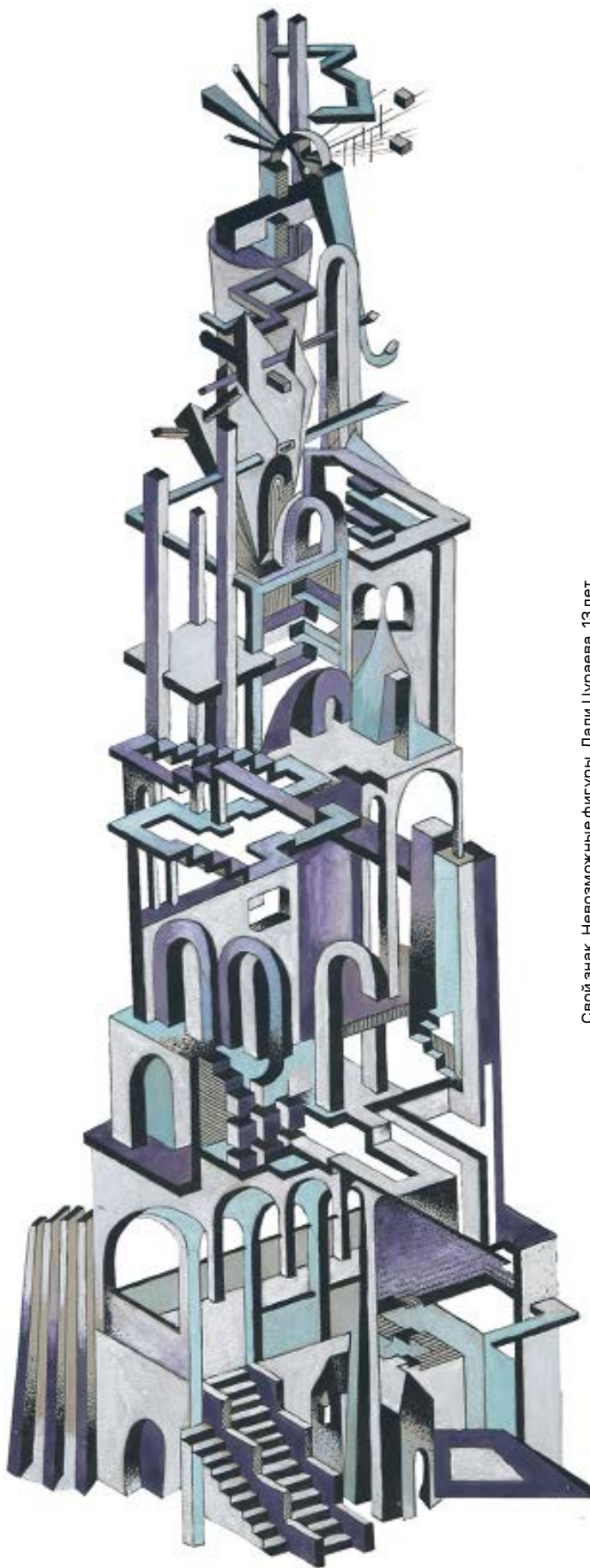
Преобразования. Квадрат-куб. Работы детей 12 лет, руководитель О. Бармаш. Коллаж, акварель, белила

Куб. Врезки. Работы детей 13 лет, руководитель О. Бармаш. Коллаж, карандаш

Перспектива с одной точкой схода. Работы детей 13 лет, мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Карандаш, тушь

Склады. Источник вдохновения — В. Вазарели.
Маша Левченко, 13 лет, руководитель
О. Бармаш. Цветные карандаши, белила

Свой знак. Невозможные фигуры. Дали Цураева, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, карандаш

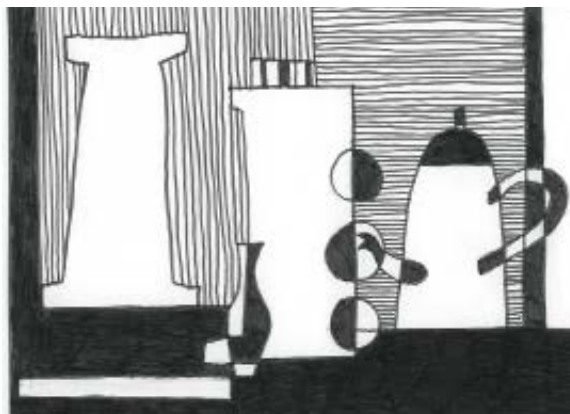
Свой знак. Невозможные фигуры. Саша Бреславцева, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, карандаш

Невозможные фигуры. Башня. Наташа Зайченко, 13 лет,
руководитель О. Бармаш. Акварель

Композиция играет решающую роль в любом виде искусства — в изобразительном искусстве, архитектуре, скульптуре, дизайне, фотографии, плакате. Композиция — это важнейший организующий элемент художественной формы, придающий произведению единство и цельность. Любое творчество, а тем более архитектурное начинается с композиции. Архитектура оперирует языком абстрактных объемно-пространственных соотношений, она лишена изобразительных связей с жизнью, и потому формы, созданные ею, практически нежизнеспособны. И даже если зародышем архитектурной формы выступала конкретная природная форма, все же созданное архитектором так далеко отстоит от оригинала, что его можно считать новым явлением. В начальной стадии, в процессе зарождения образа будущего здания, профессионал-архитектор, подобно ребенку, играющему в кубики, манипулирует упрощенными формами, пробуя все возможные варианты композиции. Ребенку тем более близка эта свобода в обращении с простыми формами. Кубики, пирамиды, конструкторы — ко всему этому он прикасался еще до поступления в студию, и потому в освоении композиционного языка мы сделали ставку на отвлеченные абстрактные композиции. И то обстоятельство, что дети поодиночке интуитивно выявляют законы композиции, а это иногда приходится слышать, результат плохо поставленного изучения. Никакие разговоры о необходимости собственного подхода к процессу творчества не могут оправдать такого положения, ибо условием подлинного творчества является отнюдь не невежество, а лишь свободное владение предшествующим опытом. Корбюзье писал, что композиция — это не только выражение интуитивной гармонии, но в такой же мере — продукт сознательного выбора. Студийный курс композиции

представляет собой ряд коротких заданий — от простого к сложному. Отказавшись от пространственных задач и с помощью коротких упражнений, при этом каждый раз меняя технику исполнения, мы изучали такие законы композиции, как контраст формы и контраст размера, статику и динамику, масштаб, пропорции, ритм, равновесие. Начинали с самого простого — с понятий «симметрия», «асимметрия». С малышами вырезали из сложенной вдвое бумаги бабочку — символ симметрии, рисовали одновременно двумя руками симметричные предметы. Позже с учениками постарше изучали такие виды композиции, как декоративная и живописная, центричная и угловая, плоскостная и рельефная, объемная и пространственная. В художественных школах есть отдельный предмет «Тематическая композиция». Это задание на изображение жизненной ситуации, «рисунок по воображению» — сцена на катке, например, или праздник в школе. Возможно, к развитию воображения у ребенка такой подход имеет отношение, но к развитию композиционного мышления — никакого. Для нас это «Тематическая антикомпозиция». Непонятно, как можно научить детей мыслить композиционно, если пренебрегать объективными законами композиции. Поначалу мы решили вести композицию отдельной дисциплиной, но скоро отказались от этой идеи — на каждом занятии, независимо от характера задания, о композиции не забывали. Было опасение, что ученики наши заскучают, выполняя абстрактные композиции, но вскоре заметили, что геометрия у них часто окрашивается своим, эмоциональным отношением к ней. На уровне игры с чистой геометрической формой, как будто незаметно для них самих, рождался образ. Композиция из треугольников разной формы и размера вдруг превращалась в летящую птицу, из квадратов разного размера складывался динозавр, из кругов — черепаха и т.д.

Вдохновлялись чаще всего подходящими для решения таких задач работами мастеров отечественного авангарда — графическими упражнениями Я. Чернихова, супрематическими композициями К. Малевича, Л. Поповой, Э. Лисицкого и др.

Натюрморт. Витя Штейн, 10 лет, руководитель О. Бармаш. Маркер

Композиция «Любимая буква». Ася Скржинская, 9 лет,
мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Коллаж, маркер

Композиция «Предметы рядом»,
«Предметы ближе-дальше». Бася Таранова, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Линер

Форма — антиформа. Дали Цураева, 9 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж

Новогодняя открытка. Ярослава Позднякова, 7 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж

Форма — антиформа. Натюрморт. Василиса Мыц, 11 лет,
мастер О. Бармаш. ДТС СМА. Коллаж, гелевые ручки

Натюрморт. Ася Скржинская, 11 лет, мастер О. Бармаш.
ДТС СМА. Коллаж, маркер

С первых дней работы студии мы и наши коллеги старались создать и поддерживать свободную, привлекательную атмосферу — атмосферу раскованности, радости поиска и находок. Старались отойти от жесткой школьной дисциплины, придавая занятиям форму легкой игры, в которой обыкновенная клякса вдруг становится образом, а образ — словом, а слово — целым понятием. Отпечаток ладошки становится таинственным знаком, а этот знак вдруг видится под неожиданным углом и постепенно трансформируется в несуществующее животное или в волшебную птицу. У старших учеников метафоры разворачиваются с помощью архитектурных цитат, символов, игр с аксонометрией, перспективой — обратной и прямой, с выдуманными фигурами и пространством, перевертыванием привычных смыслов и понятий. Такой подход, считали мы, высвобождает способности ребенка, затрагивает такие стороны его личности, которые в общеобразовательной школе вообще остаются незамеченными. В то время как торжествует массовая культура, зачеркивающая, поглощающая личность, растворяя ее в безликой толпе, студия дает установку на свободную, разносторонне развитую, по-настоящему культурную личность.

Сохранение внутренней свободы ребенка, его, как правило, положительной самооценки, мы считали одной из главных задач нашего метода. В студии, на наш взгляд, детям должно быть интересно, легко и весело. Мы дружили с нашими детьми. Свобода поселяется в ребенке навсегда тогда, когда он начинает понимать, что

он доволен собой, когда освобождается от комплексов, обретает самоуважение. И это ни в коем случае не самолюбование. Это просто спокойная уверенность в своих силах и желание заниматься тем, что ты любишь и умеешь. Миша Бейлин, выпускник класса Инги Абаевой, прекрасно подчеркнул это: «Думаю, студия формировала, в первую очередь, личность свободную, неконформистскую, человека, получающего жизненные силы и удовольствие из творчества. В любых его проявлениях, не только в профессии».

Саша Ермолаев поощрял своих учеников мелкими призами в конце занятий, а я любила дарить им на дни рождения какую-нибудь приятную мелочь. Когда была в Италии, меня осенила мысль купить бусы муранского стекла. В студии я их рассыпала, и каждый выбрал себе одну бусинку, и при этом они оценили символичность этого подарка. «Связанные одной цепью», — сказал кто-то из них. Недавно две выпускницы зашли ко мне с этими бусинками на шнурке. Растрогали.

Каждый год устраивали новогодние праздники в студии с обязательными чаепитием и танцами. Когда-то давно, еще в Гранатном, моя 14-летняя ученица старшего класса Алиса Пастернак нарядилась Снегурочкой — сплела себе косы из веревки и сделала яркий румянец. А Витю Крылова, тогда семилетнего, мы нарядили в Деда Мороза. Так они и вошли в класс — крошечный Витя, волоча за собой огромный мешок с подарками, и большая Снегурочка — Алиса. Дети были в восторге. А в последнем выпуске постоянная

и любимая моя помощница Саша Мановцева подарила мне чудную идею — сочинить рассказ о жизни класса с упоминанием всех учеников и родителей без прилагательных. Потом собрать забавные прилагательные с детей и вставить их перед существительными или именами. Каждый раз получалась совершенно уморительная история, хохотали до слез и дети, и родители. И всегда через год спрашивали: «А новогодняя история про нас будет?»»

Родители приносили сладости, а дети строили дворцы из них, используя вареную сгущенку в качестве клея. Это с большим удовольствием потом поглощалось. Любили всяческие конкурсы. Например, конкурс походов или рисование с закрытыми глазами на доске. Еще такой «аттракцион» проводили. Делили лист на 12 квадратов, и я быстро называла предмет, который тоже быстро надо было изобразить, а потом объяснить, что они нарисовали. При этом я специально усложняла им задачу — выбирала похожие по форме предметы. Например, розетка, пуговица, пяточок... книга, стол, шкаф... бутылка, груша, перец, баклажан. Розетка, пуговица, пяточок — это практически одна и та же форма — кружок с двумя точками. Книга, стол, шкаф — прямоугольники. Бутылка, груша, баклажан — тоже схожи по форме. Потом, уже наошибавшись, стали вместе рассуждать, что розетка может быть квадратной, пуговица с четырьмя дырочками, а не двумя, пяточок и вовсе может быть монетой. Несмотря на всю путаницу и досадные ошибки, игра эта очень увлекала детей, и они с нетерпением ожидали очередного праздника.

Иногда, если работа была достаточно многодельной, читала им. Открывала Хармса, например, или Довлатова, Бабея, Улицкую, Рубину. Главы из «Мастера и Маргариты» — детям постарше.

Почти сразу мы обнаружили, что чем свободнее атмосфера, тем больше удовлетворения получают ученики и преподаватель от общения друг с другом, и тем эффективнее, как ни странно, результат работы. Во время занятий можно поболтать (приводили в пример студентов-архитекторов, которые на «сплошнях» слушали музыку, болтали и чертили одновременно), можно даже побегать. Иногда, правда, это происходило в ущерб себе и соседям, не все понимали тогда, что такое чувство меры. Был у меня такой чудный мальчик Алеша Сыромятников. Недавно защитил диссертацию в МГУ, а тогда получил от детей (!) кличку Шум — всегда шумно и раскатисто-картаво

Андрюша Ширвиндт, теперь вполне успешный юрист, тогда, в 90-е, в свои десять лет, особенно кротким нравом тоже не отличался. Убегая от меня по дороге в Тимирязевский музей через Красную Пресню, перед машинами, кричал: «Вы меня все равно не догоните! Знаете, как моя фамилия переводится? Быстрый ветер!»

Как-то раз он смастерил заранее, дома, что-то вроде ежика — в пластилиновый шарик, размером с яблоко, воткнул гвозди шляпками внутрь, и запустил этот предмет в голову, точно не помню, но, кажется, Кириллу Миндрулу, сидящему напротив. Правая половина лица Кирилла стала красной, но, слава богу, обошлось без увечий. И еще один случай, связанный с ним, вспоминается. Едем группой в Пушкинский на Волхонке. В троллейбусе давка, кричу: «Выходим на следующей!» Андрей вышел сразу, на предыдущей. Пока я тихо, в полуобмороке, сидела на тротуаре, родители помчались ему навстречу. Встретились на полпути. Андрюша, как обычно невозмутимый, сказал, что понятно же, если вышел раньше, то надо идти вперед. Смышленный мальчик!

В Суханове всегда особенно весело было. Почти со всеми группами трудились там над дипломными работами. Те же затейники, Шум и Гам, организовали там однажды гонки на матрасах — притащили их с кроватей и с гиканьем съезжали на них из каминной в прихожую по крутой, до блеска отполированной деревянной лестнице. Родители при этом хохотали (яблоки от яблонь недалеко падают) и даже снимали это на видео! В студии атмосфера была настолько свободной, что ученики мои иногда позволяли себе подшучивать над моими слабостями: «У Ольги Аркадьевны сумочная болезнь!»

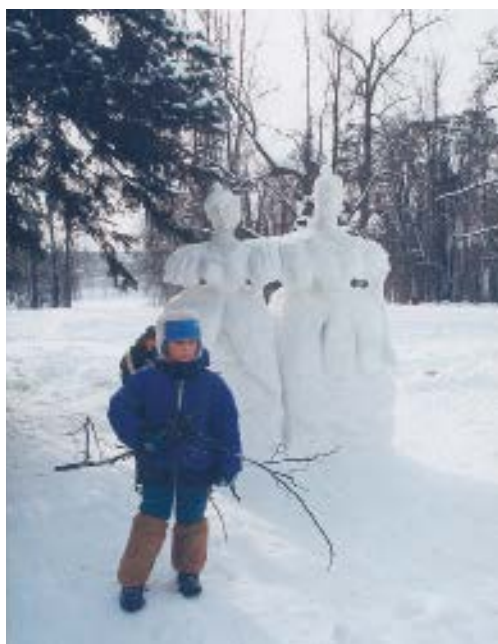
И правда, всегда входя в аудиторию, бросала где-то сумку и в конце занятий мы все вместе

ее искали. «А какая она?» — спрашивает одна девица. «Ты что, не знаешь, какая сумка может быть у Ольги Аркадьевны! Цвета киви или цвета баклажана», — говорит другая. А еще я часто забывала вернуть фломастер или карандаш. Возьму у кого-нибудь и оставлю на другом конце стола. Слышу шепот: «Опять Ольга Аркадьевна у меня фломастер подрезала!» «У меня это профессиональное», — говорю. Смеются.

Несколько лет подряд устраивали конкурсы снежных скульптур в Суханове. Нам заранее готовили трехметровые заготовки из снега, и дети, как настоящие скульпторы, «отсекали все лишнее». Приезжала комиссия из Союза архитекторов во главе с президентом Юрием Петровичем Гнедовским и вице-президентом Андреем Ивановичем Тарановым и награждала победителей дипломами и грамотами. Потом проводили церемонию сжигания чучела и в конце праздника устраивали чай с настоящими блинами, вареньем и медом, а вечером — импровизированный бал во дворце усадьбы. Костюм для себя в этом случае каждый должен был придумать из того, что под рукой, и продемонстрировать его под музыку. Помню, как отличился мой ученик Женёк.

Барышни на прогулке. Скульптура из снега. Коллективная работа, руководитель А. Дурново

Празднование Нового года в студии. Дед Мороз — Витя Крылов, Снегурочка — Алиса Пастернак

Празднование Нового года в студии
Поздравление с Новым годом

Обследование окрестностей усадьбы.
Фото В. Золотарёвой

Суханово. 2012 г.
Фото В. Золотарёвой

Суханово. У дворца. Выпуск 2009 г.
Любимая беседка

Сушаньяк в каминной. Суханово.
Фото Саши Мановцевой
Егор Карпенко и Трифон Милев
поднимают штангу

На крыше мавзолея с охранником.
Фото Саши Мановцевой

Он начал снимать свитер в крупную сине-желтую полоску и оставил его на голове, за ушами. Другой его положил ему под свитер, на макушку, палочку длиной сантиметров тридцать, и получился клафт — головной убор фараона. Эта идея была настолько удачной, что я решила повторить ее в Доме кино на дипломном показе через много лет в разделе «Искусство Древнего Египта».

Вообще Суханово, с его непривычной для детей таинственной атмосферой, видимо, застряло в памяти наших учеников навсегда. Магия дворянской усадьбы привлекала их невероятно, а некоторых даже немножко пугала. Почти руинированные постройки, запущенные фруктовые сады, темные аллеи, заросшие тропинки, сооружение с куполом со странным названием «мавзолей». На полпути из спального корпуса к нему — заброшенный двухэтажный домик с выбитыми стеклами, бывший дом для obsługi князей Волконских, владельцев имения. Самые отчаянные обследовали его «интерьеры». Готический домик с башенками, согласно легенде

построенный по рисункам детей Волконских, тоже производил на моих учеников сильное впечатление. С ними я бывала там во все сезоны. Зимой они катались на санках и шинах-ватрушках, летом купались в пруду, осенью любили бегать, шурша листьями и закапываться в них с головой — сухановские прятки. Как-то объявляю: «В этот заезд жить будем в мавзолее, в других корпусах мест нет». Восторгу не было предела. «Ура! Жить в мавзолее — это же так круто! Там наша любимая каминная комната, где можно разжечь огонь и побренчать на рояле».

В Суханове встречались дети разного возраста, и это было полезным опытом как для младших, так и для старших. Во дворце, тогда еще не разворованном и не сданном в аренду, мы устраивали балы. Инга любила «окуна́ть» детей в атмосферу XIX века и учила с ними бальные танцы того времени — полонез, котильон, польку, кадрили, менуэт, и они с удовольствием повторяли эти затейливые па.

АНТОН МЕДОВСКИЙ
архитектор

Самые сильные впечатления — это поездки в Суханово, конечно. Ура, без родителей! А в четырнадцать лет это многое значит... Помню, как мы, вдесятером, забились в один из номеров и закурили. Дальше рассказывала Ольга Аркадьевна: «Открываю дверь и не вижу ничего — плотная дымовая завеса. И вдруг между ног у меня с дикой скоростью проползает нечто... Я с трудом на ногах удержалась, вглядываюсь, а это Кирилл Илизаров». Потом пришла мама Кирилла воспитывать нас, и мы решили ее разжалобить — прослезились. Правда, вряд ли это были слезы раскаяния, скорее, все же от нашего дыма. В номере мы больше не курили, однажды закрылись в туалете, покурили и вылезли по очереди в форточку. Уборщица, видимо, проследила за нами и, не обнаружив нас там, прибежала к Ольге Аркадьевне с вопросом: «У вас никто не потерялся?» Потом мы с улицы видели, как она сама пыталась пролезть в форточку, проверяла, наверное, насколько это возможно.

Любили гримироваться. Олег Сороко-Цюпа как-то мастерски загримировал свою

физиономию под наркомана, хотя и без грима мог бы играть эту роль, всегда был юношей бледным со взором горящим. Инга Михайловна долго не верила Ольге Аркадьевне, что это все-таки грим, а не состояние. И все же работали мы вполне усердно, вечером только позволяли себе немножко...

Из глубокого детства Ольга Аркадьевна припомнила. Мне лет семь или восемь. Входит на занятие Ольга Аркадьевна и торжественно объявляет: «Сегодня мы с вами испробуем все способы...» Хотела сказать работы с гуашью, но я успел ляпнуть: «Отстирывания!» Она второй раз пытается сказать то же самое, я опять успеваю сказать «отстирывания». И в третий раз, покраснев и, как говорят, слившись с волосами, ляпаю то же самое проклятое слово. Все хохочут, я чуть не плачу, а Ольга Аркадьевна спокойно говорит: «Ничего страшного, мальчик просто жертва рекламы».

А если серьезно, то всех иероглифов мира, начиная с египетских, не хватит, чтобы выразить чувства и эмоции, возникающие рядом с Ольгой Аркадьевной. И обязан я ей очень многим: теперь я умею улыбаться трудностям, смешно шутить с серьезным лицом, ходить на ходулях, рисовать чем угодно на чем угодно и, наконец, думать и анализировать.

Жираф — башня Татлина — это работа ученика студии из серии «Архитектурные животные». За эту серию студия получила звание лауреатов на Международном архитектурном биеннале «Интерарх-89». Способный ученик из группы Ирэны Фёдоровой Митя Бузин создал этот удивительно выразительный образ, и на эту остроумную находку ребенка удачно легли наши стартовые идеи: символ методики объединяют два образа — природы (жираф) и культуры (башня Татлина), а все вместе это глубоко современный образ — любимое в студии соединение несоединимого.

В спирали башни изначально заложена идея роста, бурного развития. Устремленность ввысь символизирует отдачу энергии — в нашем случае это раскрепощение творческой, созидательной энергии ребенка. К тому же жираф — общепринятый символ неординарной личности, а башня — символ всего остросовременного.

Башня Владимира Татлина — знаменитая башня III Интернационала — произведение поистине ренессансного художника русского авангарда 20-х годов прошлого века, личность которого уникально универсальна — он архитектор и дизайнер, сценограф и конструктор, живописец и музыкант.

Выходит, выбор символа студии оказался неслучайным, он полностью соответствовал нашим устремлениям, направленным на формирование личности творца, человека нового мышления, обладающего проектной культурой, способного художественно и современно преобразить окружающий мир.

Благодаря этой работе ребенка, таланту и энтузиазму Ирэны, студия еще больше подчеркнула уникальность своей методики. Постепенно появлялись плакаты к нашим выставкам, значки, майки, визитные карточки преподавателей, и на всех деловых бумагах, конечно, красовался наш символ — башня-жираф.

Знак «Старта». Митя Бузин, руководитель И. Фёдоровой

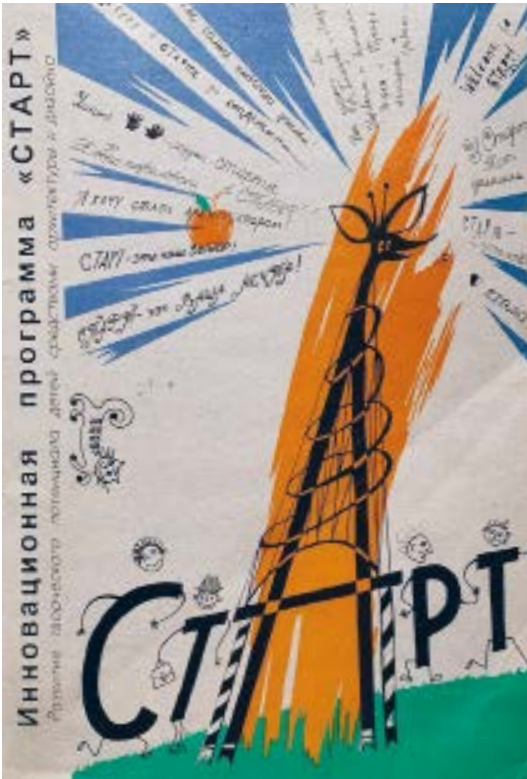
Приглашение на выставку в ЦДХ на Крымском. Автор О. Бармаш

Значок. Автор И. Фёдорова
Шляпа «Башня Татлина». Саша Боева, 15 лет,
руководитель О. Бармаш

Позже наш жираф перешел
на своих ногах в школу «Старт»
и теперь является их символом.

Плакат. Автор И. Фёдорова
Шрифтовая композиция «Старт». Саша Таранова, 11 лет,
руководитель А. Ермолаев. Тушь, перо

Впоследствии оказалось, что многое из нашего студийного методического опыта нашло благодатную почву в условиях общеобразовательной школы. Один из принципов студии — широкий охват объектов для творчества согласуется с разнообразием школьных дисциплин, естественно-научных и гуманитарных. От родителей иногда можно было услышать о том, с каким удовольствием их дети приходят в студию — бегут после школы сломя голову и уходят счастливые. Вот и задумались — почему же так часто падает интерес к школе у ребенка уже в самом начале обучения?

Причина, скорее всего, в том, что в традиционных школьных программах непропорционально много внимания уделяется логическим процессам. Для большинства родителей и учителей и сегодня показателем развития ребенка является его умение читать, считать и писать, и мало внимания обращается на его природные способности. Мышление образное, интуитивное, так свойственное именно маленькому человеку, развивается недостаточно, искусственно акцентируется только одна — интеллектуальная сторона его деятельности в ущерб остальным. Автоматическое увеличение объема знаний не дает эффекта наращивания творческого потенциала, мы тогда уже на собственном опыте видели, что полноценное развитие ребенка способна обеспечить только система, построенная на естественных его склонностях. Общей образовательной программы, цельной и адаптированной именно к современному ребенку, в школе практически нет и поныне. Один этот ЕГЭ, бессмысленный и беспощадный, чего стоит. Единый государственный экзамен. Разве можно в наше время сводить все к тестам «да — нет». Современный человек должен решать не только типовые задачи. Обстановка в школах нагнетается за несколько лет до этого ЕГЭ, дети и родители идут на него как в последний бой. А что заставляло наших детей сидеть по пять, а иногда и по восемь часов в студии? Только творческий стимул! Ребенку, даже больше, чем взрослому, надо дать испытать чувство победителя: «Я сам это придумал и сам это сделал».

Лозунг студии — сердце, голова, руки, то есть сфера чувств, интеллекта и практического мастерства. Конечно, такому развитию способствуют и другие занятия: музыкой, танцами, рисованием, но в архитектурно-дизайнерском детском творчестве все три составляющие проявляются в совокупности и единстве,

что и позволило нам обратиться к архитектуре и поставить его во главу угла.

Занятия в школе по нашей методике мы называли АХТ — архитектурно-художественное творчество, обеспечивающее ассоциативные связи между школьными предметами. Курс АХТ становился стержневым и пронизывал все общеобразовательные дисциплины. Только так, по нашему мнению, именно с позиций культуры можно сформировать целостную картину мира.

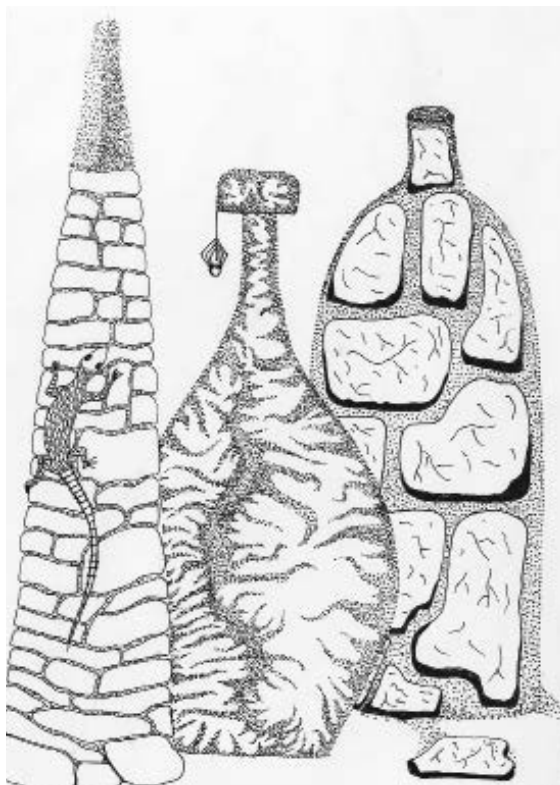
Занятия с младшими школьниками могли бы стать особенно эффективными, учитывая, что в начальной школе один педагог ведет класс первые четыре года. Занятия с ними должны были принять форму активного исследования окружающего мира. Сад, парк, улица, лес способны подтолкнуть ребенка к изучению ботаники, зоологии, химии, математики, языка и т.д.

Погружение внимания ученика в проблемы той или иной культуры могло пробудить интерес к истории, географии, музыке, изобразительному творчеству. Основные направления методики не привязывались жестко к отдельным предметам — процесс обучения с нулевого по 4-й класс включительно рассматривался как единая целостная система. На педагога младших классов полностью ложилась роль живого интегратора, проводника архитектурно-художественного подхода к развитию ученика.

Опираясь на деятельный характер ребенка, его открытость всему новому, мы предлагали перейти от пассивного созерцания объектов изучения к творческой, поисковой работе с ними.

Бутылки. Неожиданные фактуры.
Руководитель Н. Пелепина. Линер

Человек-дерево. Лёня Соловьев, 10 лет,
руководитель И. Полукарова. Коллаж, маркер, линер

Изучая и сопоставляя форму, цвет, размеры и другие характеристики листьев, вглядываясь в «архитектуру» листа, можно подойти к стилизации его, и тогда окажется, что лист липы вписывается в круг, лист дуба — в треугольник, клена — в пятиугольник и т.д. Такая работа, выполняемая детьми всегда с удовольствием, облегчает усвоение некоторых математических законов. Дети не просто получают готовые геометрические формы, они сами создают их и потому легко оперируют ими в дальнейшем. Или, например, буква А. Одно из первых заданий — дом-буква, его обживание. У каждого ученика рождается свой образ дома — многоэтажный, городского типа, сельский, космическая станция, дом со своим особенным выражением. Другое задание — человек-буква А, очеловечивание буквы. И снова такое разнообразие характеров — высокие и худые, приземистые и толстые, веселые и грустные. Затем строится «очередь» из букв — заглавных и строчных, печатных и рукописных, попутно идет сравнительный анализ большого и маленького, угловатого и округлого, сопоставляются простая крупная и изрезанная, сложная и мелкая формы. Заглавная А вписывается в треугольник, прямоугольник или квадрат, а строчная — в круг. Самостоятельно выполненная работа, создание своего образа — это уже по-настоящему творческий, созидательный процесс, и здесь же может произойти прикосновение к латинскому алфавиту как один из ходов к освоению иностранных языков. От русского к математике, от математики к иностранному языку, от него к литературе, к окружающему миру и т.д. В такой легкой, свободной атмосфере рождается дух совместного творчества преподавателя и детей, они вместе размышляют, анализируют, экспериментируют и оценивают. Взаимное уважение, чувство сопричастности общему делу активизирует познавательный интерес ребенка, избавляя его от повседневности школьной жизни.

Ситуация для интегрирования школьных дисциплин несколько усложняется в средней школе, где каждый предмет ведет отдельный учитель. Здесь роль координатора должен был взять педагог архитектурно-художественного творчества (АХТ). В продолжение урока он с помощью разнообразных информационных материалов — слайдов, роликов, фильмов, книг — расширяет представление о предмете в его культурном аспекте. После чего, на основе полученных знаний, начинается процесс творчества. Биология, химия, физика, физическая география раскрывают закономерности мира природы.

Педагог АХТ, пользуясь пособиями по природным материалам (коллекция камней, растений, срезы деревьев, раковины), раскрывает все богатство и разнообразие природных форм. Ученики выполняют зарисовки с натуры, записывают свои впечатления, накапливая материал для творческой работы. Педагог формулирует задачу, после чего начинается творческий процесс — выполняются эскизы собственного замысла.

Хорошие результаты дает способ последовательной работы над натюрмортом из овощей и фруктов. Сначала отдельные зарисовки с заостренным вниманием к внешней форме. Можно выполнить натюрморт плоскостной, на черной бумаге, вдохновляясь творчеством Пиросмани например, где каждый предмет целиком виден, потом планы ближе — дальше на примере натюрмортов Машкова или Сарьяна. Потом неожиданно — разрез по натюрморту с изображением внутренней структуры каждой формы, и совсем необычное — натюрморт из овощей и фруктов, напоминающий лицо человека. Здесь уместно воспользоваться произведениями художника Возрождения Арчимбольдо. Все это может быть исполнено как на бумаге, белой или цветной, так и в макете или пластилине. По той же схеме изучаются камни, раковины, деревья, животные, и таким образом поддерживается постоянный интерес к исследованию и изображению знакомых форм.

Прочные связи между искусством и математикой установились еще в древности.

Математика испокон веков пронизывала художественную деятельность человека. Математика плюс искусство — универсальное средство подойти к гармонии, и потому межпредметная связь математики и искусства в школе крайне

важна. Особенно это относится к урокам геометрии. Приобретение навыков рисования напрямую связано с геометрией: геометрия лежит в основе рисунка — изображение любого предмета начинается с геометрического упрощения его формы. В средних и старших классах в расчлененной на предметы программе трудности в освоении геометрии преодолеваются с помощью постижения изобразительной грамоты. Так, знакомство с линией, параллелями, перпендикуляром содействует освоению плоскостного изображения, стереометрия способствует объемным построениям предмета на плоскости, построениям объема и пространства в макете. Примеры таких построений могут быть взяты из произведений искусства различных времен. Математика и искусство, взаимно обогащая друг друга, способствуют развитию у детей пространственного и образного мышления.

«Прекрасное не может быть несоразмерным» (Платон). Принципы золотого сечения пронизывают музыку, живопись, дизайн, архитектуру. Привлечение математических знаний, логических построений к урокам творчества для облегчения трудностей изображения, с одной стороны, и вместе с тем создание прекрасных композиций из геометрических фигур или Платоновых тел на уроках математики — с другой, составляют смысл интеграции этих предметов.

Черчение, согласно нашей программе, связано с уроками геометрии и архитектурно-художественного творчества. Основная задача этого предмета — привить детям культуру графического труда, научить чертить и читать чертеж, уметь с помощью чертежа высказывать свои творческие идеи. Уметь изобразить план местности, план квартиры так же необходимо любому современному человеку, как уметь читать и излагать свои мысли в письменном виде.

Козлик. Модель. Алёша Ульянов, 11 лет, руководитель Н. Пелепина. Проволока, калька, бумажные салфетки

Здесь можно привести в пример еще одну показательную историю. В начале 90-х, когда начали появляться малиновые пиджаки, наш друг-архитектор проектировал коттедж такому персонажу. Приносит чертежи, заказчик долго морщит лоб, пытается разобраться, где дверь, где окно, где ниша, а где балкон. Не понимает

ничего: «Ты это, принеси побольше...» Принес он ему чертежи в 50-м масштабе. Все равно ничего не получается. Тогда, отчаявшись, этот «пиджак» изрекает: «А ты мне чучело можешь сделать?»

Ловлю себя на том, что память постоянно возвращает меня в 90-е. Но ничего не поделаешь — я вообще вся оттуда. Когда девочки-ученицы с лукавой улыбкой спрашивали меня: «А сколько вам лет, Ольга Аркадьевна?» — всегда отвечала: «Я родилась в первой половине последнего столетия прошлого тысячелетия». Кто же этот заказчик из 90-х? А он из тех, кто одним из первых сориентировался в резко изменившихся условиях, разбогател тем или иным способом и теперь диктует свои требования, навязывает свой вкус архитекторам, дизайнерам, художникам, скульпторам. В дефиците грамотного, образованного, обладающего художественным вкусом заказчика, видимо, и коренится зло. Количество современных специалистов в области искусства, способных по-новому выразить

дух времени, сегодня достаточно. Оно даже превышает в них потребность государства. А вот отсутствие заказчика, способного соответствовать уровню художника, налицо. Уместно, на мой взгляд, вспомнить здесь об Италии, стране, которая сохранила дух полнокровной, красивой и счастливой жизни по сей день. Не погружаясь глубоко в эту тему, хотя об этом можно было бы написать отдельную книгу, хочу подчеркнуть, в чем феномен этой страны, куда тянет вернуться вновь и вновь. Многие объясняют это тем, что просто так выстроились звезды, или что Господь простер свою длань над страной, и она засверкала всеми оттенками художественного гения. Пожалуй, это слишком эмоциональное и простоватое объяснение. Скорее всего, дело в том, что в Италии того времени возникла потребность в высоком искусстве на всех социальных уровнях и получила ответ со стороны архитекторов, скульпторов и живописцев. Всякое человеческое деяние в Италии — высочайший художественный уровень, включая жилища, всё здесь — произведения искусства. Проезжая, например, по Гранд-каналу к площади Сан Марко, поражаешься безупречности и неповторимости застройки набережных, где очевидно взаимное, уважительное отношение мастеров, строящих соседствующие дома. Оно столь гуманно, что создается впечатление ансамбля, совершенного и цельного. Длинное, непрерываемое полотно фасадов само по себе является произведением искусства, их цепь образует единство индивидуальностей в удивительной гармонии, каждое сооружение как будто понимает соседа с полуслова. В эпоху наибольшего расцвета Ренессанса наряду с художником не меньшую роль играл заказчик, покровитель, поощритель искусства. Без тонкого художественного чутья папы Юлия II, меценатов из семейств Медичи, Питти, Борджиа и многих других влиятельных личностей не расцвели бы города этой прекрасной страны, так непохожие друг на друга. Без соревновательного духа именно между заказчиками, соперничества, длившегося веками, таким великим художникам, как Джотто, Донателло, Брунеллески, Вероккио, Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи и многие другие, вряд ли удалось бы реализовать свои проекты. Это равновесие между желанием заказчика и гением художника и объясняет феномен Возрождения, накопившего такое множество уникальных и никем не оспариваемых совершенств.

Как авторы концепции метода мы понимали, что параллельно с формированием личности созидателя не менее важно для нас воспитать

Преобразование квадрата. Марианна и Андрей Ширнины, 10 и 8 лет, руководитель О. Бармаш. Цветная бумага

потенциального потребителя искусства, заказчика. Ощущая себя существенным звеном в архитектурном деле, мы при этом не ставили задачи готовить детей в архитектурный институт. Мы учитывали тот факт, что не все наши выпускники будут поступать в творческие вузы, но независимо от приложения их профессиональных сил в дальнейшем они будут помнить о том старте, который был дан им в раннем возрасте. Человек, получивший в детстве возможность раскрыть свой творческий потенциал, сможет в будущем воспринимать мир культуры и всегда оценит исключительность другой личности. Тогда и (мечтали мы) возникнет нерасторжимость альянса творца и заказчика, обладающих одинаково высоким уровнем культуры, и совпадение их интересов даст достойный результат. Такой подход к основным целям обучения мы считали одной из своих находок.

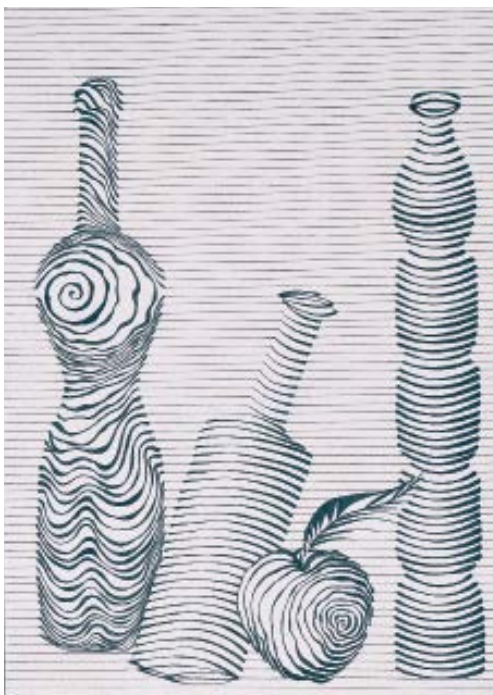
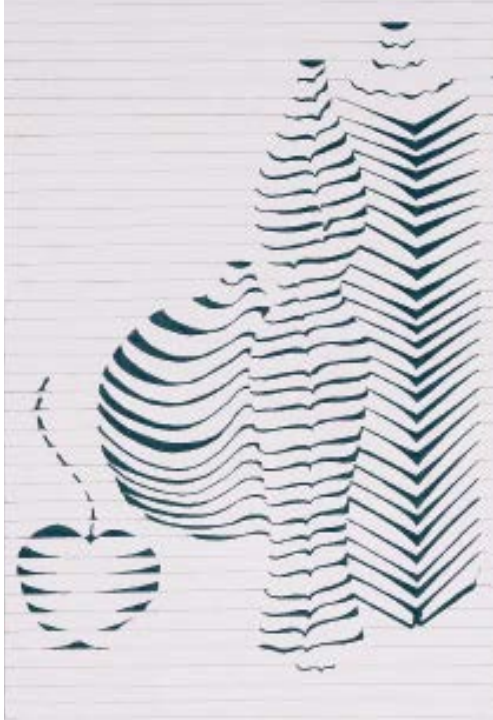
В существующих школьных программах по истории основное внимание уделяется войнам, классовой борьбе, жизни политических и военных деятелей, и почти полностью лишены они сведений из истории культуры, искусства. С другой стороны, курс мировой художественной культуры, введенный в старших классах, никак не соотношен с историей, он никак не выявляет взаимосвязь между развитием познания в науке и в искусстве. А ведь именно их взаимодействие является живым свидетелем истории, благодаря искусству история человечества приобретает наглядное изображение.

Странно, но даже в художественных учебных заведениях история искусства изучается самостоятельно, в отрыве от уроков творчества. На уроках истории в школе, особенно сейчас, акцент переносится на воспитание чувства патриотизма у детей. Буквально недавно этому был придан статус национальной идеи. Но такой формальный подход, как правило, не достигает должного результата — можно годами говорить о значении патриотизма и вызвать тем самым отторжение или даже обратную реакцию. В студии мы не вели поучительных бесед о том, как надо беречь и гордиться культурным достоянием нашей страны, мы вели детей к церкви Большого Вознесения, например, или к особняку Рябушинского, много ездили на пленэры — в Коломенское, Суздаль, Переславль-Залесский, Ленинград... и всегда убеждались в том, что только художественная деятельность может пробудить в ребенке ценителя прекрасного, только пропустив через себя, он начнет ощущать культуру настоящего и прошлого.

Преподаватель АХТ раскрывает детям особенности искусства изучаемой эпохи: ее архитектуру, живопись, скульптуру, произведения декоративно-прикладного искусства, дизайн. Полностью весь комплекс искусств изучается хронологически, вместе с историей этой эпохи. Уроки истории, одухотворенные искусством (сюда же можно подключить и музыку, и литературу изучаемой эпохи), легче усваиваются и создают необходимые условия для творческой работы.

Уроки русского языка и литературы имеют самое прямое отношение к занятиям архитектурно-художественным творчеством. Они помогают развить умение литературно формулировать те, поначалу интуитивные творческие проявления, которым предстоит потом перейти из области подсознательного в сферу осознания своего Я. Анализ собственного архитектурно-художественного творчества позволит обрести ориентиры и в творчестве литературном — каждое занятие АХТ должно заканчиваться индивидуальным и коллективным обсуждением, защитой своих принципов. Такой подход разовьет речевые навыки, увеличит запас слов, укрепит память.

Организация предметно-пространственной среды — одна из ключевых позиций нашего метода. Даже в самой обычной, рядовой школе существуют возможности для использования тяги ребенка сделать что-то собственными руками. Одна из них — художественное оформление кабинетов, классов и рекреаций школы, другая — организация школьных праздников. Можно не покупать дорогостоящий костюм и не просить родителей шить его к празднику, а придумать и выполнить его самому, или хотя бы всего одну деталь, которая привлечет к себе внимание, — шляпу, манжеты, воротник и т.д. Можно вместо обычной елки

соорудить «экологическую» — из равновесных цветных мобилей. Широкое поле для детского созидательного творчества представляет оформление интерьеров, актов зала, росписи занавеса в нем, создание декораций и костюмов к школьным спектаклям. В школьном саду можно заняться разработкой малых форм, это могут быть скамьи, навесы и др. Серьезная творческая задача для старших школьников — создание фирменного стиля школы, включая эмблему, значок, рабочий фартук, майку, бейсболку и др.

Необязательно все ученики, прошедшие обучение в такой школе, будут в дальнейшем связаны с художественной деятельностью, но в любую деятельность они будут приносить накопленный опыт художественного схватывания действительности, остро чувствовать дух времени.

Успех внедрения программы во многом зависел от квалификации педагога, ведущего уроки АХТ, это своего рода завуч по эстетике, на нем лежит ответственность за организацию художественного воспитания детей, создание творческой атмосферы в школе, в которую погружаются не только дети, но и педагоги и родители. Опыт показал, что наиболее успешно справляются с программой педагоги — профессиональные архитекторы и дизайнеры. Понятно стало, что для того, чтобы реализовать эту программу, нужны немалые усилия со стороны администрации школ и всего педагогического коллектива, а по сути нужна реформа всей системы образования. Главная проблема — подготовка педагогических кадров для средних школ. Важно, чтобы архитектурно-художественное творчество, помимо самостоятельной, полноценной роли, пронизывало все общешкольные дисциплины. Очень важно, чтобы для работы в школе привлекались специалисты-практики, занятые в различных областях архитектурной и дизайнерской деятельности, преподаватели и студенты архитектурных и дизайнерских вузов и колледжей. Одним из лучших вариантов мы считали подготовку кадров в педагогических вузах, но такого опыта тогда не было вовсе. Поначалу наша методика была с энтузиазмом воспринята в некоторых школах, но, к сожалению, закостенелость нашей образовательной системы не позволила широко развернуть это движение. В общем, наверное, наивно было рассчитывать на успех, школы не готовы были тогда к таким крутым поворотам. Впрочем, к серьезным реформам они не готовы и сейчас.

Удивительным образом методические принципы, изложенные нами тридцать лет назад в методике «СтАрта», совпадают с основными принципами методики образовательной системы Финляндии. Многие и сейчас в недоумении — в чем феномен успеха системы образования в Финляндии? Казалось бы, как-то все несерьезно, дети много гуляют и играют, домашних заданий им не задают. Даже контролирующих органов над школами нет!

Обнаружилось, что главные принципы методики школьного образования Финляндии схожи с нашими, стартовыми принципами образования:

- обучение самостоятельному мышлению;
- использование природных способностей ребенка — его образного мышления;
- перенос акцента с результата на процесс обучения;
- отсутствие элитных классов и школ — все на равных;
- строгий принцип постепенности нагрузки с учетом природного развития ребенка;
- обязательное уважительное и доверительное отношение к детям;
- обязательное дошкольное образование — многочисленные детские творческие центры по подготовке к школе;
- с 1-го по 6-й класс один учитель в классе — процесс обучения не привязан жестко к отдельным предметам;
- свобода поведения в классе.

Уверена, что секрет успеха именно в этой свободе, в атмосфере, далекой от нашей школьной заорганизованности. Свободе, которая и тридцать лет назад вызывала у нас в стране удивление и раздражение. Зачем она? Одни

неприятности от нее и проблемы! В Финляндии демократичность, открытость, доброжелательность — главные принципы программы школьного образования, там нет практически никакой субординации. Директор, проходя по школьному коридору, может поздороваться с учеником за руку и при этом не спросит, почему он не на уроке, или поднять кем-то оброненный карандаш. Дети в финской школе — самостоятельные личности со своими желаниями и потребностями. Невозможно представить, чтобы ученика там унизили. У нас близкая к их школьной атмосфера, пожалуй, только в элитных школах, которых в России не много. В Финляндии же не только элитные классы, но и элитные школы отсутствуют. Акцент, перенесенный с результата на процесс, дал свой результат!

По наблюдениям преподавателей студии, самих детей, которые вышли от нас, их родителей и как показала жизнь — кем выпускники студии стали, когда выросли, — первое, что произносят большинство из них: «Нас не критиковали», потом — «Нас никогда не ругали». Следом за этим — «Нас учили отвечать и излагать свои мысли, отстаивать свою точку зрения». Ну и конечно, о том, что каждый шел на занятия с радостью.

Все эти вложенные в головы детей принципы даже сейчас строго контрастируют с тем, что дает обычная общеобразовательная школа. Сейчас эти взрослые точно знают, что все делают правильно. И даже если ошибаются, то знают, что с этим делать.

Ну, а о моем школьном детстве я уже рассказывала, ни в коем случае этот опыт не должен переноситься на современных детей.

Композиции с одной точкой схода.
 Руководитель О. Бармаш. Линер
 Микрорайоны. Руководитель О. Бармаш.
 Барельеф, ватман
 Натюрморт, фрукты в разрезе.
 Руководитель О. Бармаш. Линер

Слово-образ. Сова. Витя Штейн, 10 лет,
 руководитель О. Бармаш;
 Гусь. Маша Ханова, 10 лет,
 руководитель И. Абазиева;
 Лебедь. Леля Белковская, 10 лет,
 руководитель О. Бармаш. Фломастеры

Буквенный город. Миша Беляков, 8 лет,
 руководитель О. Бармаш. Цветные карандаши,
 линер
 Монастырь. Нина Мессерер, 10 лет,
 руководитель О. Бармаш. Коллаж, обои

Как же повезло нам в конце 80-х, когда сняли запрет на таких наших любимых мастеров авангарда, как Малевич, Татлин, Лисицкий, Филонов, Кандинский, Попова, Родченко. Одна за другой каскадом шли их выставки в ЦДХ, и как радовали нас наши дети тогда свободой и живостью восприятия.

«Кандинский, — говорили они, — смотрел в микроскоп, и поэтому его формы напоминают крошечных живых существ, а Малевич — инопланетянин, он смотрел на мир из космоса, и поэтому его картины похожи на картины инопланетян — все формы в невесомости».

У Филонова их потрясло, как из мелких значков, повторяющихся из картины в картину, он набирает целые портреты, фигуры людей, дома и животных. Кто-то сказал, что поздние работы Кандинского, где уже не просматриваются предметы, ему нравятся больше, потому что, глядя на них, есть над чем подумать и пофантазировать.

Подойдя к картинке Пикассо «Девочка на шаре», заметили, что атлет сидит в египетской позе. Взрослые посетители с завистью посматривали на нашу компанию, некоторые даже останавливались послушать рассуждения наших детей, а мы гордились ими. Иногда наши дети в блокнотах делали зарисовки, сидя или даже лежа на полу, и на это тоже с завистью посматривали группы школьников с экскурсоводом. Очень жаль, но вскоре почти все музеи запретили свободное посещение — ввели предварительную запись и не позволяют самим проводить экскурсии — обязывают пользоваться услугами их экскурсовода. Теперь уже мы завидуем детям в музеях Франции, Италии, глядя на то, как они свободно ведут себя в музеях со своими блокнотиками.

Еще одним счастливым открытием для наших учеников в те времена стало знакомство с творческим наследием Якова Чернихова, во многом благодаря внуку мастера, тоже архитектору, Андрею, возглавляющему фонд имени Я. Чернихова. Он не забывал снабжать нас материалами, дарил календари, бывали и совместные проекты. Творчество этого уникального художника вдохновляло детей студии буквально с самого нежного возраста, с 6–7 лет и до подростков 12–15 лет. Для младших мы давали простые графические упражнения в стиле мастера, для подростков же конструирование объемных

воображаемых архитектурных композиций стало любимым занятием на долгие годы.

Когда позволяла погода, устраивали прогулки-экскурсии по нашей улице Щусева. Потом, в 90-е годы возвращено было прежнее название — Гранатный переулок. Услугами экскурсоводов не пользовались, стараясь избегать излишних историзмов и литературностей — это только мешало дальнейшей работе. Сами готовились, и сами рассказывали, акцентируя внимание на том, что считали важным для понимания сути вопроса. Сведения о пребывании М. Горького в особняке Рябушинского нам были не так интересны, как дизайн и архитектура этого удивительного сооружения. В музее Маяковского заостряли внимание детей на уникальности архитектурного решения его пространства. Разве тот факт, что он родился в Тбилиси, имеет большое значение?

Выходим на улицу, спрашиваю: «Почему Гранатный, как вы думаете?» И Саша Шапочкин, который постоянно перлы выдавал, изрек: «Потому что раньше, до войны, здесь гранаты росли!» С улицей нам тоже несказанно повезло — это практически музей архитектуры. Идем от нашего особняка, усадьбы Зерщикова, постройки середины XIX века налево и через 5 минут мы уже у Дома архитектора. Любуемся чудным фасадом, похожим на ренессансные палаццо, архитектора А. К. Бурова. Объясняю, что такое картуш, портик, арка, арочное окно, из чего состоит колонна. И не беда, что поначалу дети капитель называют карамелью, а портик кортиком. Нужная информация все же оседает в цепкой детской памяти. Помню, как один мой шестилетний ученик изобразил фараона.

Тимирязевский музей. Зарисовки насекомых.
Ольга Бармаш, Коюша Таранова, Настя Баевская,
Андрей Ширвиндт

По всем канонам Египта. И подписал свой рисунок: Размес II. Через много лет ехала в такси, которым управлял человек со странным именем, чуть ли не Эхнатон, спрашиваю: «Вы откуда?» «Из Египта», — с гордостью сообщает он. И когда я рассказала ему эту историю, он от смеха уронил голову на руль, и мы чуть в аварию не попали. Или другой случай был в Петербурге. Дети на экскурсии задыхались от сложных слов. Я тогда показывала им атлантов,

и они никак не могли запомнить — атланты какие-то, кариатиды, кто это вообще. И понимание подобралось тут же — я пояснила, что кариатида — это тетя, потому что заканчивается на А: Валентина, Татьяна. А атлант — дядя. Мгновенно запомнили. Родители тоже были в восторге. Во время работы над темой культуры Древнего Египта позировала детям в образе Нефертити, навесив на себя все свои украшения, и они, хихикая, называли меня Нефертётя.

Идем дальше, и вот первое здание Дома архитектора, построенное в конце XIX века архитектором А. Эрихсоном, — яркий образец московской псевдоготики, дальше, слева, городская усадьба в стиле классицизм, проходим дом-уютюг. Прошу, пройдя его, оглянуться, и тогда открывается совсем другая картина. Пока идем вдоль фасада, ничего особенно не впечатляет, но как только выходим на то место, где Гранатный сливается со Спиридоновкой, открывается практически острый угол дома. Вот почему он называется дом-уютюг!

По пути много говорим об архитектуре, люблю вопросами засыпать, так живее беседа протекает. Чем архитектура отличается от других видов искусства? «Мы в ней живем», — говорит тихая и рассудительная Ксения Васильева. «А иногда уже и не живем, а просто лежим», — опять изрекает Шапочкин, намекая на Мавзолей. Прививаю любовь к архитектуре, подчеркиваю ее значимость. Архитектуру мы воспринимаем совсем иначе, чем другие виды искусства. Не зря ведь люди передвигаются по всему миру, и они делают это с целью увидеть именно архитектуру. Никто не скажет: «Я поеду в Лувр», или в музей Венеции, или в музей уютюга в Переславле-Залесском, разве совсем уж странный человек. Все едут любоваться архитектурой.

Мы идем по городу и видим его с разных ракурсов, на наших глазах меняются цветовые и световые ощущения, мы получаем многообразные, иногда неожиданные эффекты впечатлений. Мы видим все сразу: мощение, фонтаны, скамьи, людей, и все это — в движении! А вечером, когда зажигаются фонари, мы видим как будто другой город, совсем не такой, как днем. Идем дальше. Справа — белокаменный Гранатный двор, памятник допетровской архитектуры XVI века, где производились артиллерийские снаряды. Так вот почему Гранатный переулок! Рядом Бронные улицы, Большая и Малая, Палашевский переулок, и весь

район — это мастерские по изготовлению оружия и брони. Подходим к нашему любимому домику — особняку Рябушинского архитектора Ф. Шехтеля, постройки начала XX века в стиле раннего модерна. В те времена на территорию и внутрь можно было зайти без предварительной записи и бесплатно, что мы и делаем — разбредаемся по саду, располагаемся таким табором на траве, и вскоре появляются наброски окон, дверей и балконов этого чудесного особняка. А потом заходим в дом и наслаждаемся его таинственными, сказочными интерьерами. И вот последний объект нашего внимания — храм Вознесения Господня, построенный в стиле ампира, чудом уцелевший в 30-е годы. И снова рассаживаемся на траве и делаем наброски.

В студии, несмотря на массу впечатлений, задание формулировалось просто и доходчиво, это чаще всего короткие упражнения на одно-два занятия, хотя бывали исключения, особенно для старших. Когда ребенку понятно, что от него требуется, и когда он чувствует, что справится с работой, то и работает с интересом, а в конце занятия можно устроить мини-выставку и обсудить результаты.

Стартовые условия (люблю игру слов) для всех равны: одна тема, одно задание, один материал и инструмент, одна технология, а на выходе — широкий спектр художественных интерпретаций!

Слово «музей» наводит тоску. На детей — особенно. Поэтому я всегда выбирала такой, где они бы не заскучали.

Мы в центре Москвы, и нам все доступно — Зоологический музей, Тимирязевский, Политехнический. Часто бывали в Третьяковке в Лаврушинском, в Новой Третьяковке на Крымском Валу, в Музее Москвы, в Пушкинском на Волхонке, в Музее Маяковского, Центре современного искусства. Нас привлекали не только шумевшие выставки, но и постоянная экспозиция. В Египетском зале детей особенно впечатляли мумии, в Греческом — масштабные скульптуры. Любили бывать в Музее Маяковского на Лубянке, посвященном памяти поэта и русскому авангарду. Этот удивительный музей кардинально отличался от музеев в привычном понимании этого слова. Детское воображение поражало там все — уже на подходе к нему голова шла кругом. На покосившихся красных структурах фасада крепилась надпись «Музей Маяковского», с выделенной огромной буквой Я. Дальше нас тоже ждали открытия: в вестибюле склоненные будто порывом ветра стулья. Их нельзя было подвинуть — они будто вырастали из пола! Четырехсветное пространство, напоминающее башню Татлина, пронизывало все здание снизу доверху. Вся экспозиция его как будто двигалась, падала, разлеталась в разные стороны и в конце пути подводила к единственному «музейному», историческому месту — маленькой комнатке, где поэт покончил жизнь самоубийством. Она, кстати, особого

впечатления на детей не произвела. Потом, в студии, они признавались, что было немножко страшно, и даже голова кружилась от этого космического пространства. К огромному сожалению, вскоре музей был закрыт, якобы на капитальный ремонт, но и теперь он стоит закрытым и никакой ремонт там не планируется. Скорее всего, тех, кто сидит в знаменитом доме на Лубянке, не устраивает такое соседство.

А еще любили вместе бывать в кино, на концерте или в театре. Родители, уже зная наши предпочтения, устраивали нам такие просмотры по знакомству! Как-то всей группой, единственные в зале Дома кино, посмотрели фильм «Артист», и вместе потом восхищались его стильностью и динамизмом, несмотря на то что он немой по жанру. Несколько раз были на спектаклях Дмитрия Крымова, и нам всем очень понравился такой театр, скорее визуальный, чем литературный — много буфонадности и красочности, немножко черного юмора и абсурдности — все, как мы любим. В конце учебного года всегда организовывали автобусные экскурсии с нашим любимым архитектором, эрудитом и энциклопедистом Никитой Шангиным, это вошло в традицию на многие годы. Два автобуса с детьми, преподавателями и родителями. Потом стали заказывать один автобус с детьми, а уже через год путешествовали вовсе без детей — только преподаватели и администрация. Далее и вовсе все отменилось из-за бюрократических препонов — какое-то письменное согласие надо было

с каждого родителя предъявить в департамент. И постепенно все сошло на нет.

В 1990 году Союз архитекторов России поощрил нас, представителей студии, и практикующих архитекторов, работающих с детьми, поездкой в США. Собрали прекрасную компанию во главе с Еленой Подольской. Из москвичей были Александр Ермолаев, Михаил Хазанов, Татьяна Базилевич, Людмила Барщ. Были архитекторы из Екатеринбурга, Тюмени, Тбилиси, Еревана, Киева, Минска, Ташкента, Таллина, Риги. Некоторое эмоциональное потрясение случилось со всеми, тем более что большинство из нас впервые были за границей. Город показался нам каким-то фантастическим макетом, как будто на другую планету попали — аккуратные белые дома, небоскребы вдали и всё! Ни людей, ни автомобилей, вообще никакого транспорта.

Принимали нас коллеги из Ассоциации американских архитекторов. В первые же дни нашего пребывания мы посетили несколько архитектурных бюро в Лос-Анджелесе, и даже Диснейлендом нас угостили, а под конец устроили настоящий сюрприз, о котором и мечтать не приходилось — встречу с прославленным архитектором Фрэнком Гери. Приезжаем в мастерскую, он сам открывает двери и начинает что-то доброжелательно говорить, а за спиной у него высится его знаменитое на весь мир кресло из рубленого гофрокартона! У Саши Ермолаева случился культурный шок, Гери давно уже был его кумиром номер один.

В полусознательном состоянии он начал изо всех сил давить мне на ногу и шипеть: «Переводи, перевод, я ничего не понимаю!» А я и сама понимала только каждое третье слово. Артикулируют американцы своеобразно... своеобразным нам показался и прощальный вечер. Перед входом в потрясающе красивый парк с причудливыми растениями, ручейками и горками каждому выдали большой бумажный пакет с полным набором для пикника — там были напитки на любой вкус, еда, одноразовая посуда и салфетки.

Все разбрелись по трое-четверо, и никакого общего стола и тостов не было. Тогда мы решили, что это проявление демократизма по-американски — никого не вынуждать сидеть за общим столом и выслушивать официальные тосты.

В архитектурных бюро мы отметили, что наша система архитектурного образования, пожалуй, шире, чем у них, она более универсальна. Там каждый архитектор отвечает за узкую, конкретную сторону проектирования, не говоря уже о том, что сделать что-то своими руками, впрямую не относящееся к архитектуре, не только не умеют, но и не понимают, зачем это надо, это ведь не входит в рамки основной профессии. А у нас и сегодня в Союз архитекторов принимают, просматривая не только архитектурные

проекты — должны быть представлены работы, связанные либо с дизайном городской среды, либо с дизайном интерьеров, могут быть представлены проекты, связанные со сценографией, любые графические или живописные работы.

Многие из нашей группы везли тогда в Америку сувениры, сделанные своими руками.

Напротив фасада Дома архитектора.
Зарисовки

Пленэр в Царицыно. О. Бармаш со своей группой

Экскурсия с Н. Шангиным, И. Абаева, Л. Улинич,
Д. Шаблей, А. Бочкарева, К. Дворец, О. Бармаш
Суханово. Маша Романова с работами

Миша Хазанов — великолепные рисунки лошадей, я — браслеты и серьги для дам-архитекторш из цветной кожи а-ля Малевич, но по-настоящему «кузькину мать», как говорил наш незабвенный Никита Сергеевич Хрущёв, мы показали американцам благодаря необыкновенным способностям Миши Хазанова. Мы завязали ему глаза, и он на длинной полосе бумаги, сантиметров 70, изобразил табун лошадей. Планами — ближе — дальше!

По пути в Углич.
Преподаватели со своими
учениками и их родителями

По пути в Углич. На палубе

На экскурсии с Н. Шангиным
В Угличе

В Старице с Н. Шангиным

На экскурсии с Н. Шангиным
На экскурсии. Скатерть-самобранка

В те тощие годы, когда не было денег, да и купить было нечего — магазины звенели пустотой, у нас было принято дарить друг другу что-то творческое, сделанное своими руками. Когда-то своим еще маленьким детям я подарила лоскутную таксу. Дети, а потом и внуки, катали друг друга на ней, волоча ее за хвост. Сейчас она лежит на диване на даче в роли валика. Истерзанная, но пока живая. Дождется, когда дорастет правнук. Из старых галстуков, которые чуть не выбросила, получился нарядный фартук.

Из одного из них мы потом с Андреем вместе соорудили подарок Олегу Третьякову, который был известен среди друзей своими ядовитыми афоризмами. Удалось даже передать портретное сходство — очки, характерная прядь волос, бабочка. Он пел в хоре архитектурно-сатирического ансамбля «Кохинор и рейсшинка».

Дарья Шаблий, у которой занималась внучка Георгия Данелии Саша, подарила ему чудную птичку-невеличку-чито-грито-чито-марголитю. Он был счастлив получить такой подарок, оценив его как архитектора. Об архитектурских подарках вообще отдельную книгу можно написать. Помню потрясающий подарок архитектора Ю. Гайгарова на 40-летие Юры Яковлева. Это был деревянный самолет с надписью «ЯК-40» на фюзеляже.

Портрет Андрея Таранова кисти архитектора и художника Н.И. Шумакова был представлен на юбилейной выставке автора в Московском музее современного искусства. Николай Иванович вообще-то не планировал дарить его нам, но, после того как в его мастерской случился потоп и благодаря натиску всей нашей семьи,

все-таки сдался. Теперь это чудное полотно висит у нашей дочери в гостиной.

Идея создания жития клана Тарановых возникла у Саши после нашего возвращения из Мексики. Это импровизация в стиле календарей ацтеков на тему борьбы женской половины семьи с «зеленым змием». Женщины — кто со сковородкой, кто с топором, мужчины — с бутылками «огненной воды».

Профессор Андрей Борисович Некрасов изобразил себя и Андрея Таранова летящими на коне над ночным городом ко мне на день рождения.

Примерно в это же время мы с друзьями тоже блеснули — на свадьбу нашей подруги, архитектора Лиды Кожаевой, я сшила ночную рубашку, одну на двоих, с двумя отверстиями для голов. Женская левая сторона вся была в оборочках и бантиках, а правая, мужская — строгая, с планкой и воротником-стойкой. Надели мы на них эту вещь, благо, что они почти одного роста, и тогда вышел Слава Егоров, тоже архитектор, и зачитал совершенно уморительную

Год Собаки. Саша и Ксюша Тарановы
Н.И. Шумаков. Портрет А.И. Таранова.
Фото А. Ягубского

А. Б. Некрасов. Полет над городом.
Фото А. Ягубского

Фартук из галстуков. Фото А. Ягубского

В. Юдинцев. Таранов и Скокан

Саша Таранова. Борьба с огненной водой.
Фото А. Ягубского

О. Бармаш. Лоскутная такса

инструкцию к пользованию. Хохот стоял оглушительный, и физики, со стороны жениха-физика, признали потом, что архитекторы, конечно, круче в плане творческих идей.

Это шедевр, на мой взгляд, и потому привожу его полностью:

НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДЕЛИЯ: рубашка парадно-ночная женская мужского покроя для новобрачных, имеющих на плечах голову.

Артикул: «сиамские близнецы»

СОРТ: брак

ИЗГОТОВИТЕЛЬ: артель «Архитектурный инвалид»

ЦЕНА: божеская

АДРЕС ПРОИЗВОДИТЕЛЯ: Кожаевский р-н, дер. Крутые бёдра

СОСТАВ ИЗДЕЛИЯ:

1. Грудно-брюшное полотно с кружевной отделкой — 1 шт.
2. Спинное полотно с рюшами — 1 шт.
3. Левая полость для правой руки супруги — 1 шт.
4. Правая полость для левой руки супруга — 1 шт.
5. Отверстия головопросовывательные — 2 шт.

ИЗГОТОВИТЕЛЬ: коллектив мотально-крутильно-вертельно-трепально-сучильно-мочальной артели им. А. Таранова.

Контролер О. Бармаш.

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ИЗДЕЛИЕМ

Ночная рубашка представляет собой носильный предмет для прикрытия различных частей тела супругов. Оригинальность данной модели состоит в том, что она обеспечивает одновременно как мужской, так и женский объект необходимой защитой от атмосферных воздействий и нежелательных визуальных наблюдений. Надевать изделие лучше всего на ночь, но можно и к обеду. В этом варианте супруги должны сидеть по одну сторону стола и кормить друг друга. При этом один из супругов держит свободной конечностью ложку, а другой своей свободной конечностью держит хлеб.

СПОСОБЫ НАДЕВАНИЯ ИЗДЕЛИЯ

Могут быть разными. Укажем один из наиболее распространенных и удобных: супруг берется левой свободной конечностью за низ грудно-спинного полотна, отводя назад левую полость. В это время супруга с другой стороны правой конечностью берется за верх спинного полотна, подавая правую полость несколько вперед. При этом головопросовывательные отверстия оказываются на уровне 8-го ребра грудной клетки при отсчете снизу. После этого супруг уже правой конечностью поднимает грудно-брюшное полотно, стараясь совместить его с верхом спинного полотна. Супруга же в это время резко наклоняется вперед, заводя спинное полотно выше головопросовывательных отверстий. Супруг вставляет левую конечность в правую полость и совершает поворот на 180° с одновременным приседанием. После продланной операции супруги резко поднимаются вверх, взмахивая верхними конечностями и стараясь попасть головами в головопросовывательные отверстия. Остается еще раз повернуться на 90°, и изделие надето.

ПРИМЕЧАНИЕ: не рекомендуется надевать данную модель на службу, если супруги работают в разных местах.

Идея оказалась настолько удачной, что я решила повторить ее, в несколько другом варианте. Были у меня ученики братья-близнецы Юра и Боря Гнатовские. Когда я обращалась к одному из них: «Юра!» — он всегда отвечал: «Я не Юра!», а когда к Боре, тот тоже всегда хмуро ворчал: «Я не Боря!» Вот я и предложила им один на двоих рабочий фартук с надписями в виде их ответов.

Студии — это всегда особая общность людей, одержимых общей идеей, энтузиастов и, конечно, бесребреников. Никто из вновь прибывших ни разу не спросил, сколько ему будут платить. Все понимали, что здесь у нас не про деньги. В начале нашей деятельности мы числились при Союзе архитекторов СССР. Потом выяснилось, что Союз как общественная организация не вправе держать при себе такую студию. Тогда нас прикрепили к Архпроекту — была такая организация в те времена, но и там что-то не сложилось, и в итоге мы оказались «пристегнутыми» к детскому Дому культуры имени Павлика Морозова! Получилось сочетание несочетаемого — авангардно-хулиганский «СтАрт» и мерзко-пионерский клуб Павлика Морозова! Однажды целый год мы не получали зарплаты, какие-то долги нам насчитали, но мы старались с юмором к таким неприятностям относиться. Главное, чтобы не мешали работать.

Несмотря на все невзгоды, свободный дух был все еще с нами. Тогда у нас было ощущение некоей обособленности от властей предержащих — мы были абсолютно независимы: они сами по себе, мы сами по себе. Мы не зависели ни от мнения чиновников, ни от мнения родителей, ни от мнения вообще посторонних, даже если это были архитекторы, работающие с детьми. Мы ориентировались только на мнение друг друга, о чем у нас и была договоренность с самого начала. Заявления типа «а родителям нравится» пресекались на корню, у нас был один авторитетный судья в нашей команде — педсовет.

Уже в 1995 году, через год после получения статуса школы Инге спустили из Управления культуры «замшу» — Раису... отчества не помню. Наверное, Захаровна. Очень уж образ ее напоминал героиню из народного, всеми любимого фильма «Любовь и голуби». Абсолютно «инородное тело» на нашей территории. Она говорила нам: «Я понимаю, что вы творческие люди, но нельзя же до такой степени!» Или такое: «Вы нарушаете учебный процесс своими праздниками!» Ей как чиновнице не дано было понять нашу специфику как студии, формирующей проектное мышление в первую очередь.

Дух студийности еще долго витал в нашем особнячке после получения статуса школы, медленно испаряясь. Медленно, но неумолимо уходило все самое интересное и живое — «территория свободы» сужалась, все как-то расчеловечивалось. Особенно заметно это стало,

по крайней мере для меня, с переездом на Зоологическую. Теперь вместо аристократического, интеллигентного особняка мы приходили в помещения в новом жилом доме с тремя не соединенными между собой подъездами.

Связь человека с тем местом, которому он отдает большую часть своей жизни каждый день, может, и не очень осознанна, но очевидна. Для меня, во всяком случае. Наш любимый особнячок был наполнен не только своей историей как редкого примера городской усадьбы, но и нашей собственной — студийной. Все важное происходило там: первые успехи и награды, наши неприятности, крупные и мелкие проблемы, которые решались вместе. И самое главное — именно в особнячке собралась команда людей, готовых участвовать в становлении студии.

В середине 90-х нам с Ингой предложили защитить диссертацию в МАРХИ. Поначалу мы с радостью занялись этим, но потом поняли, что это очень отвлекает от нашего дела. В итоге пришлось отказаться от этой идеи и научного звания.

Постепенно вышестоящие органы стали перекраивать расписание, влезать в методику. Ввели дополнительные предметы — макетирование, черчение, основы натурного рисунка. Против макетирования ни у кого возражений не было — не хватало времени серьезно этим заняться, а вот «Основы натурного рисунка» я считала лишним в нашем методе предметом. Редко, но бывало — родители задавали такой вопрос: «А когда вы уже начнете учить

Группа О. Бармаш. Фото А. Мановцевой

детей рисовать?» — на что мы всегда отвечали: «С этим вам в художественную школу! Мы учим созидать, рисовать они попутно учатся». К тому же этот предмет, «Основы натурного рисунка», предлагалось ввести в четвертом классе, для десятилетних детей. На мой взгляд, таким детям еще рановато заниматься рисунком с натуры. Это противоречит нашим изначальным принципам. Мы объект внимания не отображаем, а преобразуем, в конце занятий получая целый спектр художественных интерпретаций, а основы натурного рисунка — это что-то из художественной школы, где объект внимания должен быть всего-навсего правильно отображен. Я пыталась говорить Инге, что нельзя допускать такое беспардонное вмешательство в наш, авторский вообще-то, метод, надо хоть как-то противостоять этому, отстаивать свою позицию. К сожалению, всегда получала примерно такой ответ: «А что я могу сделать? Они так хотят!» Винить ее в этом нельзя, конечно, противостоять этому чудовищному катку невозможно — ни в одиночку, ни всем вместе. Но она и не пыталась, всячески демонстрируя свою лояльность руководству.

Начальником Управления культуры Центрального административного округа был тогда Крылов-Йодко Ромуальд Ромуальдович, с которым у Инги сразу сложились теплые человеческие отношения. Он в свое время поверил в перспективность нашего направления и поддержал новый статус студии. И она была ему благодарна за это безмерно. И, естественно, гордилась тем, что пробила статус школы в одиночку.

Неестественным мне казалось, что Инга гордилась даже школьной печатью. Захожу к ней однажды в кабинет, а она держит в руках печать, смотрит на нее, как на волшебный цветок, и говорит: «Смотри, какая она у нас красивая...» К слову, печать была самой обычной, как у всех — круглой и ничем не примечательной. Школа была «под крылом» Крылова! Ромуальд Ромуальдович умел уважать профессионализм других, и благодаря этому студия получила статус школы. Как только школа стала бюджетным госучреждением культуры, она превратилась в обслуживающий станок по выдаче бесконечных отчетов и планов. Начались проверки, наша востребованная годами программа перекраивалась до неузнаваемости. Раньше директор был полноправным хозяином школы, теперь это подотчетный чиновник. Не все смогли быстро перестроиться...

К концу 90-х у нас с Ингой начался разлад в отношениях, а с переездом на Зоологическую он только усилился. Эта «офонарелая», пафосная улица совсем не напоминала наш тихий переулок. На Зоологическую, не знаю, как для других, для меня заметно проникал душок какой-то школьной казенщины, протокольности — дисциплина, смена, оценки, охрана. Охрана нужна, конечно, в такой крупной школе, но почему надо со своими, родителями так себя вести? Звонит обескураженный и расстроенный папа моей ученицы Нины Мессерер и рассказывает, что утром заехал в школу с целью оставить на охране тоненькую, размером А3 папку с работами дочери — они живут в Переделкине, а работают

и учатся в Москве. Ему было строго отказано. Видимо, охранники решили, что в папку заложена бомба. Изменился состав посещающих школу — родителей и детей соответственно. Все чаще стали приводить детей водители вместо родителей. Контакт «мы — дети — родители», который так радовал нас всегда, утратился совсем. Как-то застала такую картину: Инга отчитывала детей в коридоре за беготню: «Запомните! Вы учитесь в бюджетном классе и должны это ценить!» Дети таращили глаза, не понимая, что именно они должны ценить, слово «бюджет» как-то не проникало в их головы.

Когда мы были еще студией, я и не подозревала, что нас ждет. Работали на голом энтузиазме и всегда добросовестно, предъявляя к себе, как к преподавателю, самые высокие требования. С приобретением статуса школы как снежный ком начала наваливаться работа с вечными планами и отчетами, какими-то личными индивидуальными планами. В школу стали приходиться представители вышестоящих органов с постоянными проверками, которые не только отнимали время у нас и наших учеников, но и по-человечески бесили. Особенно доставалось администрации школы. Они ставили под сомнение наш профессионализм, хотя сами были абсолютно далеки от искусства вообще и от нашего дела в частности. Паразиты! И это не ругательство, выскочившее по горячности, а характеристика. Кровососущие паразиты на теле преподавателей-профессионалов, всецело отдающих себя процессу воспитания детей.

Захожу недавно на один из сайтов школы и вижу — 16 ноября прошла научно-практическая конференция, организованная Департаментом культуры г. Москвы, посвященная детскому архитектурному образованию. На этом мероприятии представители школ искусств, вузов и ссузов (!) обсуждали вектор развития предпрофессиональных и общеразвивающих программ. К аббревиатуре вузы привыкли уже, но что такое ссузы? Как-то совсем все «ссузилось»... Или такое: «Самообследование на 2018/19 г.» Таблица по «самообследованию» на те же годы. Сводная таблица по «самообследованию» на эти же годы. Отчет о «самообследовании» на этот же период. Какими же людьми надо быть, чтобы придумать такое? Ассоциативное мышление начисто отсутствует, не говоря уж о чувстве юмора. «Самообследование» — это, оказывается, такие фронтальные самоотчеты по всей деятельности школы, которые непрерывным потоком сдаются в департамент.

А конкурсы, в которых школу обязывали участвовать вместе с другими школами искусств! Даже названия вызывали отторжение: «Хлеб — всему голова», «Зимушка-зима», «Рождественская звезда», «Моя семья», «Партизанский значок» и другие в таком же духе. Короче, «МИР, ТРУД, МАЙ!», клуб Павлика Морозова.

Наши педсоветы с жаркими битвами окончательно превратились в административно-тоскливые совещания.

Сколько людей, прекрасных специалистов, растерял «СтАрт». Со многими из них дружила раньше, со многими дружу и сейчас. Андрей Мунц — легенда школы, наш Ширвиндт. Удивительной харизмы человек, умеющий держать внимание подростков, острослов и балагур, он как-то поднимал настроение одним своим появлением. Аркадий Немов — наш художник-дизайнер, благодаря которому выставки «СтАрта» всегда были грамотно скомпонованы, своевременно смонтированы и достойно выглядели на любой площадке — в Доме архитектора, в Гостином Дворе, Третьяковской галерее на Крымском Валу, Манеже. Галина Равинская — художник, преподаватель основ натурного рисунка. Несмотря на то что поначалу мне этот предмет не нравился, познакомившись с ней поближе, я постепенно смирилась. Мы с ней дружили — бывали на летней практике-пленэре в Голландии и Бельгии, и там она была, конечно, незаменима. Потом прокатились по малым городам Италии. Екатерина Середнякова!

Далеко не каждая студия и даже школа могла похвастаться таким специалистом. У нас она вела предмет «Мировая художественная культура» как искусствовед Третьяковской галереи. Получается, Третьяковка сама приехала к нам! А все потому, что она — мама нашего ученика Олега Сороко-Цюпы. И так уж случилось, что после окончания школы Олег и моя выпускница Маша Романова поженились. Они вместе поступили и окончили МАрХИ, успешно работают в одном бюро, колесят по всему свету, а теперь еще и воспитывают очаровательного малыша. Браки не только на небесах совершаются! Преподаватель макетирования, практикующий архитектор Зоя Андреева. Профессионал, мастер своего дела, с большим стажем работы с детьми, автор курса «Объемно-пространственная композиция» и автор-разработчик программы по макетированию. Кира Дворец — человек-праздник! Она пишет здесь, что поначалу никто не замечал ее в «СтАрте». Чистое лукавство. Мимо нее нельзя было пройти — большая,

яркая и всегда веселая. В наш новый «СтАрт», кажется, были влюблены все: бухгалтер Анна Рафаиловна, завучи Елена Денисенко, Кира Дворец, Нана — они целиком отдавали себя работе в школе, не считаясь с личным временем.

К концу моего пребывания в школе на Зоологической наши отношения несколько смягчились, невозможно ведь легко расстаться после 40 лет тесной дружбы. Инга приходила в Дом кино на наши репетиции, мы вполне миролюбиво, как раньше, общались, советовались по поводу моего дипломного проекта.

Мы дружили домами, бывали на даче друг у друга. А сколько городов объездили, сколько страниц исписали! Наш стиль общения, как и принято у архитекторов, всегда был легким и ироничным — посмеивались друг над другом. Она над моей «женственностью» — так она обозначала мою неловкость: «Борман женственный у нас». Тогда было время, когда у меня в руках почему-то все разбивалось, рассыпалось и ломалось.

Сидим как-то летом у нее дома, пишем очередную главу методики. «Открой форточку, пожалуйста», — говорит она мне. Я встаю на стул, берусь за ручку, дергаю на себя, и форточка оказывается у меня в руках, а я вместе с ней на полу.

В другой раз привожу своих дочек, тогда еще маленьких, посмотреть на рыцаря в латах. Модель его в человеческий рост стояла

у Инги в прихожей. Что-то трогаю на плече, и рыцарь распадается на детали и падает грудой металла к моим ногам.

Бывало, что и посуду колотила. Мама Андрея, то есть свекровь, когда передавала нам семейное блюдо, положила на него изящную записочку: «Береги меха от моли, а посуду — от Оли». Но самый ужасный случай произошел в Ереване. Поездкой в Армению наградил нас, архитекторов, работающих с детьми, Союз архитекторов СССР. В последний день нашего пребывания в городе председатель Союза архитекторов Армении Арцвин Григорян пригласил нас к себе домой. Это был настоящий музей армянской живописи и графики. Даже входная дверь была похожа на произведение искусства — сверху до низу она была украшена разнообразной формы и размера замками, замочками и задвижками. Прощаемся, подходим к двери, Арцвин кричит: «Ничего не трогайте!» Но поздно. Я уже успела сдвинуть одну из задвижек и... дверь заклинивает намертво. Я чуть не плачу. Арцвин, человек добрейшей души и к тому же обладающий великолепным чувством юмора, хохочет и утешает. Однако охрану ему все же пришлось вызывать, и мы чуть не опоздали на самолет.

Постепенно мы с Ингой отдалялись друг от друга. Она становилась для меня как будто инопланетянкой — Ингопланетянкой, как я шутила. Как могло сочетаться в человеке такое несочетаемое? Личностью она была, безусловно, большого масштаба — огромной творческой силой. И при этом с годами стало нарастать в ней «идолопоклонническое чинов почтение».

А ведь раньше она всегда была таким открытым человеком, ее дом в Брехове постоянно был наполнен учениками. А в день рождения 17 ноября все выпускники приезжали поздравить свою любимую Ингу Михайловну. Часто мы с ней принимали у себя дома коллег из регионов, если им по каким-то причинам не удавалось найти гостиницу в Москве или было слишком дорого. Они всегда буквально с вокзала с чемоданами, сумками и огромными папками с детскими работами приезжали сразу в студию, а потом и в школу. Мы накрывали для них столы, проводили семинары, все занятия в школе становились открытыми уроками с мастер-классами, и к тому же каждый мог получить индивидуальную консультацию по интересующему его разделу методики.

В 2013 году произошла какая-то странная передача власти — то ли «по возрасту», то ли «по завершении контракта». Ингу лишили ее жизненного пространства, в конечном итоге — здоровья. Другого пространства у нее не было.

Портрет О. Бармаш. Стиль кубизм.
Аня Ковалева, 13 лет

Каминная в «Суханово».
Настя Ульянова в процессе
работы над дипломом

В 2015 году Инги не стало. Ушла она, ушел Коля Волков, и ничего от них, кроме памяти учеников, не осталось. Пишу об этом, «чтобы помнили». Так великолепный актер и режиссер Леонид Филатов назвал свою авторскую программу о ярких личностях, которых стали забывать. В 2014 году, выпустив последний свой класс, я покинула это заведение. Стало совсем душно. Уговоры остаться, обещания от новой

администрации «положить хорошие деньги за колористику» не изменили моего решения уйти.

Как-то в конце своего пребывания там я в сердцах сказала: «Заберу я у вас свое название! Никакой это не “СтАрт” уже, скорей финиш». На что тут же получила ответ: «Ну и пожалуйста, не больно-то и хотелось». Конечно, ГБУДОД им милее, главное, госзадания выполнять.

За всю историю моей работы в студии и школе у меня было много выпускных классов. Помню все, но тут напишу про последние.

Диплом 2005 года мы защищали в Манеже, и это было нелегко. Гигантский зал его периодически оглашался объявлениями или громкой музыкой. Тему я дала этому классу, на первый взгляд, серьезную и даже, наверное, скучную — «Преобразование объектов городской среды». Однако сразу предупредила их, что стремиться делать такой проект, который можно реализовать, не обязательно. Накануне показывала им работы наших «бумажников», так их называли впоследствии, поскольку их проекты не предназначались для реализации — они оставались на бумаге. Выполняли свои проекты они только в ручной графике, хотя увлечение компьютерной графикой уже началось. Их творчество привнесло в нашу культуру безудержную фантазию, и даже долю некоторой игривости. Вот и мы решили так подойти к своей работе — легко акцентируя внимание на идее, образности проекта. В разные годы наши «бумажники» работали над такими темами, как «Хрустальный дворец», «Дом для куклы», «Стеклянная башня», «Дом сегодня», «Жилище для бездомных», «Мост будущего» и многие другие. И они были так близки стартовцам, звучали так привлекательно — ведь у нас часто в студии объявлялись подобные темы. У Наташи Ланской была идея освободить ценные в архитектурном отношении здания Москвы от рекламы, переместив ее на воздушные шары. Ее работа называлась «Улетай, реклама, улетай». Кирилл Илизаров выбрал конструктивистский дом-корабль на Новинском бульваре. Идея его состояла в том, чтобы реконструировать руинированное здание, открыть этот шедевр архитектуры, очистив довольно обширное пространство перед ним. В его центре он предлагал установить вертикальную композицию Александра Родченко, которая должна была просматриваться с Садового кольца и тем самым привлекать зрителей к этому месту. Проект оказался вполне осуществимым, хотя Кирилл такую задачу перед собой не ставил. Ярославна Позднякова свой проект назвала «...И чтоб никто не догадался». В отличие от предыдущего проекта, где автор открывал объект зрителю, здесь предполагалось обратное. Памятник Петру I на набережной уже давно раздражал своей архаичностью москвичей, и Славяна решила закрыть его с помощью легкой мобильной трансформирующейся конструкции. Получился эффектный памятник конструктивизму, привлекающий внимание к часто посещаемой Новой Третьяковке.

У Аси Ильиной был проект стадиона для собак на Речном вокзале. Кристина Левнева предложила деликатное архитектурное решение Патриарших прудов. Незадолго до этого известный скульптор А. Рукавишников предлагал соорудить там 12-метровый примус у воды, возвести скульптуру Христа в центре пруда и «посадить» на ту самую знаменитую скамейку Михаила Афанасьевича Булгакова в странной, можно сказать, неусидчивой позе. Может, на него так подействовали абрикосовая теплая и разлившийся в воздухе запах парикмахерской, но он буквально съезжал со скамейки. Общественность пришла в ужас, к счастью, реализация этого проекта не состоялась.

Мария Гирба предложила неожиданное решение для фабрики «Красный Октябрь»

Коллективная работа «Над небом голубым». Вана Потапенко, Алеша Сыромятников, Гамлет Вердьян, Полина Тер-Оганян, Оля Свищёва, 15 лет, руководитель О. Бармаш

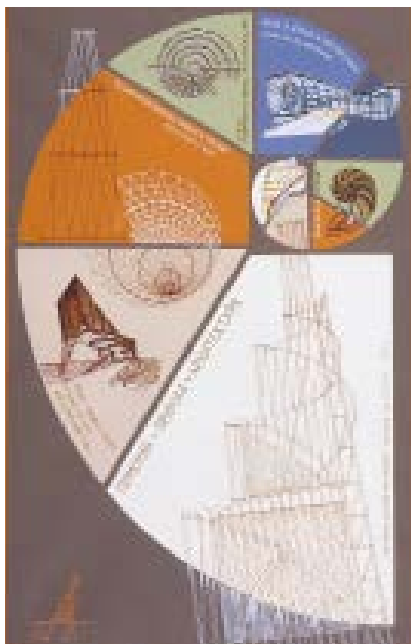
Реновация. Зброшеный железнодорожный мост — мастерские художников. Ксения Ашитко, 15 лет, руководитель О. Бармаш

Шрифтовые композиции к дипломным работам «Наводим мосты». Ваня Потапенко, Катя Кузнецова, Настя Осипова, руководитель О. Бармаш. Коллаж, цветные фломастеры

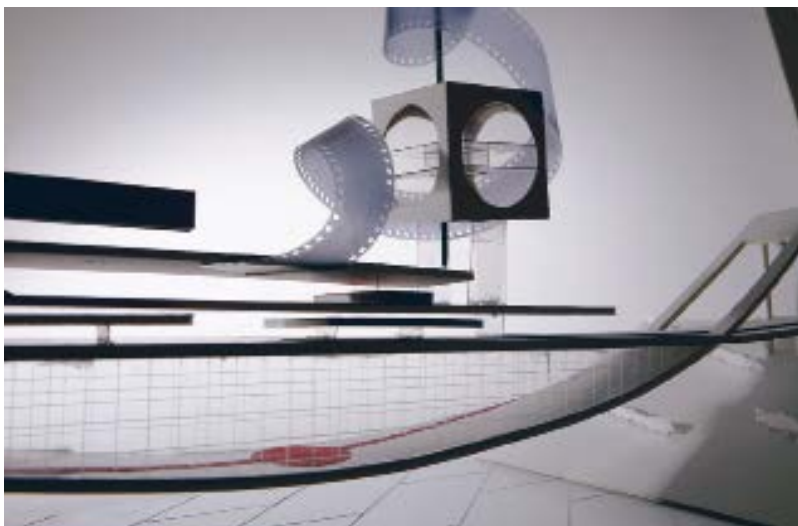
Графическая работа к дипломному проекту «Аквапарк» — золотое сечение. Оля Горайчук, 15 лет, руководитель О. Бармаш. Киномост. Вика Сочиво, 15 лет, руководитель О. Бармаш

на Стрелке. Тогда это место не было еще таким модным, как сейчас. Она решила в гаражах фабрики разместить мастерские художников, торговые и выставочные площадки, офисы. Но все это разместить под землей, а над этим «котлованом» установить огромное зеркало, которое отражало бы происходящее внизу и гладь воды. Вполне концептуальная идея. Было еще много интересных проектов. Иногда по-детски наивных, иногда трогательно-лирических, иногда шуточных, а иногда и серьезных по замыслу и проработке.

В этом же году класс Инги представил очень интересный проект на тему «Зодчество — корабль архитектуры». Их корабли крепились на круглые светильники из «Икеи». И как бы взлетали в воздух, как на воздушных шарах. Тончайшая филигранная работа привлекала, кажется, всех посетителей Манежа на фестивале «Зодчество». Дополнительным эффектом служила подсветка, вмонтированная в каждый корабль. Работы были настолько привлекательными, что Инга решила увековечить их. Она соединила в коллаже все корабли и вывела на стену своего кабинета. Младший класс тоже участвовал в проекте — дети придумали летающих над городом человечков-икаров в разных образах «Летатлина», и они тоже были включены в это панно. Оно и сейчас — через столько лет — главное украшение кабинета директора школы.

В другом моем классе выпуска 2009 года я дала тему «Наводим мосты» и тоже предупредила сразу, что оригинальную идею я оценю гораздо выше, чем серьезный подход и тщательную проработку. У Насти Бреславцевой был замечательный проект-макет «Затонувший Наутилус»,

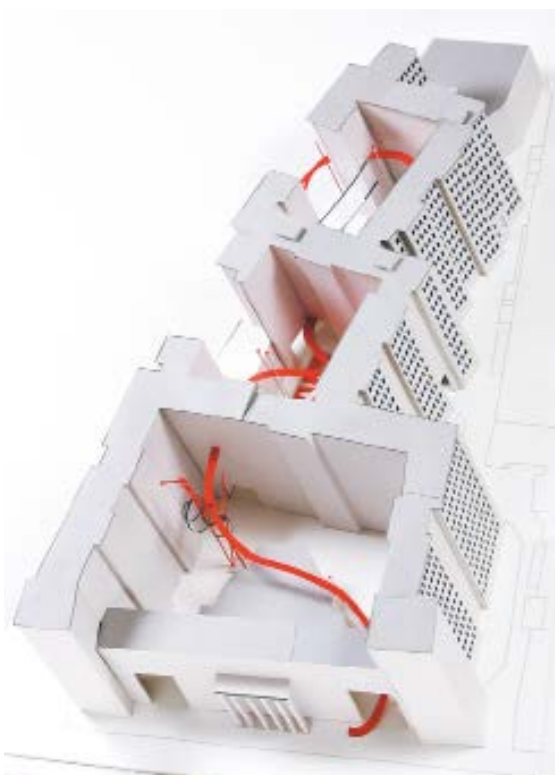
у Матвея Евсеенкова — «Мост-калейдоскоп», в котором с помощью самовыдвигающихся стеклянных кубов соединялись два берега реки. Мост представлял собой галерею произведений современных художников со сменными слайдами. Ксения Ашитко предложила превратить заброшенный мост в лофты-мастерские для художников и скульпторов. Предлагались такие проекты, как «Мост-каток», «Мост — молодежный клуб», «Мост-кино», «Мост — памятник Антонио Гауди», «Мост — горнолыжный курорт». Особенно эффектной получилась работа Даши Чопалавовой — «Мост-галстук», представляющий собой мост-подиум для показа модной одежды. Четверо моих учеников выполнили коллективную работу под названием «Над небом голубым есть город золотой». Масштабный проект состоял из четырех мостов, ведущих к заоблачному Золотому городу.

В 2010 году в галерее ВХУТЕМАС состоялась выставка четырех классов школы под общим названием «Наводим мосты». Были выставлены дипломные проекты моего класса: Елены Дурново на тему «Архитектурные трансформеры», Дарьи Шаблий «Игра в классики — классики авангарда» и Татьяны Ревес «Миражи мироздания». Работы были высоко оценены преподавателями и студентами МАРХИ. Запомнились сложные в исполнении и интересные дипломные работы Ирэны Фёдоровой Pop-Up — книжки по мотивам заданий «СтАрта». У каждого ученика была своя книжка со страницами одного из блоков методики школы. Эффект был потрясающим: книга раскрывалась и объемное изображение будто выпрыгивало из нее. Каждый раз это был сюрприз.

Мой выпуск 2013 года занимался библиотекой имени Сергея Эйзенштейна в Каретном Ряду. Трифон Миляев предложил оригинальную идею — решил поиграть пространством зала, который на тот момент никак не использовался. Он выполнил сложный макет из натурального дерева, конструкция которого напоминала амфитеатр.

«Лестница», ведущая зрителя по всему пространству зала, обладала изгибом, потоком, направляющим людей по кривой, создавая в любом ее месте разные ракурсы и обзорные точки.

Вера Золотарёва предложила превратить кинозал в трансформируемое пространство, поскольку планировалось использовать его и как выставочное помещение. Она решила сделать

Макет к дипломному проекту «Путь в никуда».
Маша Романова, 15 лет, руководитель О. Бармаш

Культурно-досуговый центр на Цветном бульваре.
Кира Александровна и О. Бармаш

Защита диплома «...И чтоб никто не догадался».
Ярославна Позднякова и О. Бармаш

«Игра в классики». Саша Бендерский, 15 лет, руководитель Д. Шаблий
Участники дипломного проекта «Игра в классики» на сцене.
Руководитель Д. Шаблий

скамейки на рельсах, а рельсы протянула через потолок. Таким образом, скамейки можно было легко убрать, а зал освободить для других мероприятий, например выставок. Идея чуть наивная, но при желании легко выполняемая.

Я всегда приветствовала и поддерживала детские, пусть и по-детски наивные, зато не замороженные, не замученные проекты. Смелая идея для меня важнее, чем «впечатления взрослой сложности», которые стали производить некоторые дипломные работы школы. Никогда не понимала, зачем давать такие серьезные темы, в которых дети обязаны были продемонстрировать глубокое знание основ проектирования.

Потуги показать свой «профессионализм» ни к чему хорошему, как правило, не приводили. На выходе получалась эдакая «детская водочка». Да и зачем опережать время и к тому же лишать их детства? Те ученики, которые решили поступать в МАрХИ, и так столкнутся с этим, а тем, кто не пойдет по нашей стезе, такое

серьезное углубление в проблемы архитектурного проектирования не обязательно.

Почти всегда, за редким исключением, каждый выпускник устраивал презентацию своего проекта с обязательным докладом, часто, к сожалению, «по бумажке». Помню, только класс Дарьи Шаблий устроил защиту дипломных проектов «Игра в классики — классики авангарда» по оригинальному театрализованному сценарию, в котором дети выступали в роли актеров.

Все дети моего последнего выпуска прошли серьезную подготовку, несколько человек пришли из художественной школы, тоже с руками, а мозги уж я им раскачивала. «Опять взрыв мозга, а не задание!» — ворчали они, корпя над невозможными фигурами в Суханове.

Однажды поднявшись в каминную после завтрака, не обнаружили работы Маши Калининой. Это была тонко проработанная и уже почти законченная башня из невозможных фигур.

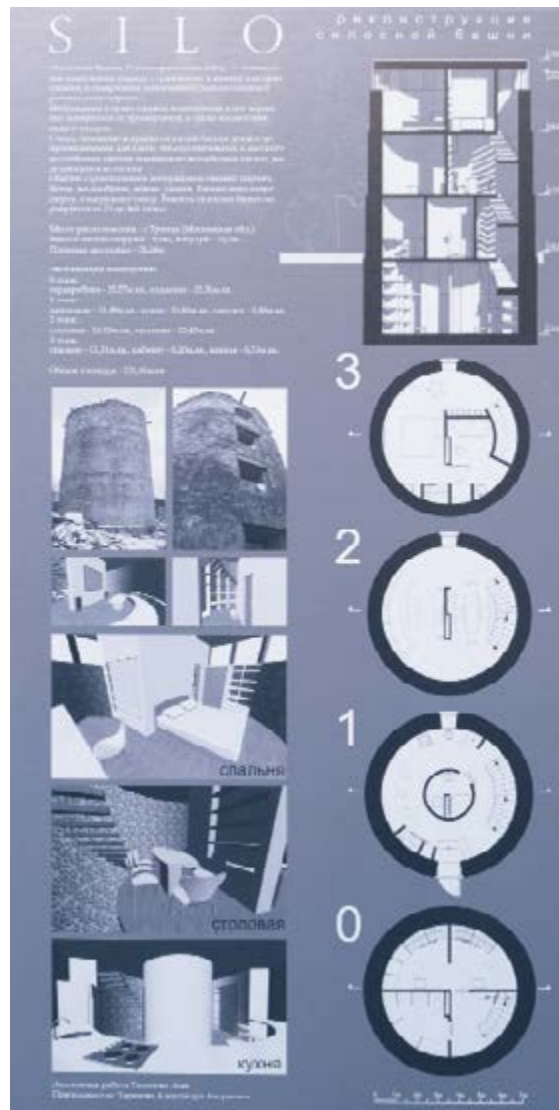
Кто-то из отдыхающих, видимо, восхитился и не удержался...

Я очень расстроилась, а Маша, не моргнув глазом, тут же начала делать задание заново и закончила свою башню вместе со всеми.

Обдумывая тему дипломной работы моего последнего выпуска, я намеренно нарушила стартовую традицию защиты, когда каждый ученик выполняет свой проект индивидуально. В моем классе мы с самых первых дней работы над нашим общим проектом обсуждали вместе каждый свой шаг — продумывали, как подать ту или иную эпоху, какие материалы лучше подойдут для того или иного раздела выступления. Работали над сценарием. Последнее, правда, никак не шло, и в итоге нам его написала замечательная Даша Кончаловская. Везло мне не только с детьми, с родителями не меньше. Папа Маши Калининой Михаил Германович предоставил нам Белый зал Дома кино, да еще с возможностью репетировать сколько понадобится, что мы и делали, с упоеанием, как обычно, — вместе обсуждали каждый выход на сцену, освещение, вместе подбирали музыку. Родители приходили вечером за детьми и оставались с нами допоздна, настолько увлекательным был этот процесс подготовки.

В этой книге я собрала множество отзывов своих давних и недавних выпускников,

их родителей и архитекторов. Из всего мною здесь изложенного ясно, наверное, что я больше всего ценю в творчестве. Это свобода! И по всем этим отзывам видно, что они также ценили именно это в первую очередь. Кира Шаева, моя выпускница и успешный архитектор сегодня, пишет, что у «СтАрта» нет финиша, и это означает, что она навсегда связана с архитектурой благодаря тому творческому старту, который был дан ей в «СтАрте». Саша Мановцева — о том, как легко дышалось в «СтАрте» ее сыну, Вера Золотарёва — о «СтАрте» как о территории свободы! Архитектор Фёдор Ращевский — о том, что самое главное, что он увидел в моих учениках, — это их свободомыслие. Трифон Миляев оценил в первую очередь свободу творческой мысли, атмосферу взаимного уважения и диалог учителя и ученика.

Дипломный проект «ArchHouse». Кузьяков Данила, 15 лет, руководитель А. Таранова. Макет и компьютерная графика. Фото А. Народицкого

Дипломный проект «SILO». Лёва Тихонов, 15 лет, руководитель А. Таранова. Компьютерная графика. Фото А. Народицкого

Михаил Бейлин: «Свобода, как форма, вообще лучше всего описывает студию (не школу, школой она стала позже, а студию) “СтАрт”. Думаю, студия формировала в первую очередь личность свободного человека, нонконформиста. Человека, получающего жизненные силы и удовольствие из творчества».

Маша Гирба: «“СтАрт” — дом-шкатулка с фонтаном детских фантазий! Поиски своего личного пути, независимость индивидуальной творческой задачи стали для меня важным уроком».

Все авторы статей высоко оценивают именно атмосферу студийности, которую я сохраняла в студии, а главное, в школе, где это было сделать гораздо труднее. И особенно внятно выразить свое отношение к понятию «студийность» мне удалось, как мне кажется, на последнем моем дипломном проекте в Доме кино.

Что касается метода, то и здесь я старалась сохранять основные его принципы — обеспечивала интерес к занятиям, постоянно меняя характер заданий, направление мыслей и, конечно, художественные материалы, инструменты и технологии. Никогда не понимала, как можно нагружать детей такой многодельной работой, как, например, портрет на А2 чуть ли не на полгода, да еще вдохновлять их таким сомнительным, на мой взгляд, художником, как Альфред Муха. Со стилем модерн и его избыточной декоративностью вообще надо быть крайне осторожными — шаг в сторону, и готова слащавая пошлость. Или изучение аксонометрии на примерах искусства оп-арта. Источник вдохновения замечательный, но время, потраченное только на эту работу, — тоже полгода... многовато. Зато при таком подходе сразу три зайца «убивались»:

1. Не надо лишний раз напрягаться, придумывая новое задание.
2. Лишний раз ручки пачкать, используя разные материалы для работы.
3. «Красивенькое» наверняка понравится чиновникам.

«Территория свободы», как коротко и выразительно обозначила «СтАрт» моя ученица и ассистент Вера Золотарёва, к моему большому сожалению, все сужалась и сужалась. Своих бывших коллег-преподавателей я ни в коем случае не осуждаю — они талантливые люди, влюбленные в свою профессию, да и разве можно противостоят этому мощному чиновничьему катку,

Костюмы к диплому 2014 г. Катя Лунякова, Маша Левченко, Маша Калинина, Соня Старостенко, руководитель О. Бармаш. Папье-маше, крафт, калька

даже всем вместе? Они и сейчас работают в полную силу. И сейчас они держат нашу стартовую марку, постоянно обогащают наш метод, разрабатывая все новые и новые интересные задания. Слава богу, чиновники от департамента и администрация школы не влезают в работу преподавателей. Это и удерживает их в школе. Удерживает, как ни странно, и разобщенность. Каждый работает в своем блоке (подъезде) в свой день, друг с другом видятся редко. Иногда бывает так, что не встречаются и по полгода.

Искусство модерна. Айседора в автомобиле. Саша Боева, диплом 2014 г., автор модели Трифон Миляев

Костюм «Пышное барокко» к диплому 2014 г. Маша Левченко, руководитель О. Бармаш. Папье-маше, крафт, калька

Я честно старалась сохранять дух студийности, такой дорогой для меня, до последних дней в школе. И у меня это, судя по всему, получилось, по крайней мере внутри моих классов. Поскольку творческие педсоветы давно канули в Лету, никто не знал в течение учебного года, что происходит в соседних классах, и только на итоговой выставке можно было увидеть работы учеников всей школы. Потом и выставки как-то постепенно стали отменять, ссылаясь на усталость.

Фото Н. Пушкарёвой

В течение учебного года я тоже старалась не перегружать своих учеников многодельными работами. Это отличительная черта нашей методики. Главное ведь удерживать их интерес к занятиям. Особенно это касается подростков, которым всегда есть что задумать и что совершить помимо занятий архитектурой. А чтобы удерживать их ускользающее внимание, надо постоянно менять — менять темы, объекты внимания, инструменты, технологии и, принимая во внимание то, что интересно подростку, акцентировать их интерес. Однажды ради эксперимента дала им свободную тему, и — о ужас! — такого не ожидала. Как будто мы и знакомы не были — неинтересные, беспомощные, антикомпозиционные работы. Больше я таких экспериментов не повторяла. Мое случайно родившееся задание «Форма — контрформа» оказалось разнообразным. Оно развивалось, усложнялось и всегда выглядело привлекательным для детей. Сначала это были врезки абстрактных форм снаружи в квадрат. Потом, на втором занятии, стали появляться образы животных, людей, птиц, растений. Третье задание — врезать в квадрат произвольные формы, перенести их на правую сторону листа и попытаться собрать из них в зависимости от ассоциаций, которые они вызывают, образ. Дальше последовало задание «Отражение», в котором надо было изобразить силуэт города, вырезать его и опрокинуть вниз на бумагу контрастного цвета. Потом родилось задание «Натюрморт», где стол с помощью врезок обрастал предметами — чашками, вилками, тарелками и прочим. Позже стали использовать эти упражнения на вступительных экзаменах, чиновники, правда, запретили использовать это слово. Статус школы дали, а слово «экзамен» — нельзя. Стали называть такие проверочные задания тестами, но вскоре отказались от этого, поняв, что это не наше. Там предлагается несколько вариантов ответов, а у нас ребенок должен найти свое решение задачи.

Серьезными заданиями на больших форматах я позволяла себе нагружать детей только в Суханове, где в нашем распоряжении в течение нескольких дней был каминный зал с утра до вечера.

Давно заметила, что многим детям, особенно девочкам, нравится длительная медитативная работа. Сидят себе, корпят, наворачивая один орнамент на другой. Однако опыт творческой свободы набирается, я считаю, только на коротких заданиях с четко поставленной задачей. Пространственное, образное, конструктивное

и особенно композиционное мышление на длительных декоративных заданиях не разовьешь. Всегда любила короткие задания-упражнения. Часто с непредсказуемым результатом, это всегда производило на детей неизгладимое впечатление. Об одном таком примере дальше пишет моя дочь Саша. К тому же на опыте проверено, и не раз, — чем уже задание, чем больше ограничений, тем оригинальнее ответы и шире спектр творческих интерпретаций. Такие задания часто носят импровизационный эмоционально окрашенный характер с игровой интригой. И несмотря на то что они не повторяются, обязательно фиксируются в детской памяти.

В процессе такой работы осваиваются множественные понятия — ритм, фактура, масштаб, форма, контрформа, плоскость, пространство

Транспортные средства. Алёша Тарасов, 11 лет.
Коллаж, гелевая ручка

Первый набор «СтАрта». 1987 г.

и многие другие. Любила такие, на первый взгляд простые задания — театральные афиши, плакаты, визуальные указатели. Однако проходило мучительно тяжело — у детей плакатное мышление, как правило, отсутствует, и часто им приходилось «ломать» себя. Объясняю: «Плакат должен быть лаконичным, простым и запоминающимся человеку, идущему мимо». Особенно трудно было с одаренными детьми. Вмешательство вызывало бурное негодование: «Я сам! Я сама!» Но делаем эскиз за эскизом, убираем лишнее, мелкие и нечитаемые детали, осваиваем понятие «фрагмент». Показываю, рисую на доске, не обязательно изображать предмет целиком, иногда достаточно намекать, чтобы понять, что это за предмет. Рисую фрагмент гитары — гриф и характерный изгиб. Спрашиваю: «Что это?» Конечно, узнают сразу. В общем, процесс шел тяжело, но зато какой результат был на выходе и сколько полезных знаний!

Бывали задания, заранее «обреченные на успех», на эффектный результат, особенно в младших группах. Но в этом я тоже видела положительное — такие задания поддерживают высокую самооценку, с которой ребенок, как правило, приходит в студию. Часто обращались к произведениям известных мастеров — архитектуры, живописи, графики. Называли такие задания «В маске мастера». Но никогда не заимствовали их почерк впрямую. Творческое отношение ко всем явлениям художественной культуры всегда оставалось обязательным условием обучения в студии. Изучая культуру той или иной эпохи, погружаемся в нее с головой. Что это значит? Например, прикасаясь к искусству Древнего Египта, начинаем с того, что едем

в Пушкинский и проводим в Египетском зале полтора-два часа. Читаем мифы Древнего Египта, смотрим слайды, изучаем каноны изображения человека, принципы построения и назначения пирамид. Искусство Древней Греции также начинаем с мифов. Обычно к концу учебного года даю им задание на лето. Объясняю, что, для того чтобы считаться по-настоящему культурным человеком, надо понимать смысл таких устойчивых словосочетаний из мифов Древней Греции, которые употребляются и сегодня: нить Ариадны, ахиллесова пята, сизифов труд, авгиевы конюшни, ящик Пандоры и множество других. Читают, иллюстрируют и осенью приносят в студию. В готику начинаем погружаться в студии, изучаем принципы построения готического культового собора, идем на Малую Грузинскую к одному из немногих в Москве соборов в неоготическом стиле — Римско-католическому кафедральному собору. Выполняем зарисовки отдельных деталей его, рассматриваем интерьеры, витражи снаружи и изнутри. В студии продолжаем тему, знакомимся с архитектурой общественных и жилых сооружений, живописью, скульптурой, костюмом, мебелью эпохи — всё в совокупности. И все это для того, чтобы в эмоциональной памяти ребенка сложился цельный «портрет эпохи», ведь стиль — это не просто внешние формы, это дух времени.

Судьбы учеников моего последнего выпуска сложились удачно — 14 из 17 поступили в творческие вузы, и я абсолютно уверена, что именно наша совместная бурная творческая деятельность привила им любовь к будущей профессии и, что тоже важно, скрепила их дружбой, надеюсь, на всю жизнь, несмотря на то что жизнь разбросала их по всему свету. Буквально по всему свету! Вера Ильина учится в Politecnico di Milano, Саша Боева после бакалавриата в МАРШ окончила магистратуру в TU Delft, Инга Маслий — в University of the Arts London, Анаит Мелконян — в Cardiff University (Wales United Kingdom), Карим Фазулзянов окончил Otis College of Art and Design (Los Angeles), Егор Карпенко, окончив бакалавриат в МАРХИ, поступил в Harvard University. Катя Лунякова закончила МАРХИ. Ваня Мунц, окончив бакалавриат МАРХИ, работает в бюро Рема Колхаса в Гонконге. В МАРХИ учатся Маша Калинина, Настя Ульянова, Федя Лукаш, Маша Ожиганова. Маша Погодина окончила в МГУ отделение «История искусств» и поступила в МГИМО, Соня Старостенко в Школе дизайна НИУ ВШЭ получила специальность

О. Бармаш с учениками. 1994 г.

«художник театра и кино», Злата Терехова окончила МГУ, факультет мировой политики, и продолжает обучение в дипломатической академии, Маша Левченко — в ВШЭ, специальность — филология, Соня Аветисян окончила Иняз им. М. Тореза и поступила в магистратуру. Недавно, на очередной встрече, они признавались мне, что очень не хватает им теперь наших обсуждений и споров, кипящих страстей и творческих мук, азарта и веселья. Наши встречи носят неформальный характер — дети действительно рвутся лишний раз увидеться со мной и друг с другом, а когда это не удается, скучают. И это касается не только последнего выпуска.

Недавно случился у меня очередной юбилей, и поздравить меня пришли выпускники конца 80-х и начала 90-х, начала этого века и, конечно, почти вся группа последнего выпуска.

В 2017 году меня и мою дочь Сашу пригласили провести интенсив для старших школьников, желающих поступить в МАРШ — Московскую архитектурную школу. Это было действительно интенсивно — в течение трех недель шестичасовой рабочий день! Успевали выполнить по три-четыре работы на разные темы и в разных техниках за одно занятие!

Помогали нам в этом Саша Боева и внучка моя Маша — обе студентки тогда этой школы. Маша к тому же в конце каждого занятия фотографировала работы детей для портфолио и в последний день снимала видеофильм с ними в костюмах из нашего любимого гофрокартона.

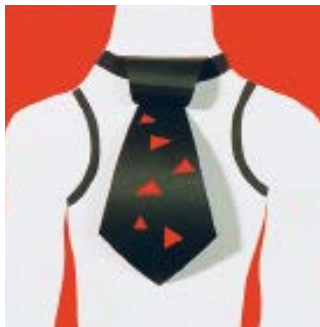
Двое из нашего первого выпуска — Алиса Пастернак, моя ученица, и Соня Ткач, ученица Инги Михайловны, — преподают сейчас в студии Союза архитекторов — ДТС СМА. И это тоже радует — прорастает наше «СтАртовское» разумное, доброе, вечное! Несколько лет и я проработала в этой студии, открыла в себе второе дыхание, вернулась в свой любимый Гранатный переулок, в Дом архитектора, в то место, с которым так трудно расставалась и куда тянуло снова и снова. Там сохраняют атмосферу студийности. Много из того, о чем я писала здесь в связи с ранним «СтАртом», присутствует сейчас в ДТС, кроме частого посещения музеев, пожалуй, и поездок. Другой формат. Там я познакомилась с замечательными архитекторами-преподавателями Женей Бояршиновой и Леной Отта. Женя первое время ассистировала мне в моих группах, теперь самостоятельно ведет несколько мастерских. Дружу с ними и сейчас.

Навигация. Гардероб. Полина Тер-Оганян, 12 лет, руководитель О. Бармаш. Цветные карандаши

Навигация. Туалеты «М», «Ж». Настя Бреславцева, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Макет, цветная бумага

Архитектура джаза. Коля Горюнов, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Маркер, линер, цветной карандаш

Навигация. Кафе-мороженое.
Ксения Ашитко, 12 лет,
руководитель О. Бармаш.
Фломастеры

Отражение. Дима Ефремов, Гриша Опарин, 12 лет,
руководитель О. Бармаш. Маркер, линер

Навигация. Место для курения. Андрей Новожилов, 11 лет,
руководитель О. Бармаш. Коллаж, маркеры

Там в разные годы мне помогали мои выпускники разных лет — Наташа Ланская, Трифон Миляев, Ася Ильина, Вера Золотарёва, Маша Калинина, Настя Ульянова.

Недавно ученики моего последнего выпуска готовили для меня коллективный творческий подарок. У Егора Карпенко дома был организован сплошняк на три дня. С Сашей Мановцевой, мамой Егора и моей постоянной помощницей, решаю какие-то организационные вопросы по телефону, и вдруг она, смеясь, выкрикивает: «Ольга Аркадьевна! Они Вас цитируют!» И это было самым бесценным подарком для меня!

В 2022 году в Тбилиси, в год сорокалетия со дня основания студии, моя внучка Маша Спи с Лёлей Сарабьяновой открыли студию RESTARTi. Она работает по нашему с Ингой методу, а преподают в ней архитекторы и выпускники «СтАрта»: Майя Канделаки и Маша, ассистенты Лёля, Лёва Тихонов и моя вторая внучка Бася. Весной 2023 года мы с дочерью Сашей, как кураторы, вместе с ними организовали отчетную выставку и дефиле студийцев в «окологоловных» уборах.

Наш с Ингой метод подвижен. Создавая студии и школы архитектурно-дизайнерского развития, многолетняя практика позволяет модифицировать и разработать свой, конкретизированный подход для каждого случая.

Мы создали программу для нашей школы «Старт», предполагая непрерывный 10-летний курс обучения, но это не значит, что метод не может меняться и прогрессировать. И студия RESTARTi радостный тому пример! Ведь студию заполнили дети с совершенно разным уровнем подготовки с неопределенным временным промежутком обучения.

Вместе с организаторами студии на основе метода мы подготовили новую программу. Каждый месяц обучения включает в себя четыре задания в разных техниках: макет, графика, коллаж, работа с красками. Результат каждого занятия — законченная работа. Поэтому некоторые задания, разработанные ранее нами специально для студии «СтАрт», были упрощены и преобразованы в короткие упражнения с целью быстро выявить способности и имеющиеся навыки детей разных возрастов и продолжить развитие их творческого потенциала.

Задания могут повторяться в разных возрастных группах (для этого их, соответственно, «подгоняют, видоизменяют»), но не повторяются в течение нескольких лет. Это сделано для того, чтобы ребенок, обучающийся не первый год, не отвечал на одну и ту же задачу дважды и не терял интереса.

Таким образом, новая программа, основанная на нашем методе, независимо от того, сколько недель, месяцев или лет ученик будет посещать студию, дает возможность овладеть новыми знаниями, навыками и сделать серию законченных работ или создать свое портфолио для дальнейшего обучения в вузе.

В процессе написания этой книги я воскрешала в памяти события значительные, прекрасные или просто забавные, стараясь опускать теневые стороны нашей стартовой жизни. Такое удовольствие получила, окунувшись в старые добрые времена.

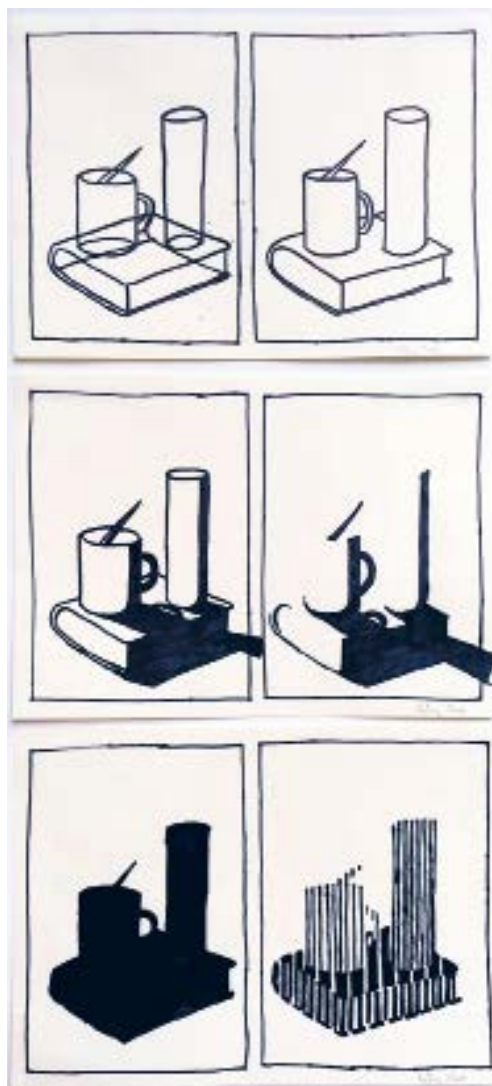
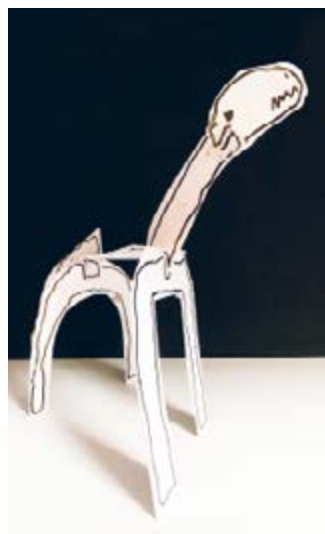
Наверное, это свойство памяти человека. Никогда не была большой поклонницей поэзии Евгения Евтушенко, но эти строки почему-то запомнились: «Неся в руке голубоватый свет, по пепелищу прошлого ты бродишь...»

Завершить свои записи хочу на оптимистической ноте: удовлетворение от того, что дело наше живо, пусть и на других площадках, в других городах и странах, и радость от продолжающейся дружбы с выпускниками, их родителями, со своими коллегами, коллегами-последователями из регионов превышают досаду и горечь в связи с тем, что нынешний «СтАрт» для меня лично стал другим.

Не хочется ставить точку.
Продолжение следует...

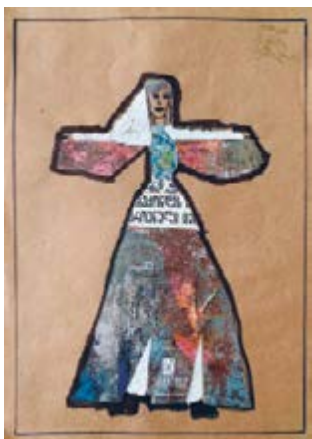
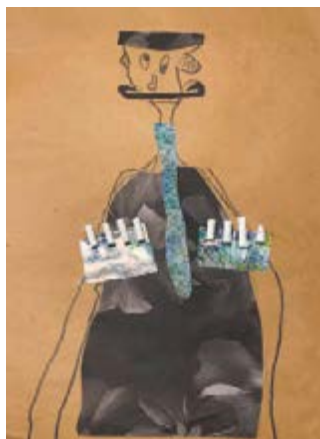

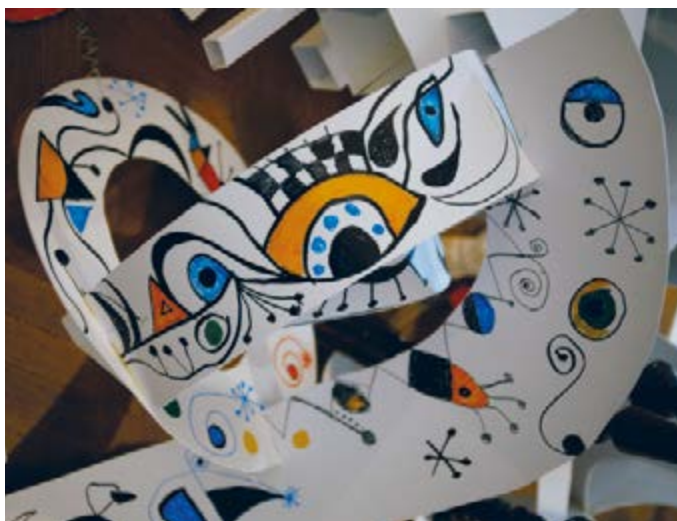

Композиция. Коллаж. Ксюша Генова, 12 лет, Аглая Лобина, 10 лет.
Преподаватель Маша Спи. Цветная бумага.

Динозавр. Петя Гольденцвайг, 6 лет.
Жиоф. Петя Григорян, 6 лет, преподаватели
Маша Спи, Лёля Сарабянова. Пенокартон.

Графические приёмы. Марк Кибец, 14 лет. Преподаватель Майя Канделаки. Фломастер.

Когда книга готовилась к изданию, я попросила написать пару слов о студии «СтАрт» преподавателей, родителей и учеников. Я благодарна каждому, кто откликнулся на мою просьбу. Из этих отзывов мы составили отдельную главу. Потому что эти отзывы, эти эмоции и эти воспоминания — именно о той, настоящей студии «СтАрт», которая помогла найти себя в этом мире сотням учеников.

АНДРЕЙ БОКОВ
народный архитектор,
доктор архитектуры

Тотальной зарегулированности и казенности в СССР 70–80-х годов мы обязаны не только удивительному эзопову языку советского кино, сатиры и детской поэзии, но и возникновением образовательного явления, не имеющего аналога в истории и мире.

Нигде более познание мира через архитектурный язык, так свойственный детям в их куличиках и кубиках, не стало предметом большого всплеска детских студий архитектурного творчества. Созданные вопреки унылым кружкам Изо при ДК и Дворцах пионеров, где из года в год дети трудились только над натюрмортами из тлеющих чучел ворон и восковых фруктов, эти образовательные проекты происходили не от директив сверху, а только подвижнической волей их создателей. Благодаря внутренней свободе и внезапно открывшемуся дару Учителя в них, еще вчера стоявших за кульманами проектных институтов, горело желание общаться с детьми на другом языке.

Этот громадный труд первых энтузиастов ясно показал, что «детское творчество» — это не полделки, не что-то упрощенное и легковесное. Детская студия архитектурного творчества стала площадкой, на которой стали возможны непостижимые эксперименты с формой, пространством — методом, который невозможно было представить в мире академического образования. Поиск идей вне догматических канонов для детей оказался свежим и свободным, зачастую прорывным и волнующим даже зрелых профессионалов. Действуя заодно с детьми, от их имени, в едином творческом тандеме взрослые стали обретать неожиданный опыт, по-своему учиться у младших по духу этой незамутненности и парадоксальной ясности мышления.

По своим сложившимся или изначально избранным подходам архитектурные студии

разделились на два самостоятельных течения. Их можно обозначить как «мастерская-школа» и «школа-мастерская». Главное различие течений состоит в том, что первые упирают на создание произведения или проекта, то есть на результат, а вторые ориентированы на все-стороннее развитие своих учеников. Первым и наиболее известным примером «мастерской-школы» стала Экспериментальная детская архитектурная студия (ЭДАС) Влада Кирпичёва (основана в 1977 году). Пятью годами позже двумя одаренными и самоотверженными женщинами — архитекторами Ольгой Бармаш и Ингой Абасовой создается яркий пример «школы-мастерской» — студия «СтАрт». Работая под руководством Кирпичёва, дети каким-то ускоренным неожиданным образом заранее превращались во взрослых, а в студии «СтАрт» взрослые вдруг возрождали в себе лучшие черты внутреннего ребенка.

Изначально не ставя перед собой такой цели, советские детские архитектурные студии оказались в тренде методологии самых продвинутых университетов и проектных компаний всего мира, работая «на виду у всех», создавая возможность обмена мнениями всех с каждым, получили настоящую командную работу с максимально востребованным участием каждого.

Вряд ли это стало возможным без витающего в воздухе наследия двух основополагающих для современной архитектуры и творческого образования институций начала XX века: ВХУТЕМАСа и «Баухауса». Там восстанавливалась справедливость в отношении языка архитектуры, рождался интерес к коммуникации на основе абстрактных форм, архитекторы интеллектуально и рационально постигали то, что художники находили эмоционально и интуитивно. Именно детские студии, спустя многие годы после того, как в СССР и Германии были почти одновременно прерваны традиции ВХУТЕМАСа и «Баухауса», стали хранителями, старательными и одновременно скромными продолжателями этих бесценных усилий и их итогов.

Модель детской творческой студии сама по себе очень естественна, устойчива и жизнеспособна. Удивительно, что через столько лет это явление не стало предметом внимательного научного интереса, несмотря на большой количественный рост таких образовательных проектов.

АНДРЕЙ ТАРАНОВ
заслуженный архитектор
России

Писать о событиях, развивавшихся на глазах, с одной стороны, просто — все помню, а с другой — трудно, все было настолько рядом, что уже сложно отличить, что было важным, а что не очень. Важным было не то, что моя будущая жена Оля в Моспроекте-4 встретила Ингу Абасовой, которая там уже работала какое-то время, а то, что встретились они в одной бригаде, исповедовали похожее отношение к жизни и обладали схожими пристрастиями. В то время в Союзе архитекторов работала низкопробная детская студия рисунка — всё яблоки да горшки на тряпках.

Как только они поняли, что могут работать с детьми в особняке, уволились из Моспроекта и взялись за организацию детской студии при Союзе архитекторов СССР. Там, на развалинах кружка детского рисунка, за какие-то десять лет возникло и превратилось в легендарный «СтАрт» замечательное объединение учеников и учителей, скрепленных общей идеей открывать и познавать мир способами, резко отличавшимися от ранее известных и приевшихся.

Для занятий выделили замечательное помещение на углу Вспольного и Гранатного переулков, принадлежащее тогда Союзу архитекторов. Для меня, пусть не сразу, эта студия стала явлением. По жизни мне часто приходилось посещать студию, как и большинству родителей, дети которых оказались в этом месте. Сразу бросилось в глаза — отношения между учениками и преподавателями. Это были неподдельные чувства дружбы и равенства, только одни умели создавать, а другие не умели ничего, но очень хотели научиться. Об этом много сказано в этой книге. Мне кажется, что именно это установление правильности баланса отношений «ученик — учитель» и явилось залогом скорого успеха «СтАрта».

Студия, естественно, получилась не за один день, но что удивительно — быстро.

Заинтересованность детей, их стремление не просто пребывать на занятиях в этих стенах, иногда до позднего вечера, вызывало умиление. В этом, конечно, заслуга преподавателей, и, может быть, самая важная заслуга. К слову сказать, не все приживались в студии, некоторые не выдерживали напряжения, некоторым непонятна была специфика направления методики «СтАрта». В общем, период становления студии проходил непросто.

Обе наши дочери, естественно, выросли в этом особняке. К студии в семье было такое отношение: «Не приготовишь уроки — в студию не пойдешь». И это было для них серьезным наказанием. Всякий раз, когда я попадал туда, меня изумляло количество и разнообразие затей, которые предлагались детям на занятиях. Их изобилие, причем адаптированное под каждый возраст, просто огромно и, казалось, неисчерпаемо. Дети, твердо это свидетельствую, с горящими глазами бежали в студию, и оторвать их от занятий родители не всегда могли сразу, иногда приходилось ждать не один час. Во время общесоюзных смотров они всегда — подчеркиваю, всегда — были лидерами. На «Зодчестве» в Манеже иногда можно было услышать от коллег: «Да тут и смотреть нечего, разве что детский раздел опять порадовал!» Инга и Оля никогда не скрывали свои наработки, а напротив, с не всегда объяснимой щедростью делились ими со всеми, кто был заинтересован в их методе и был в состоянии по нему работать.

Рядом с ними трудно было оставаться равнодушным — настолько это было ярким и привлекательным. Я сам, хотя и находился в более информированном положении, вроде все уже знал, но порой, оказываясь в студии после работы, не мог не влиться в ряды отцов и матерей, не сильно помогающих всем и во всем. Получалось это само собой, магия какая-то. Чуть позже, когда уже пошли ежегодные выставки, конкурсы, просмотры, защиты дипломных работ, меня назначили от Союза архитекторов членом жюри, и отказаться было невозможно. Правда, и не хотелось. Не раз меня делегировали в Суханово проводить ознакомительные экскурсии для детей по территории усадьбы. Несколько лет подряд приезжали с президентом Союза архитекторов Юрием Петровичем Гнедовским награждать победителей детского конкурса снежных скульптур. Часто дети приходили к нам домой, особенно старшие, дипломники, и я помогал им справиться со сложными макетами. А сколько экскурсий и ежегодных поездок было — сосчитать невозможно, вспомню только их разнообразие. Были специальные выезды в музеи. Их было множество: Тимирязевский,

Зоологический, Третьяковская, Музей Москвы, Музей Зверева и другие. Это были не просто прогулки, каждое посещение — начало интересной серии заданий в студии. Сопровождали экскурсии, как правило, профессионалы-искусствоведы, умеющие ориентироваться на разный возраст детей. Практически ничего не упускали — от общих, эпохальных тем до рассказов об отдельных художниках. Были импрессионисты и авангард, Лентулов и Кончаловский, Врубель и Серов, «Мир искусства» и Рублев. И множество других интереснейших лекций. А сколько было выездов в города: Ленинград, Суздаль, Углич, Подмосковье с архитектором Никитой Шангиным (и, возможно, благодаря этим поездкам он открыл в себе дар к новой профессии). Потом, к концу 80-х, и заграничные поездки с детьми: Финляндия, Болгария, Польша, Словакия, Норвегия, Бельгия, Голландия, Америка и... всего не упомнишь. Я много раз бывал на лекциях для детей в музеях и слушал их с огромным удовольствием, хотя и открытий особенно для себя не делал, зато дети делали, и не только они. Родители всегда благодарили организаторов этих экскурсий и, кажется, старались не пропустить их.

В свое рабочее время, а больше летом в каникулы, преподаватели разрабатывали отдельные задания по нашему методу, и уже через несколько лет после старта «СтАрта» он стал востребованным — десятки, а потом и сотни детских учреждений начали работать по нему.

Узнав о том, что преподавателей наградили Государственной премией, я поверил в это не сразу. Но пришлось! Никогда, ни до ни после, я не слышал о подобном. Это ли не явление? Это оценка труда людьми совершенно другой занятости. В комиссии по присуждению Госпремии состояли тогда такие крупные и авторитетные представители разных видов искусства, как Белла Ахмадулина, Ролан Быков, Вячеслав Зайцев, Олег Табаков, Борис Мессерер, Юрий Гнедовский.

Но не стоит думать, что путь их был усеян розами и лаврами... Конечно, были споры и поражения, ссоры и неудачи, но все это болезни роста. Зато каков результат.

В какой-то момент существования наступает точка отсчета, после которой что-то меняется и под влиянием фактов извне, не всегда положительных, происходят изменения. Причины всегда разные, и я не буду проводить здесь исследование на эту тему. Но что случилось, то случилось. И хотя студия успешно просуществовала к тому времени более 10 лет, что-то стало

меняться. Я склонен это отнести к тому, что, когда однажды, после больших хлопот, студия получила статус школы и новое помещение на Зоологической улице, и радовались поначалу, но... бесплатный сыр бывает толькомышеловке. На протяжении всех лет существования «СтАрт» вроде бы подчинялся Союзу архитекторов, но никакого давления со стороны Союза никогда не было — только помощь. И вот «СтАрт» становится государственной школой ДШИ — детской школой искусств со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бюрократический каток постепенно набирает обороты, и вот уже начинают сыпаться бумаги — планы, журналы, отчеты. Влезают в методику, приходят объяснять преподавателям, как надо учить детей. Но самое грустное, и это отмечаю не только я, — пропала аура, исчезла атмосфера дружбы, товарищества, рассыпалась цепочка «преподаватели — дети — родители», да, пожалуй, и все то, чем гордились раньше. Когда я общаюсь с людьми, причастными к студии, вижу, что они полностью разделяют мою точку зрения. ДУХ, который царил в студии и объединял всех, испарился.

Есть такая поговорка «Не стреляйте в белых лебедей»...

САША ТАРАНОВА
архитектор,
преподаватель архитектурно-художественного проектирования, автор образовательных программ.

Золотой диплом Союза архитекторов России за серию работ «Преобразование объектов городской среды»

Я — ребенок преподавателя студии, ученик «СтАрта», ассистент и преподаватель. Поэтому написать по просьбе мамы только о студии у меня не получится, мои детские воспоминания связаны скорее с людьми и ситуациями, а не с процессом образования.

Мне было семь лет, когда мама с Ингой Абавой организовали архитектурную студию. В тот момент мы еще жили на Патриарших и особняк, который выделили для этих нужд, находился буквально на той же улице, на углу Вспольного и тогдашней улицы Щусева. Конечно, мы с сестрой Ксюшей попали в студию почти сразу после ее создания и стали одними из первых учеников.

Через год наш дом отобрала какая-то контора, и мы оказались в Новых Черемушках,

в то время окраине Москвы, где и прожили шесть лет. Квартира была большой и светлой, родители расписали стену кухни оптической абстракцией Виктора Вазарели, но за окном была бесконечная стройка и пустырь. А тогда, кроме того, что изменилась локация, школа и соседи, поменялся уклад жизни. Мама, всегда бывшая рядом с нами, в семье, стала отсутствовать, поглощенная студией. Возвращалась вечером вместе с папой, а иногда даже позже. Дважды в неделю я ездила к ней в студию на метро и была неимоверно горда самостоятельностью, а также тем, что никто из моих друзей и даже их родителей не знал о том, что такое «Студия Архитектурного Творчества».

Папа, мама и мы с сестрой родились в центре Москвы, и мама, проплавав пять лет, стала умолять папу попробовать вернуться на Патриаршие. Тогда он собрал цепочку из 13 составляющих (сам себе маклер), и мы въехали в пятикомнатную бывшую коммуналку, где толпами носились веселые мышки, а мы за ними. Но папа довольно быстро привел в порядок эту «нехорошую квартиру».

Вскоре студия быстро стала привычным и любимым для меня делом. Это было потрясающе интересно! Такого архитектурного довузовского образования не было больше нигде. Безусловно, существовали ЭДАС Кирпичева, кружки, небольшие коммерческие студии, но такого масштаба, как у «СтАрта», не было ни у кого. В тот момент студия была феноменом, сбоем матрицы. Архитектуры для детей в эти годы было совсем мало, например, в нашем же доме школьники последних классов готовились к поступлению в МАРХИ, папа учил их черчению по синькам-аксонометриям. Ученики (так называемые дураки) должны были начертить три проекции. Мне это занятие казалось неимоверно скучным и уж точно архитектором становиться не вызывало желания. Удивительно, что и поныне абитуриенты сдают экзамен по черчению по этой же схеме.

А у нас было совсем иначе.

В здании на углу Вспольного было несколько комнат, первые месяцы открыты были только две — «живопись» и «графика», в которых мама и Инга Михайловна вместе, вдвоем, не делясь на группы, давали уроки по композиции, коллажу, макетированию, истории искусства и т.д. В центре особняка находилось помещение с лавками и вешалками, а также с огромным страшным люком по центру. В детстве он казался мне зловещим, и не зря. Однажды в него угодила Катя Левянт, к счастью, на ней был

зимний комбинезон, и она осталась невредима. В этом помещении родители ожидали своих детей, сгорая от любопытства и зависти. В основном, в первые годы существования студии, родителями были архитекторы, многих из них я знала, а они знали меня как дочь О.А. Бармаш. На протяжении всей истории «СтАрта» всегда были родители-альтруисты, обожающие Ольгу Аркадьевну и Ингу Михайловну, они помогали после занятий разбирать работы, мыть кисти, убирать комнаты, организовывать мероприятия и чаепития, экскурсии и выставки. Я знаю, многие из них считают, что только благодаря студии «СтАрт» их дети стали талантливыми образованными людьми. А учеников, которые не знали, что за профессия архитектор, и ставших ими, наверное, несколько сотен. Многие из них продолжают общаться с мамой, хотя прошло очень много лет.

Постепенно состав преподавателей расширялся, и довольно быстро студия охватила все помещения особняка. В комнате справа от лестницы появился класс скульптуры. Работы были коллективными, каждый создавал из глины своего персонажа или здание, а после обжига их складывали в футуристические панно-города или мистические зоосады. Каждый из преподавателей был самобытен и развивал нас по-своему, но все придерживались общего метода, который создали и разработали И.М. Абеева и О.А. Бармаш.

В студии бурлила жизнь! Ни ученикам, ни преподавателям не бывало скучно, задания не повторялись, часто они были спонтанными — ответами на увиденное на выставке или в музее. Мы постоянно участвовали и, конечно, побеждали в конкурсах. У нас царила атмосфера свободы созидания и творчества. Любая серьезная тема начиналась с информации в стенах студии, на улице, в зоопарке или на выставке. Информация была стартом для последующей работы, это всегда подчеркивалось, и прогулять экскурсию нам никогда не приходило в голову.

Задания в первые годы обучения были короткими и легко выполнимыми. Постоянная смена художественных материалов и приемов работы с ними, и, конечно, когда в ответ на наш вопрос «Что будет на следующем занятии?» всегда звучал ответ: «Секрет!» — все это поддерживало наш интерес еще больше. В классах было шумно, весело, творить можно было лежа на подоконниках или на полу, нарушение привычной дисциплины не критиковалось, а, наоборот, всячески поддерживалось преподавателями, ведь их целью было развить творческий потенциал каждого из нас, а смех и радость никак не могли

помешать этому, они были неотъемлемой составляющей каждого урока.

Мама — сама человек с прекрасным чувством юмора, любила это качество и в детях. Она учила парировать, шутила вместе с нами, но не над нами. Помню, как ученица О. А. задирала мальчишку из многодетной семьи, явно донашивающего вещи за несколькими братьями. Как-то она спросила с вызовом: «Ты что, одеваешься в «Ле Монти»?» — на что тут же получила ответ от него: «Нет! В Лохмонти!» «Ле Монти» — был магазин одежды из США в начале 90-х. Мама смеялась с ним вместе до слез и даже как-то поощрила.

Еще одним важным навыком, приобретенным нами в студии, было умение выслушивать критику и проводить анализ. После выполнения задания (обычно длившегося одно-два занятия) все работы выставлялись или вывешивались на стене. Дети, независимо от темперамента и таланта, всегда успевали довести работы до законченного вида, и каждый из учеников мог высказать свое мнение относительно любой из них. Критика не должна была носить отрицательный характер и никаких нравится / не нравится. Преподаватели тоже высказывались, всегда подбадривая авторов не самых удачных произведений. Ни одна работа никогда не выкидывалась. В конце года их раздавали родителям, а лучшие могли попросить в метфонд или на выставки. Участие в выставках и конкурсах невероятно радовало и бодрило нас, рождая соревновательный дух.

Конечно, у меня было больше шансов, ведь я могла успеть доделать работу после занятий или дома, я была «дочь полка». Однажды,

после урока, на котором мы делали макеты — головные уборы, в студию приехали журналисты брать интервью. В этот момент я была единственным ребенком в здании, и на меня надели лучший макет — корабль с алыми парусами и матросами. Через несколько месяцев в студию прислали экземпляр, на обложке которого, под надписью «SOVJET UNIONEN» красовалась я в чужой шляпе. Мне до сих пор стыдно, хотя автора я не помню. Инга с мамой брали меня на выставки, концерты, экскурсии. Первым взрослым концертом, на котором я с ними побывала в середине 80-х, был «Аквариум». Попасть на Гребенщикова в 13 лет было так круто! Я стояла вместе со взрослыми в набитом людьми зале и была счастлива.

Летом, когда наступали каникулы, мама продолжала работу на даче. Она писала и рисовала методички, разрабатывала новые задания и шила. Самозабвенно. Обшивала всю семью и всех друзей. В 80–90-х людей в ее костюмах и куртках останавливали на улицах с вопросом: «Вы где такое купили?» Выбора тканей в СССР не было, поэтому мама покупала костюмную или плащевую ткань и сама расписывала, делала отпечатки всего возможного цветной тушью и пришпаривала утюгом. Пробивала кнопки и люверсы в кооперативных ремонтных мастерских. Мы с Ксюшей были одеты намного лучше других детей, а сама мама одевалась так, что неподготовленные поступающие в «СтАрт» будущие ученики были обескуражены, а архитекторы перешептывались: «Сколько Таранов зарабатывает, что покупает такие фирменные шмотки?» Однажды на приемные просмотры в студию пожаловали психологи советского разлива. Просмотрев отобранные работы детей, которых приняли в студию после выполнения вступительного задания, они стали говорить о том, что эти дети нуждаются в психологической помощи (а тогдашним языком: «Вы приняли всех ненормальных»), но увидев Ольгу Аркадьевну в двух мужских галстуках красного и белого цвета в черных пятнах-кляксах, довольно быстро ретировались, поняв, что всех тут не вылечишь.

В 1985 году в студию пришел преподавать А. П. Ермолаев, и я в числе нескольких старших учеников перешла в его группу. Не все из этой группы учились в студии до того, и это было очень заметно. Мы были гораздо смелее, не боялись материалов и экспериментов с ними, владели множеством навыков и техник. Рвать, а не резать бумагу мы уже умели, а видеть красоту в рваном крае научил А. П. Тем не менее подход Ермолаева сильно отличался от того, с чем мы были знакомы до того.

Он был требователен и резок, и некоторые ученики уходили, не выдерживая его сурового нрава. Кроме занятий с нами он много времени посвящал разработке заданий и упражнений, я помню, что именно он организовал педсоветы, которые мне очень нравились, так как я задерживалась вместе с мамой в студии. И там он проявлял себя так же, как и с нами, детьми, — был жесток, не боялся высказываться прямо. Он считал, что нужно открывать детям как можно больше знаний и навыков, не заикливаться на чем-то одном, показывать ключи, учить «умному деланию» руками. К многодельности, декоративности и слащавости (которая теперь стала снова присуща школе) он относился крайне свирепо, и это часто было причиной обид, хотя именно с мамой у них разногласий никогда не было. Его задания не повторяли того, что было изучено нами раньше, они были заточены на другом, можно сказать, что на выявлении красоты и сути предмета, на умении в простом увидеть нечто дополнительное, невидимое сразу. А еще они очень крепко застревают в памяти, в силу своей неординарности и оригинальной подачи. Термин «развёртка», как я помню, был усвоен посредством нанесения вазелина на лицо и уши и прокатыванием бумаги по лицу. Сверху развернутый отпечаток покрывался тушью. Результат был не очень привлекательным, но эффектным, а главное, непредсказуемым и потому запомнился на всю жизнь.

Студия участвовала во всех мероприятиях, куда звали, а ее звали всюду, потому что ничего подобного тогда не было. Помню телемост с Познером, посвященный Саманте Смит. Нам раскатали тыльной стороной обои, выдали невиданные доселе маркеры, и несколько человек за минуты нарисовали архитектуру российских столиц и небоскребов США вперемешку. По нашим эскизам расписывали стены и оформляли витрины, а в конце каждого года мы устраивали «СтАрт-парады» в зале Дома архитекторов. Много лет подряд это было грандиозным, продуманным до мелочей событием. Еще одно воспоминание в том же зале — «СтАрт» поздравляет наш легендарный ансамбль «Кохинор и Рейсшинка» с юбилеем. В то время у меня была сломана рука, и с гипсом наперевес, держа огромный карандаш в уцелевшей руке, я громко произносила: «Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой, выбегает...» — и пристально смотрела на кривоногого и хромого Волю Косаржевского — руководителя и солиста ансамбля. Зал взрывался хохотом. Сценарий нам писал замечательный человек, большой друг нашей семьи, архитектор и практически профессиональный литератор

Слава Егоров. Ко всем семейным торжествам он всегда писал юмористические поэмы или серьезные стихи.

Стиль Ермолаева узнавался в каждой работе его учеников, хотя никакого давления на нас я не помню. Так же, как и О. А. и И. М., Ермолаев всегда устраивал просмотры, но у него всегда были «победители», которым вручались призы — яблоки, а чаще жвачка. Я часто получала заветный приз — жвачку, всегда надеясь, что это будет апельсиновая, а не с кофейным вкусом, которую терпеть не могла, но, естественно, чаще попадалась именно она.

Многие дети, поняв, что не хотят ничего, кроме архитектурного образования, а их было много, и я в их числе, решали готовиться к МАрХИ. Тогда в студии начали преподавать академический рисунок и черчение. Хотя это уже и не имело отношения к студии, дух «СтАрта» все еще оставался над нами. Место имеет значение.

Учась в МАрХИ, я вернулась уже в школу «СтАрт» в качестве ассистента, а позже (через тринадцать лет после окончания студии) взяла индивидуальную группу. За это время мама и Инга стали лауреатами Государственной премии. В состав премии они включили еще пятерых разработчиков заданий, преподававших на тот момент вместе с ними. А студии дали официальный статус школы и помещение на Зоологической улице. И это была уже совсем другая история. На тысяче метрах и в трех автономных подъездах появилась охрана, бухгалтерия и даже выставки стали «отчетными», а не итоговыми, в конце полугодий детямставлялись оценки. Тем не менее отношение родителей и детей к преподавателям и образованию в школе было еще прежним, и я осталась преподавать еще на десять лет, в лучших традициях студии. Это были прекрасные годы и незабываемые впечатления для меня, так как подобной отдачи невозможно получить, занимаясь только проектированием. Ничего подобного в практической архитектуре не может быть. В группе из 15 человек преподаватель получает 15 разных ответов на поставленную задачу, 15 проектов, участвуя в каждом из них. Я удивлялась, как методика буквально вливалась в детей. Воспитание проектного мышления всегда было основной задачей метода Инги Абаевой и Ольги Бармаш, а воспитывали художественной культурой, развитием образно-логического мышления, изучением материалов и основ композиции. Создание своего проекта, нигде не подсмотренного, воплощенного в самостоятельно выбранной технике, было конечным

результатом работы по заданной теме. Почти каждую работу, выполненную в «СтАрте», можно было назвать проектом будущего предмета, здания, застройки — создание этого требовало сообразительности, смелости самовыражения и творческой самостоятельности. А навыки рисования, которому обучали и обучают во многих школах и студиях, приходили с опытом, в процессе работы над проектом.

Мы с учениками тоже много участвовали в выставках и конкурсах, получали призы за серии и коллективные работы, нашу площадку «Ноев ковчег» на набережной Новороссийска даже должны были реализовать, но что-то, как всегда, сорвалось. В 2005 году за серию «Преобразование объекта городской среды» на «Зодчестве» я с семилетними стартовцами вышла на сцену Дома архитектора получать Золотой диплом. Они высыпали на сцену горохом, и я объявила в микрофон каждого из сияющих ребят, а потом сказала: «Спасибо за эту награду могу сказать только Инге Абаевой и маме, их методу и тому, что они вложили в меня и в каждого ученика «СтАрта». Это ваша очередная награда». Посмотрела в зал, ища поддержки, на папу и Ксюшу, но они, не видя друг друга, рыдали от умиления, глядя на малышей и обнимая колонну с двух сторон.

Удивительно, но две трети моих учеников тоже стали архитекторами.

В 2014 году мама ушла из школы, и я следом. В ней не осталось того духа, который они с Ингой создавали многие годы, и это стало главной причиной, по которой не хотелось продолжать там работать. Живой, веселый, искрящийся «СтАрт» превратился в ГБУДО УДОД ДШИ — страшные и непонятные буквы.

В этом же году при Доме архитектора открылась студия ДТС СМА. Первыми преподавателями в ней стали Алиса Пастернак — ученица и первый ассистент мамы в студии, София Ткач — ученица первого выпуска Инги Абаевой и еще два преподавателя из школы — Дарья Шаблий, Алёна Дурново — и, собственно, мама.

Здесь она проработала до пандемии.

Если ввести в поиск любого браузера «школа СТАРТ», то почти все ссылки будут на «учреждение, подведомственное Департаменту культуры», и нигде, ни разу даже не будут упомянуты создатели этой школы. В «истории» школы, правда, написано, что она была создана в 1982 году, но кто ее создал и дал направление — ни слова. Я считаю, что это неприемлемо

и крайне неуважительно по отношению к людям, благодаря которым школа существует и сегодня. Затоптан труд — интеллектуально-творческий труд всей жизни создателей уникального метода и основателей школы.

Перейдя по ссылке на еще один сайт, можно увидеть девочку, рисующую радугу и с неизменным солнышком в верхнем углу листа. Такого рисунка никогда нельзя было увидеть в студии, не могло такого быть, это противоречило его сути. Уход от шаблонов и обыденности мышления — основной принцип метода, который лег в основу программы школы «СтАрт».

Как-то мама, немного смущенно улыбаясь, сказала: «Нас называли национальным достоянием!»

Как же жаль, что со «СтАртом» произошла такая метаморфоза, что такое яркое, взрывное начинание так закончилось!

КСЕНИЯ ТАРАНОВА
архитектор

Впервые я переступила, вернее, переехала порог нашего любимого особнячка на коляске в 1982 году — мне было три года. И потом долгое время я не могла понять: то ли это тоже наш дом, то ли это мамина работа. Во всяком случае в студии мама проводила гораздо больше времени, чем дома. И мы вместе с ней.

Вспоминается все как в тумане. Не помню, чтобы я была приписана к какой-то конкретной группе. Я мигрировала по всем потокам, независимо от возраста. И осталось ощущение, что я иду не на урок, а на встречу с друзьями и чем-то новым и интересным. Каждое посещение студии — это открытие. То порвать обои, что мы делали, естественно, с упоением, то разлить тушь, поцарапать гвоздиком или разрисовать друг другу лица гримом. Отчетливо помню наши поездки — Польшу, Финляндию, Ленинград — и что рассказывала мама. В Польше — о готическом стиле, о витражах, потом мы рисовали их уже в студии на кальке фломастерами. В Финляндию мы везли огромные архитектурные костюмы, которые демонстрировали в Доме архитектора в Хельсинки. Но все-таки больше всех запомнился Ленинград. И то, что мама нам тогда рассказывала — о Ростральных колоннах, грифонах, атлантах и кариатидах — свежо

в памяти и сейчас. Помню, как впечатлил шемякинский памятник Петру I, как мы залезли на него всей группой. Теперь это, к сожалению, невозможно — доступ к памятнику ограничен. Наверное, после нашего налета. Детская цепкая память сохранила это на всю жизнь. И будучи недавно, уже со своими детьми, в Питере я поймала себя на том, что, проходя по тем местам, где водила нас мама, я рассказываю им буквально ее словами. Еще очень хорошо помню уже из жизни МАрХИ. Наш преподаватель Борис Александрович Шабунин на клаузуре был впечатлен именно моей работой, смелостью в подборе цвета и сказал: «Узнаю почерк «СтАрта»». Я была очень горда этим. Те впечатления, знания, навыки и вообще весь стартовый опыт всплывает в самых непредсказуемых ситуациях — в поездках, на выставках, в учебе, в работе. В общем, «СтАрт» — это на всю жизнь.

МАША СПИ
сооснователь студии RESTART,
архитектор

Изначально я искренне считала: описание того, что дал мне «СтАрт», не будет сильно отличаться от отзывов других учеников. Но прошедший год все изменил. Теперь я могу рассказать, как метод Оли (моей бабушки) и Инги Абасовой помогла мне создать архитектурную студию в другой стране.

Мы переехали в Грузию в марте 2022 года. В один из вечеров на кухне квартиры в Тбилиси нас с моей прекрасной мачехой Лелей Сарабьяновой осенило: таких, как мы, потерянных и непонимающих, здесь сейчас тысячи, и у многих из них есть дети. А разве может быть что-то прекраснее, чем дать детям возможность по-другому смотреть на этот мир?

Когда я рассказала Оле о своей идее, она была в восторге и сильно меня поддержала. Мы обсудили, с чего нужно начать. Поток новых идей, возникший при первом же разговоре, и структурированность метода, которую я, будучи ребенком-учеником, не замечала, быстро развеяли мои страхи и убедили в том, что мы на верном пути.

Уже в октябре мы с мамой — Сашей Тарановой — провели первые мастер-классы для разновозрастных групп учеников. Спустя несколько недель группы были набраны. А еще через два

месяца мы запустили дополнительные часы для желающих заниматься.

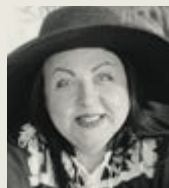
На первые занятия многие дети приходят и, выслушав задачу, угрюмо заявляют: «Но я так не смогу, я же не умею рисовать...» И самое приятное — это наблюдать, как на глазах преподавателей, благодаря интереснейшему методу Оли и Инги Михайловны, ребенок раскрывается буквально за два-три занятия. Та свобода и многогранность, которая заложена в заданиях, не оставляет равнодушными даже совершенно неподготовленных детей.

Теперь я сама вижу, что без длинных лекций и академического подхода в развитии детей за какие-то три месяца уже происходят значительные перемены мышления, когда они погружаются в мир искусства и архитектуры, сами того не замечая.

Наша студия «Рестарти» еще очень мала, но приносит много радости и мне, и нашей команде, и детям с их родителями. После каждого проведенного урока я присылаю Ольге Аркадьевне работы, и она удивительно четко и быстро говорит о сильных и слабых сторонах, а иногда хвалит.

Представьте: я пришла в «СтАрт» в пять лет. Училась у разных преподавателей, наблюдала за многими занятиями, всеми выставками и показами на протяжении всей жизни, жила в доме, в котором на Новый год под потолком вдруг появляется гирлянда из 120 флажков в разных техниках, наблюдала, как талант, раскрытый руководителями студии, помогает в самых разных обстоятельствах. Мне повезло насмотреться и впитать все это, а теперь я обладаю возможностью передавать знания совсем в других условиях жизни и новых странах.

Спасибо тому «СтАрту», что я застала в детстве, спасибо моей бабушке Ольге Аркадьевне.

КИРА ДВОРЕЦ
заведующая
учебной частью школы,
клинический психолог

2001 год. Я пришла в школу заведовать учебной и воспитательной частью. «СтАрт» из студии превращался в школу, бюрократия требовала равняться под государственную систему. Никто не понимал, зачем это нужно и чем я буду заниматься. С этой общей растерянности

началось мое знакомство со школой и его обитателями.

Когда я взглянула на разбросанные в кабинете директора работы детей после только что прошедшего вступительного экзамена, со мной случилась любовь с первого взгляда.

И тогда я сразу поняла, что хочу остаться в этом месте в любом качестве.

Поскольку никто не понимал, зачем я нужна, то и внимания на меня особенно никто не обращал. Меня забыли даже официально оформить. Я просто три месяца ходила на работу, контролируя только сама себя. Я наблюдала и постепенно начинала складывать свою картину школы «СтАрт» по этим наблюдениям и отрывочным сведениям со стендов на стенах и из бухгалтерии.

Рассматривая работы учеников в ротонде, случайно узнала, что вокруг меня сплошные лауреаты Государственной премии. В пересчете на квадратный метр площади — их не просто много, а очень много! Но никто не выпячивался.

Ярмарка тщеславия проехала мимо. Это очень подкупало!

Не сразу, но пришло первое понимание архитектуры школы: Абаева & Бармаш — равноценные и главные фигуры здесь.

Без противостояния!

Они придумали и воплощают все ЭТО вместе.

Вклад каждой нельзя переоценить.

Они в «СтАрте» всегда. Когда это — дело всей жизни, то странно говорить о каких-то рабочих часах и переработках. Все вовлечены в процесс.

Соратники-предметники ведут макетирование, живопись, теорию и историю искусств, черчение, академический рисунок, основы натурального рисунка.

Они пришли в «СтАрт» поделиться с детьми своим творческим и профессиональным багажом. Каждый обладал за пределами «СтАрта» своими творческими проектами. Мастера своего дела. Не схоласты с застывшими знаниями — востребованные архитекторы, художники и искусствоведы.

Никакой текучки. Течет только время. Рушатся государства, а «СтАрт» идет своим путем. Выставки, победы, премии... быстро проходящая радость от побед, и снова работа, работа, работа!

«Мы — не женщины», — говорит мне Абаева в случайном разговоре через год работы. «Ты — женщина, а мы — нет!»

Я протестую! Но они абсолютно уверены, что женщина-архитектор — не женщина. Кто им это внушил?

У всех есть дети, почти у всех вторые половинки! Радуются успехам детей, как все мамы! Расстраиваются, когда родные болеют, дети не хотят учиться, не в тех влюбляются — все как у всех женщин.

По-особенному одеваются: стиль, еще не названный бохо, здесь давно не нов, любовь к крупным необычным украшениям с ярмарок, базаров и развалов по всему миру; юбки в пол... Всегда обратят внимание на что-нибудь новенькое в одежде или украшениях. Не поскупятся на похвалу и восхищение.

Ну почему — не женщины? Несправедливо. Все внутри сопротивляется.

Они — не учительницы (искренне удивлялись букетам на День учителя), они — архитекторы и дизайнеры всего в себе и вокруг себя!

Это лучшие из женщин, которых мне доводилось встречать на дорогах своей судьбы и до, и после «СтАрта».

Ссорятся редко и вполголоса.

Директор Инга Михайловна не распекает никого! Увещевает почти шепотом: если же критикует, то коротко и уважительно.

Ольгу Аркадьевну бывает слышно больше, но манера высказать свое несогласие такая же: негромко и без перехода на личности.

Это действительно не женский коллектив в традиционном понимании, потому что это — идеальный женский коллектив.

Инновационная программа «СтАрта» уже готова, но продолжить работу над ней Абаевой & Бармаш постоянно не хватает времени. Никому из них обеих даже не приходит в голову сбавить темп и оставить преподавательскую деятельность, хотя все чаще подводит здоровье и все больше

административной бюрократии. Поэтому они вдвоем засиживаются в школе до ночи, когда удастся оторваться от основной работы, складывая методику «СтАрта» из теории и многочисленных работ учеников. А потом еще работают над ней дома в свое свободное время, каникулы и выходные.

Наконец, инновационная программа «СтАрт» и альбом с иллюстрациями изданы.

Дело двадцати лет жизни получило окончательное оформление.

И началась напряженная жизнь у нас. Со всей страны в учительскую звонят и пишут руководители студий и школ с просьбами прислать программу по почте. Я отвечаю на эти звонки, потому что я худо-бедно все-таки заведу учебной частью. Мы с Еленой Вячеславовной Денисенко попеременно бегаем на почту и отправляем по стране методику. Мы обе очень счастливы, потому что любим школу и хотим ее продолжения.

Это было двадцать лет назад, и вот я снова пришла на Зоологическую, 18, теперь уже с внуком. Неужели прошло двадцать лет с тех пор, как я пришла сюда в первый раз... На стене коллажи из работ учеников каждого преподавателя. Появилась молодежь. Пришли преподавать дети, которые сами закончили «СтАрт», и повзрослевшие дети преподавателей.

В кабинетах по стенам и на шкафах — новые работы новых учеников, в которых преемственность метода видна невооруженным взглядом. Не увидела нигде я только одного...

А где же стенд памяти тех, кто создал все это? Где основатели «СтАрта»? Где хотя бы короткая история создания методики?

Уже так или иначе нет многих из старшего поколения, но Ольга Аркадьевна Бармаш, слава богу, здравствует и даже живет в шаговой доступности от «СтАрта». Она все так же элегантна, и все ее умения и навыки при ней. Не верится мне, что многоликое и оттого универсальное понятие «государство» сознательно зажевало понятие авторства именно в школе «СтАрт».

Промучавшись несколько дней внутренними диалогами, я решила посмотреть сайт школы «СтАрт», может быть, там что-то отражено?! Ну что тут агитировать за правду с большой буквы, если составители текста в информации об истории «СтАрта» ограничились

цифрой 7 в упоминании лауреатов Государственной премии? А где имена? Разве родителям учеников помешает знать, что их ребенок учится у лауреата Государственной премии?

Зато выделено сообщение о вкладе нового директора в просветительскую работу школы.

Может быть, молодой профессор Сафразбекян Т.Г. человек со стороны? Так сказать, назначенный на должность чиновник?

Так нет. Нелишним будет напомнить, что в середине 90-х ее мама тоже начала осваивать метод под руководством Абаевой & Бармаш в Ереване; позже переехала с семьей в Россию и была принята в коллектив «СтАрта». Далее карьера ее стала развиваться стремительно! А в 2008 году ее дочь, нынешний директор школы, пришла продолжать преемственность в «СтАрт» тоже в качестве преподавателя.

Я не знаю, насколько хорошо профессор Сафразбекян Т.Г. осуществляет административное руководство школой «СтАрт», возможно, она дельный современный, так называемый эффективный менеджер. Хотелось бы поделиться с ней личным опытом и знанием: когда школа приобретает государственный статус и начинает потихоньку бронзоветь, вместе с растущим благолепием исчезает все, связанное с духовностью, и прежде всего собственное лицо школы. Вот такой парадокс. Ведь у общеобразовательных государственных школ, как правило, нет своего лица. В лучшем случае у них есть цифровой рейтинг.

Но общеобразовательная школа сразу приобретает свое имя, если у нее есть неравнодушный эксклюзивный Директор, улучшающий бездушную систему. Эти директора по всей России у всех на слуху. Потому что совокупный исторический опыт народа знает, что бронза со временем зеленеет, а доброе имя никуда не девается.

Чем может помешать эффективному менеджменту авторство?

Не мешает же кафе «Пушкин» имя Андрея Делоса. Или Пушкинскому музею имя Ивана Цветаева. Или Театру Вахтангова имя Станиславского. Наоборот, только помогает. Теперь «СтАрт» — это бренд. И создавался он в 80-е, когда этого слова и не употребляли еще.

В культуре принято давать имена основателей их детищам. А у популяризаторов есть своя ниша и свои награды за доблестный труд.

Это та ошибка, которую обязательно нужно исправить! А то мы так и будем, как обычно, восхищаться заморскими: Захой Хадид, Линой Бо Барди, Кадзүё Сэдзима в архитектуре; Марией Монтессори в педагогике; Элеонор Маккаби и Летой Стеттер Холлингворт в психологии — в свойственной России манере долго и упорно не замечать своих героев и героинь.

Пришло время крайней индивидуалистичности. Каждый теперь может выражаться в чем хочет и может найти свою аудиторию. И опять есть запрос общества на героев. Но если мы не будем сохранять настоящих героев, то для наших детей на безрыбье станут героями эффективные менеджеры от культуры в образах бузовых, моргенштернов и милохиных.

И последнее, в защиту моих обожаемых девочек-архитекторов «СтАрта» времен Абавой & Бармаш — время диктует нам новые гендерные правила, когда женщины-архитекторы не будут приписывать себе мужскую роль по признакам профессии, чтобы быть замеченными, а займут свое собственное поименное заслуженное место.

Вы, самые женственные на свете, женщины-архитекторы это заслужили как никто!

Сорок лет «СтАрту» — это прекрасный повод восстановить справедливость во всем ее многообразии!

ИРИНА ПОЛУКАРОВА
преподаватель архитектурно-художественного проектирования, автор образовательных программ, постоянный участник

Международного фестиваля «Зодчество» (грамоты и дипломы), обладатель почетной грамоты Департамента культуры г. Москвы (2008), почетной грамоты мэра г. Москвы (2017). Учитель года (2017)

В 1991 году была рекомендована школой «СтАрт» на работу в общеобразовательную школу Москвы для внедрения программы детского архитектурно-дизайнерского творчества. С 1998 года работаю в ДШИ «СтАрт» на постоянной основе.

В 1988–1991 годы я принимала участие в качестве архитектора в реализации благотворительной программы «Надежда» и студии «СтАрт» при Союзе московских архитекторов. Мы выполняли проект оформления и реконструкции интерьеров: игровых комнат, холлов, рекреаций детского отделения онкологического центра в Москве. Здесь я познакомилась с преподавателями студии: И. М. Абавой, О. А. Бармаш, И. В. Фёдоровой, а также с работами детей этой студии. Преподаватели — энтузиасты своего дела, мастера изумительного вкуса и авангардисты по духу и сути, их нельзя было не заметить, они были дыханием нового времени.

В этом проекте я стала автором интерьеров и дизайн-проектов малых форм — угловой аквариум на три тонны; мебели — модули для фитодизайна, аквадизайна, модульные стульчики для холлов.

Наши проекты, преобразования замечали дети, которым нужна была помощь не только врачей, но и окружающих. Проект был отмечен дипломом Союза архитекторов Таджикистана и признан лучшим проектом года. Реализация проекта подтвердила возможность реализации детских идей руками педагогов-профессионалов и художественного преобразования окружающей среды. В методике студии блок «Реализация проекта» стал одним из ведущих в становлении творческой личности.

Я пришла поработать в студию на время, а получилось — навсегда, «СтАрт» стал моей судьбой.

На «СтАрт-параде» 2001 года были реализованы проекты игровых модульных ковриков. По эскизам детей выполнены композиции «На качелях» и «Морской калейдоскоп».

В работе принимали участие два класса, каждый ученик выполнял свой модуль-шляпу или модуль-игрушку, модуль-подушку, реализовывал свой замысел, свою идею. Работали с тканью, по рисунку делали выкройки-развертки. Ученикам было девять-десять лет, поэтому в процесс изготовления были вовлечены родители, творческий союз объединяет детей и родителей, укрепляет взаимопонимание и дружбу.

Наши изделия из текстиля выставлялись в крупнейших выставочных залах Москвы: в Манеже, Сокольниках, Доме архитектора — и имели большой успех.

2010 год был для «СтАрта» знаменательным, преподаватели и ученики школы принимали участие в международных событиях на Всемирной универсальной выставке «ЭКСПО-2010» в Шанхае (КНР). Я и мои ученики — победители Всероссийского конкурса детских рисунков «Город будущего глазами детей» стали призерами и участниками этих событий, бесплатной поездкой в Шанхай. По проекту учеников были выполнены четыре арт-объекта, которые украсили экспозицию павильона Российской Федерации.

Ученики участвовали в мероприятиях выставки и международном мастер-классе, рисовали башню будущего вместе с китайскими детьми. Представьте мои волнения, но ученики семи-девяти лет прекрасно справились с заданием, выставка работ была грандиозной.

За «Реализацию проекта» дети получили дипломы, стипендии и грант мэра.

Школа и по сей день работает по авторской программе, которая создавалась в начале 1980-х годов И.М. Абаева, О.А. Бармаш, авторы концепции методики, и коллектив преподавателей — авторы-разработчики творческих заданий — создавали эту учебную программу. Программа утверждена, признана, но вся ее прелесть заключается в том, что она не требует слепого повтора тем и уроков. Уникальность программы и наших преподавателей заключается в том, что педагог придумывает, сам выбирает, трансформирует, ведет тему по-своему, обеспечивая ей развитие и обновление, для творческого человека этот процесс бесконечен.

Инги Абаевой уже с нами нет, она была гарантом креатива, спокойствия, приветливости, ее улыбка венчала все дела. И еще: она обладала уникальным даром чувствовать и собирать вокруг себя «себе подобных» — трудолюбивых,

одаренных, творческих. В 2007 году я выпустила два дипломных класса, на Международном фестивале «Зодчество» получила Бронзовый диплом за руководство дипломным проектированием (компьютерная графика).

Мои ученики — выпускники 2015, 2016, 2018, 2020 годов — лауреаты, дипломанты, обладатели высшей награды «Золотой знак» на Международном фестивале «Зодчество», имеют много наград. Защита дипломов 2015 и 2016 годов — это «СтАрт-парады», выставка дипломных работ, перформансы с демонстрацией изделий: футболок, значков, кружек с логотипом автора (художественный принт на металле, ткани, керамике). В 2020 году для методического фонда школы снят фильм «Защита-2020».

Ученики первых выпусков уже окончили художественные вузы и просто вузы, успешно работают в профессии, многие организовали свои проектные бюро, имеют персональные выставки. Некоторые ученики-студенты продолжают свое обучение за границей, получают гранты, покоряют Англию, Германию, Америку.

Они приходят в школу, мы встречаемся на выставочных конкурсных площадках, иногда конкурсы делаем вместе. Встречи эти коротки, но их фразы «Я скучаю по Вас», «Как многому Вы нас научили», «Я помню каждый наш проект, который мы сделали с Вами» еще долго согревают и окрыляют.

НАТАЛИЯ ПЕЛЕПЕЛИНА
преподаватель
архитектурно-
художественного
проектирования,
автор образовательных

программ, постоянный участник ежегодного
Международного фестиваля «Зодчество»
(грамоты и дипломы). Учитель года (2018)

Что для меня «СтАрт»? Думаю, воплощение мечты — творить, общаться с творчески одаренными людьми. Еще это реализация проектов и общение с детьми. Однажды меня пригласили на выставку детской студии в Союз архитекторов. Это была любовь с первого взгляда. Таких интересных рисунков и макетов я не видела! И это делают дети? В Москве есть студия, где дети могут создавать такие невероятные и чудесные работы? И тут я поняла, что вот оно — все мои мечты объединились в одно. Большое желание — работать в этой школе. Но попасть просто так на поезд «СтАрт» было нельзя. Каждый претендент очень тщательно отбирался. Поэтому и получилось, что коллектив преподавателей — это сплоченная команда смелых и талантливых архитекторов, любящих детей, готовых делиться с ними своими знаниями, опытом и любовью к своей профессии.

Мой самый первый опыт работы в «СтАрте» — волонтер. Я год приходила на уроки, смотрела, как объясняются задания, как происходит общение с детьми. Это даже уроком трудно назвать. Новый опыт: взаимодействие с детьми на равных, где сначала преподаватель учит детей, а потом дети учат преподавателя.

На следующий год (о чудо!) меня позвала Инга Михайловна Абаева к себе в класс уже в качестве второго преподавателя. Каждый день, проведенный в стенах этого уникального «дома» в Гранатном переулке, я вспоминаю с особой теплотой. Небольшой особнячок в центре Москвы. Маленький, но невероятно уютный. Спешили туда как дети, так и мы, преподаватели. Здесь происходили действительно чудесные вещи. Работы можно было сразу закрепить на стене булавками, так как на ней была рогожка. На каждую стену можно было прикрепить очень много работ, внушительная высота которой позволяла это сделать. А какими неожиданными материалами выполнялись работы: мастика для пола и тушь с гуашью для гратажки, пустые коробки из-под молочных продуктов и соков, старые сухие фломастеры, пакеты, колпачки, катушки от ниток, газеты и журналы, проволока, гуталин... всего и не перечислить!

«СтАрт-парады» с детьми становились реализацией творческих идей, воплощенных нашими детьми. Самое прекрасное было в том, что в работе участвовали не только дети и преподаватели, но также мамы и папы, бабушки и дедушки.

С тех пор прошло много времени. Школа переехала в другое здание.

И все-таки с большей нежностью я вспоминаю именно небольшой особнячок в Гранатном, такой теплый и гостеприимный, открытый для всех детей, родителей и их друзей, с которого все начиналось. Вспоминаю первого директора «СтАрта» Ингу Михайловну — добрую и талантливую. Она обладала невероятной фантазией и энергией, имела огромные познания во многих областях: архитектуре, живописи, музыке и географии. Вспоминаю наши «СтАрт-парады», защиты дипломов и «выставки на полу» в Союзе архитекторов и ощущаю большую радость, что мое знакомство с удивительным миром «СтАрта» произошло именно там.

ТАТЬЯНА РЕВЕС
архитектор, преподаватель
архитектурно-художественного
проектирования, автор
образовательных

программ, постоянный участник ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» (грамота и дипломы), обладатель почетной грамоты Департамента культуры г. Москвы. Учитель года (2015)

Трудно в двух словах про мой «СтАрт»!

Я начала работать в состоянии отчаянной безысходности.

В начале 90-х, когда всех моих мужиков-кормильцев отправили на улицу, я была в отпуске с двухлетним Лешкой и первоклассником Ваней. В мастерской, где я работала пять лет над большим московским объектом, разделили большую премию за объект, пока я была в отпуске с ребенком, а про меня забыли. Это, как я потом поняла, обычная история.

Страшно вспомнить, как было трудно.

Начала работать в студии. Я раньше была в Гранатном на уроке Миши Хазанова в Университете культуры для старших школьников при Доме архитектора — восторг от творческой атмосферы.

И тут же меня вызвали на работу в мастерскую на реконструкцию Госдумы. Стало еще труднее: дети, «СтАрт» и работа в мастерской. К тому же через год еще добавилась должность завуча в «СтАрте». Инга Михайловна просила; я тогда только освоила компьютер и так, между делом, все документы и отчеты новой школы перевела в электронный формат. Было нелегко.

Я долго не решалась оставить проектную работу. Не представляла себя учителем, хотя до «СтАрта», пока сидела с сыном, преподавала год в школе «Историю мировой культуры». Даже программу написала.

Мишка Хазанов дразнился «училкой», когда пришла в «СтАрт».

Я долго скрывала в мастерской, что преподаю в «СтАрте».

Дурочка, я еще не понимала, что это будет так здорово, так обаятельно, так востребовано, так уникально!

Инга Михайловна не часто выражала одобрение, может, и хорошо — можно представить, какими жалкими и бездарными казались им с Ольгой наши первые шаги.

Ольга Аркадьевна была откровеннее. Я чувствовала себя гениальным педагогом!

Потом отдала своего драгоценного Лёшу Ольге Аркадьевне. Он был рассудительно разговорчив. Помню, Ольга сказала: «Может, его лучше в писатели...»

Теперь я вдохновляю и поддерживаю своих детей и родителей тоже. Когда сделали кукол с детьми, куклами профессионально начали заниматься родители. А когда я с малышами поставила кукольный спектакль «Египетская сказка» в Доме архитекторов, одна мама призналось, что сценарий моей сказки помог ей устроиться на работу по собеседованию (с условием поставить этот спектакль с детьми). Горжусь!

Уже восемь выпусков по восемь лет — это практически семейные связи!

Мои выпускники приводят детей. Так интересно! Дети похожи на них маленьких, какими они пришли ко мне, а бабушки так же полны энтузиазма творить!

Правда, от замечаний, мол, хорошо, что мы вас застали, становится не по себе.

А один такой «внучок» сказал: «В принципе видно, что вам нет восьмидесяти!»

Мои дети ревновали очень. А теперь они все дружат в соцсетях. Иногда получаю весточки от моих студентов через своих детей.

Не так давно ко мне домой приехали мои выпускники — пара из одного выпуска — Ксюша Загваздина и Антон Чайкин похвастаться обручальными кольцами.

А еще раньше на занятии в «СтАрте» папа моей ученицы, преподаватель МАрхИ, стал поздравлять меня. Оказалось, он уже знает, что мой сын женится на его студентке, а я еще нет. Он деликатно не сказал, с чем поздравляет. Это выяснилось позже.

Таких историй много.

Наши праздники! Домашние заготовки, пироги, призы, розыгрыши, тосты и танцы — Инга Михайловна — прима!

Думаю, каждая из нас могла бы книгу написать о «СтАрте» и о себе, потому что это такая часть жизни, которая переплела и связала все другие события!

Но Ольга Бармаш и здесь стала первой!

Очень благодарна ей за это и за все годы сотрудничества.

Дорогие друзья-коллеги, спасибо за наш чудный мир, «СтАрт», за наше содружество!

АНДРЕЙ МУНЦ
архитектор-художник,
преподаватель
академического рисунка
и композиции, преподаватель
МАрхИ, лауреат и участник

российских и международных архитектурных конкурсов

Когда я быстро перелистываю архитектурный журнал и вижу что-то яркое, талантливое, интересное, я понимаю, что это, скорее всего, работы стартовых учеников. Я возвращаюсь к этим страницам, и выясняется, что так оно и есть. Я сам преподавал в школе и в МАрхИ и осмелюсь сказать, что многим преподавателям

архитектурного института надо было бы прийти в «СтАрт» и поучиться тому, как надо преподавать и какие работы должны получиться в итоге. Лично я всегда внимательно изучаю работы стартовых учеников в надежде, что они помогут мне в моей профессиональной практике.

«СтАрт» — это уникальный цветущий оазис на фоне уныния, тоски и печали. И я жалею о том, что мне в детстве не довелось учиться там. А была при Доме архитекторов детская живописная студия, где рисовали вечные чайники и кофейники.

То ли дело «СтАрт» — всегда новый, постоянно реагирующий на изменения в жизни.

Это чудо случилось исключительно благодаря талантливым и самоотверженным педагогам — великой Инге Михайловне Абаевой и несравненной Ольге Аркадьевне Бармаш, которые на чистом энтузиазме создали эту уникальную студию.

В первый же мой рабочий день в «СтАрте» Алёна Дурново мне сказала: «Инга Михайловна работает всегда». И я в этом постоянно убеждался. Когда в 10 вечера я проходил мимо ее кабинета, я видел, что Инга Михайловна все еще трудится. Всегда говорят о ее таланте педагога, организатора и о методе личного обаяния, а я хочу напомнить еще о фантастическом трудолюбии Инги Михайловны, которое встречается совсем нечасто в наши дни.

Я радуюсь тому, что мой сын Иван поступил в «СтАрт» и учился в группе лично у Ольги Аркадьевны, которая очень много ему дала. В классе всегда царила удивительно творческая атмосфера. Все чувствовали себя свободно, работали много, с удовольствием и весело.

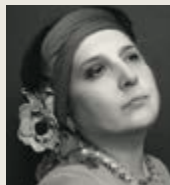
Защита диплома проходила в Доме кино. Во время защиты — невиданного феерического представления — я поймал себя на мысли, что не только фантастические костюмы и декорации, но мощь и размах всего действия производят неизгладимое, ни с чем не сравнимое впечатление.

А под занавес я хочу вспомнить следующий эпизод. Как-то в бытность мою президентом теннисного клуба Союза архитекторов я приехал в Суханово, чтобы обсудить детали размещения участников предстоящего турнира. Заговорили о «СтАрте» и директриса тут же сказала: «Лучший педагог — Ольга Аркадьевна».

Держать как надо карандаш
Научит лучше всех Бармаш!

Ольге Аркадьевне — архитектору, педагогу и летописцу — Ура! Ура! Ура! И немедленно выпить!

P. S. Написанный мной текст относится к прошлому, студийному «СтАрту». К настоящему времени многие педагоги ушли, а их место заняли совершенно другие люди. Какой станет школа «СтАрт» — лучше или хуже, — покажет время.

ДАРЬЯ ШАБЛИЙ
архитектор, преподаватель
архитектурно-художественного
проектирования,
автор образовательных

программ, постоянный участник ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» (грамоты и дипломы). Учитель года (2015)

Какая странная штука память. Прошлое она удерживает четче и ярче, чем настоящее. Как оно все было? Это была молодость, наивность, восторг встречи со «своими» людьми: «Это мое, это то, что мне близко!» Восхищение и желание соучаствовать, учиться, продолжать. Крошечный особняк на углу Вспольного и Гранатного. Привел меня туда за руку мой дорогой друг Вася Щетинин, взялся пристроить давно засидевшуюся дома с детьми подружку. Так, с легкой руки моего друга начался мой 30-летний роман со «СтАртом». Друга моего уже нет на этом свете, но я не забываю, кто так внезапно и счастливо изменил направление моей линии жизни! Вел он меня, собственно, знакомить с женой нашего с ним любимого учителя Андрея Ивановича Таранова, Ольгой. Вот, говорит, есть в Москве две женщины, которые придумали особый метод работы с детьми, тебе понравится. Сейчас, когда такое разнообразие возможностей — открытый интернет, доступ к любой информации, трудно представить, что на сломе двух эпох могло родиться такое, как эта студия. Настоящий мини-ВХУТЕМАС для детей.

Придуманный и созданный усилиями двух очень разных архитектурных дам — архитекторов, как теперь принято говорить, Ингой и Ольгой. Разными они были во всем — во вкусах, в стиле, в характере, во внешности и даже в чувстве юмора. Очень хорошо помню этот день знакомства. Огромная парадная дверь, три ступени вверх, небольшой холл и старые, еще не подозревающие о евроремонте стены. Две большие комнаты налево с огромными окнами на Вспольный и две направо — с окнами

на крошечный дворик на Гранатный. В самой дальней комнате, темноватой и тесноватой, стены обтянуты мешковиной, на них работы — маски из картона в стиле авангард и большое панно в виде готического города из разнофактурных ниток и веревок. Ольга Аркадьевна, очень красивая, молодая, как раньше говорили, эффектная женщина, на стиле, как говорят теперь. А Инга Михайловна — дама постарше, с большой белой шевелюрой, такая вся мягкая и уютная, напоминавшая своим обликом мою свекровь, которую я очень любила. Приняли меня очень доброжелательно: пили чай за низким неудобным столиком. Я показывала свои, состряпанные в декретной изоляции, изделия — куклы, подушки и прочую самодеятельность. Я, собственно, ничего не умела тогда. Как преподавать что-то детям, у меня не было никакого разумения, а тем более не было ни малейшего понятия, как общаться с чужими детьми, когда их так много и сразу. Но эти мысли возникли потом, а вначале, в первое появление в студии, меня пронзило резкое чувство сопричастности и узнавания «своих»! Это я помню точно.

Мне тут же, в виде оброка, поручили состряпать огромных размеров занавес на окна. Для уюта в так называемой учительской. Поскольку в те времена единственным материалом, затыкающим все творческие дыры, была мешковина, то огромная гора оной была мне сразу же выдана. К ней в довесок коробка лоскутов и обрезков всяких цветных ситцев. Немного позже мне показали посреди прихожей лаз в подполье. В него вела старинная винтовая лестница. Там и хранились многочисленные коробки, набитые всякой всячиной — лоскутами, нитками, веревками, доставшимися, видимо, от сердобольных владельцев постсоветского индпошива. Долго еще я красовалась в юбках и жилетах, пошитых из этих лоскутов. Гуччи и Армани отдыхали в те времена. Две последующие недели я провела на полу, давясь пылью от грубой мешковины, дергая мережку и составляя орнаменты из блеклых ситцевых треугольников в цветочек. Изделие величиной в театральный занавес и весом килограммов тридцать было благосклонно принято колллективом и тут же общими усилиями водружено на окна. В комнате стало темно и душно. Все вздохнули, но, будучи людьми интеллигентными, терпели красоты ради. В общем, меня приняли. Свобода и доверие друг другу были в студии удивительными. Тогда, по дурости и жизненной неопытности, я думала, что это так везде и навсегда. Увы, я ошибалась! Сейчас слово «творческий» как-то замылилось, сейчас «творческий» каждый второй. А тогда, в начале

90-х, в скудной, облупленной полуголодной Москве это был островок творческого счастья, где царила красота, свобода, самозабвенная рабочая атмосфера и разнообразие творческой фантазии! Я делала что умела. А умела я тогда мало. Но никто не назидал, не поучал, не контролировал и не осуждал. За все последующие годы вне стен Гранатного я не испытывала такой свободы. В 2000 году пришлось покинуть наш любимый уютный особнячок. Вместе с этим началась уже другая история, новая история сегодняшнего «СтАрта». Многие менялось тогда не в лучшую сторону, но основные традиции, творческие находки и направления по наследству перешли и в новый «СтАрт».

Одна из лучших традиций, которую давно уже практиковали Инга и Ольга, а за ними и мы — это поддержание по жизни добрых дружеских связей с учениками и родителями. Мы становились с ними членами одного цеха — творческого подхода к жизни. Может быть, эта манера существовать в непрекращающейся «детской тусовке» плюс желание вернуться в ту «гранатную» атмосферу привели меня к мысли организовать летние мастерские у себя в деревне, в Никола-Ленивце. И ведь так удивительно легли карты, что основателем и идеологом всего этого Арх-Артбезумия, первооткрывателем и первопроходцем этих мест стал тот же мой друг Василий, который привел меня в студию в начале 90-х. Он был по духу очень близок к «СтАрту». Его большой мобиль «Икарушка» красовался под потолком в выставочном зале на Крымском Валу, где проходили наша масштабная выставка и «СтАрт-парады». Нет уже Васи, Инги, Николая Николаевича, нет нашего неизменного бухгалтера Анны Рафаиловны, маленькой женщины, оглушавшей своим пронзительным голосом стены Гранатного. Нет Марины Аркадьевой и Аллы Бочкарёвой. Умер Якуб Петрович Виноградов, преподаватель академического рисунка в студии. Многие из тех, кто поступил в МАрХИ, продолжали учиться у него в институте. Вспоминаю всех с благодарностью и нежностью. Как жаль, что мало фотоматериалов сохранилось с тех времен. Все были заняты общим делом! Помню то чувство восторга при выходе «СтАрт-парада» на сцену Дома архитектора. Праздник, музыка, искусство. Первая слава, первое признание. Благодарные счастливые родители. А дни последней подготовки к парадом! Эти «сплошняки» с распахнутыми настежь дверями, потому что по очереди бегали во дворик красить вонючими спреями огромные, иногда больше самого ребенка, детали костюмов. Как мы все там помещались?! Родители, дети, огромные макеты и наша неумная фантазия!? Загадка. Но это все было.

ИРИНА ОРЛОВА
архитектор, преподаватель,
архитектурно-художественного
проектирования, лауреат
Государственной премии РФ

«За создание системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна», постоянный участник ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» (грамоты и дипломы), автор образовательных программ. Учитель года (2015)

Для меня «СтАрт» стал полной неожиданностью. Будучи рядовым архитектором в проектной организации, кроме основной работы я спроектировала и реализовала двоих чудесных детей и ушла «в свободное плавание». И в этот момент моя лучшая подруга предложила кардинально изменить мою судьбу — попробовать себя в роли преподавателя в студии. Для меня это был шок! В тот момент я не обладала никаким представлением о преподавании. Долго не могла решиться — и хочется попробовать, и страшно... В то время был жесткий отбор преподавателей. Меня взяли с испытательным сроком на вакантное место. В предложенном мне классе, к моему ужасу, было 24 человека, из них только четыре девочки. Мы сразу пошли в музей. Я читала лекцию. Постепенно, постигая принципы уникальной новаторской методики Инги Абаевой и Ольги Бармаш, опираясь на новые знания и опыт наших преподавателей, я нащупывала свой путь в роли преподавателя. Попав в необычную для меня атмосферу студии, где можно свободно проводить творческие эксперименты и получать желаемый результат — это награда и огромное чувство удовлетворения! В этом мне очень помогла Ирэна Фёдорова, которая и привела меня в «СтАрт», с которой мы и по сей день работаем в творческом содружестве. Студия стала ВСЕМ в моей жизни — это моя радость и свобода творчества, моя семья.

АЛЁНА ДУРНОВО
архитектор, преподаватель
архитектурно-художественного
проектирования, лауреат
Государственной премии РФ

«За создание системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна», автор образовательных программ, член Международной федерации художников, постоянный участник ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» (грамоты и дипломы). Учитель года (2013)

С приходом в «СтАрт» в Гранатном у меня началась новая жизнь: очень интересная и творческая. Эту студию я заметила давно, по работам, выставкам в Доме архитектора: они поражали необычным, ярким, творческим подходом, удивляли новым взглядом на мир. Я и не мечтала, что смогу когда-нибудь к этому приобщиться.

Само здание в стиле модерн на тихой улочке в центре Москвы вдохновляло на творчество. Коллектив преподавателей состоял всего из восьми человек. У каждого свой подход к преподаванию, свои идеи. Уникальность студии заключалась в том, что задания придумывали сами преподаватели и, даже используя задания других, делали их по-своему. Инга Михайловна — директор и основатель студии, жила жизнью школы. Она была вся в творчестве и новых идеях, для нее работа продолжалась и днем и ночью, времени она не ощущала.

Помню, первый раз попала на занятие к Ольге Аркадьевне Бармаш, которая вместе с Ингой Михайловной основала студию «СтАрт». У подружки сын учился тогда в студии, и она пригласила меня понаблюдать на уроке. Ольга Аркадьевна сразу меня поразила: стильно одета, макияж и прическа безупречны, много потрясающих украшений. Она ходила между детьми, наклоняясь к каждому и что-то тихо и спокойно им говорила. Выглядело это не как занятие, а как праздник.

В «СтАрте» в Гранатном все жили как одна большая творческая семья, состоящая из детей, преподавателей и родителей. Чего стоят «СтАрт-парады», которые проходили каждый Новый год в Доме архитектора, выставки «на полу» в конце учебного года, пленэры и совместные поездки по памятникам архитектуры с Никитой Шангиным.

Каждый Новый год происходил творческий взрыв. С ноября вся школа готовилась к выступлению со своими произведениями, причем

каждый год придумывалось что-то новое. Фантазия педагогов была неисчерпаема: парад шляп, воротников, крылья, марионетки, костюм-сюрприз, костюм-трансформер.

Дети, увлеченные творческим процессом, подчас сидели в школе до 11 вечера, все понимали степень ответственности перед выступлением на сцене большого зала Дома архитектора. И в итоге этого — триумф, запоминающийся яркий праздник, где каждый ребенок чувствовал себя созидателем и в то же время частью коллектива студии.

В конце каждого учебного года проводилась отчетная выставка работ, сделанных за год. Можно было увидеть, как работают дети под руководством других преподавателей, насколько каждый индивидуален и необычен и как много новых неожиданных заданий прибавилось. В холле, где проходила выставка, было не протолкнуться от количества людей. Выставка всегда заканчивалась большим праздником с танцами, призами, нарядами, показом фильмов и вручением дипломов.

В июне обычно выезжали на целый день в разные интересные места Подмосковья, рисовали, общались, смотрели, слушали лекции замечательного Никиты Шангина. Обычно в середине поездки устраивали пикник — каждый что-то приносил, все выкладывали на огромную скатерть-самобранку прямо на траве и с удовольствием поглощали эти запасы и ощущали себя одной большой семьей.

Еще дети выезжали с преподавателями в Сухано-во. Дом творчества архитекторов, недалеко от Москвы. Из этих поездок особенно запомнилась одна: мы поехали зимой вместе с Ингой Михайловной и Ольгой Аркадьевной на Масленицу. Профессиональный скульптор по лепке из снега и песка сделал огромные кубы снега, из которых с помощью пил, терок и теплой воды мы вырубали с детьми снежные скульптуры. Тема была — Пушкинский бал. Мороз был 25 градусов. Нам нужно было соорудить двух дам, идущих по парку в костюмах пушкинской эпохи. От воды руки и ноги у меня промокли, я пошла переодеться в номер, замерзла, залезла под одеяло, согрела чай, лежу, дрожу, не могу согреться, в номере очень холодно. Вдруг вбегает Инга Михайловна в распахнутой дубленке, глаза горят и говорит: «Алена, немедленно вставай и одевайся, идем готовиться к балу в Каминный зал». Я вскочила и стала придумывать, во что бы одеться. В итоге получился неплохой костюм цыганки, еле успела, еще кому-то из детей пришлось помогать.

Инга Михайловна заранее подобрала музыку и составила программу вечера. Было, как всегда, очень весело, интересно и незабываемо.

Однажды Инга Михайловна взяла меня в командировку в Кострому. Мы выезжали с Савеловского вокзала в 3 часа ночи. Сели в плацкарт, зима, холодно. Поезд тронулся, еще горел свет, проводница проверяла билеты. Инга Михайловна достала огромную коробку слайдов и стала их сортировать, проверяя на свет. Через полчаса свет выключили во всем вагоне. Инга Михайловна возмущалась, что не может продолжить свою работу. То, что вагон плацкартный и все хотят спать, она не учитывала, а поезд приезжал в 7 утра, так что на сон 3,5 часа всего оставалось.

Как-то я попала на большую распродажу украшений в Доме архитектора. И мое внимание привлекло кольцо — крупное, стильное, необычное. Я пришла на следующий день с деньгами, нашла его и слышу: «Здравствуйте, Елена Анатольевна, вы меня узнаете?» Я приглядываюсь и говорю: «Нет, а кто вы?» Он мне отвечает: «Я ваш ученик, Петя Федосеенко». Он 20 лет назад закончил учиться, два года всего ходил в «СтАрт», окончил МАрхИ и стал делать вот такие стильные вещи. Безумно порадовала эта встреча, ну и кольцо тоже.

ИРЕНА ФЁДОРОВА
архитектор, преподаватель
архитектурно-художественного
проектирования, лауреат
Государственной премии РФ

«За создание системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна», автор образовательных программ, член Международной ассоциации художников IFFA, постоянный участник ежегодного Международного фестиваля «Зодчество» (грамоты и дипломы). Почетный работник культуры города Москвы

Раньше, чтобы попасть в «СтАрт» в качестве преподавателя, надо было пройти творческий просмотр на общем педсовете, представить свое творческое Я. Пришла я в Гранатный, принесла свои работы и картинки и приготовилась что-то докладывать о себе и о том, как с детьми собираюсь работать. Было там тогда всего пять человек — Инга, Ольга, Волков, Ермолаев и Ира. Посмотрели они мои картинки и спрашивать ничего не стали. Как сейчас помню, Ольга сказала: «Да о чем здесь спрашивать,

сразу видно — наш человек». Лет через пять я привела в студию свою лучшую подругу Иру Орлову. Случилось так, что первое занятие она должна была провести в музее с лекцией о творчестве Малевича, и к тому же оказалось, что ей досталась группа из 17 человек, в которой были одни мальчики! Она очень боялась, но справилась. Потом решено было учитывать ошибки с подбором людей и назначили ей испытательный срок. Прошел месяц, и на педсовете во главе с Ермолаевым решили, что Орлова очень даже подходит. И не ошиблись!

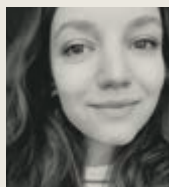
В начале 90-х «СтАрту» поручили оформить интерьеры детского онкологического центра. Участвовали вчетвером: Инга, Оля, я и Ира Полукарова. Я делала игровые кубики в холле на одном из этажей, которые служили еще и сиденьями. Кубики эти можно было складывать как угодно, присоединяя их друг к другу разными сторонами. На каждой из сторон была изображена одна из частей какого-нибудь фантастического животного, человечка или насекомого. В результате такого складывания получались забавные персонажи. Заказывали кубы из фанеры, и мы с Ингой сначала наносили рисунок, а потом красили их быстросохнущими нитрокрасками из баллончиков. Потом теми же пахучими и вредными красками расписывали их кисточками. Все это происходило летом в «СтАрте», когда дети были на каникулах. Работали без масок. С утра до вечера «наслаждаясь этими ароматами». Никто тогда почему-то не задумывался о «пользе» для здоровья такого занятия. Главное было сделать что-то необыкновенное и привлекательное для этих несчастных детей, месяцами, а то и годами находящихся в больничных палатах. Кубики были расставлены в холле, и мы сразу поняли, что получилось то, что надо — дети с упоением играли с ними часами. На главной стене этого же холла мы прикрепили огромное улыбающееся и вращающееся солнце, украшенное небольшими сказочными домиками по периметру, наподобие лучей. Помню, когда мы монтировали его, все дети с этажа сбегались его смотреть. Маленькие, бледные, худые, без волос и в масках — они улыбались! Глядя на них, мы поняли, что чего-то не хватает, пусто вокруг солнца. И нас осенило — не хватает детских имен! У меня была кисточка и краски и через некоторое время была заполнена именами маленьких пациентов. Каждый кричал: «И меня, и меня не забудьте!» У одного из мальчиков было необычное для нас имя — Гедрюс. Прибалтийское, наверное. Поэтому, даже через много лет, я его помню. Очень хочется верить, что он жив и здоров.

Потом мы взялись за проект Инги в холле другого этажа. Это был волшебный городок. Тоже по эскизам наших учеников, конечно. Мы расписали его теми же нитрокрасками и крепили к стене кулисами.

Ольга в это время устанавливала чудо-дерево гигантского размера в холле первого этажа. Тоже кулисами в три плана друг за другом. Первый план — в оранжево-красном колорите, второй, на расстоянии в полметра — в желто-зеленом и третий — в сине-зеленом. Листья были размером с утюг, из обрезков ситцевых тканей. Через год кто-то из наших увидел точную копию этого дерева в витрине магазина в Столешниковом переулке. В те времена в такой ситуации ничего нельзя было сделать — с авторскими правами в нашей стране тогда была напряженка. Вторым проектом Ольги была зеркальная волшебная комната. Зеркала таким образом крепились к стенам этого небольшого помещения, что ребенок, войдя в него, видел бесконечно повторяющееся свое отражение, и эта иллюзия бесконечности производила на него сильное впечатление.

И еще одно яркое воспоминание из тех времен. В конце 80-х нас с Ингой пригласили в Бухару с семинаром для учителей и мастер-классами для учеников. Мы взяли материалы для работы с собой, рассчитывая на пятнадцать-двадцать человек из какого-нибудь класса, а привели нас не в класс, а в спортзал, что нас очень удивило, но через несколько минут мы были просто поражены: открылись двери, директор торжественно объявил о начале нашего урока, и в зал один за другим стали заходить дети разного возраста — от первоклашек до подростков. Одеты они были как на праздник! Все девочки — в форме с белыми фартуками и белыми бантами в волосах. Их было так много, что казалось, вся школа решила одновременно заниматься по нашей методике. Столов не хватило, и они расположились прямо на полу в своих праздничных нарядах. В итоге все прошло на ура, а вечером был прием у местного важного начальника — плов и прочие восточные изыски. В последний день нашего пребывания там учительница Изо, которая отвечала за нашу культурную программу, решила устроить нам экскурсию к главной достопримечательности города — древней крепости Арк. Крепость оказалась закрытой, смотритель наотрез отказался впускать нас. Одеты мы были совсем не по-бухарски. На Инге был странный полушубок из собаки, а я была в длинном фиолетовом пальто с висящим на шее советским фотоаппаратом «Зоркий». Оглядев нас, эта учительница, не моргнув

глазом, представила нас как иностранок-искусствоведов из Франции. Инга — важная персона, а я — переводчица при ней. Двери крепости тут же распахнулись, и смотритель лично повел нас на экскурсию. Он рассказывал мне по-русски, а я «переводила» Инге на английский. Она же, поскольку английского не знала, отвечала мне по-французски, уж очень любила блеснуть им. В результате все остались довольны. Учительница выполнила свою задачу, мы осмотрели крепость, а смотритель был просто счастлив порадовать редких заморских гостей. Провожая нас, он ласково погладил полушубок и восторженно спросил: «Это лев?» Мы от неожиданности кивнули. На прощание он вручил нам квитанцию о проведении бесплатной экскурсии. В графе «Место прибытия» значился Париж!

САША ПОЛЯКОВА
театр «Практика»

Каждую работу в «СтАрте» я создавала в новой для себя технике, под новую музыку, которую мне советовали мои друзья. Вела каждое занятие Ирэна Фёдорова — богиня среди преподавательниц творческих дисциплин. Красивая, умная, интеллигентная, талантливая, одним словом, лучшая преподавательница из возможных. До сих пор на нее равняюсь.

Мне приятно раз в пару лет пересматривать свои работы и вспоминать время, проведенное в «СтАрте». Сейчас я меньше рисую. Надеюсь, что в будущем смогу уделять рисунку больше времени.

После школы, а затем лицея я пошла в театральный институт — ГИТИС, отучилась на продюсера исполнительских искусств и сейчас работаю в маленьком экспериментальном театре «Практика». Самое главное, что я поняла за все прошедшие годы, — это то, что искусство (неважно какое) делает лучше каждого из нас, делает чище, добрее и счастливее. Поэтому занимайтесь творчеством!

ОКСАНА ЛОЗОВАЯ
заместитель директора ДШИ
«Дизайн-центр» (Оренбург),
председатель Оренбургского
регионального отделения
Союза дизайнеров России

Рожденная еще в прошлом веке под влиянием переломных моментов в истории страны и вопреки тогдашним устоям в культуре и образовании, студия «СтАрт» стала одной из первых авторских школ, основанных на концепции воспитания проектного мышления у детей.

В тот период вокруг идеи детского дизайн-образования собирались педагоги-новаторы, появлялись и распространялись студии и школы, проходили семинары под флагом обсуждения авторских концепций.

Для любого развития важно общение. Когда в 90-х создавался наш Оренбургский детский «Дизайн-центр», мы часто и славно встречались со своими единомышленниками — и в столичных городах, и в регионах. Тогда чаще всего интегратором новых идей выступал «СтАрт». Его обучающие программы давали результаты, и эти результаты были столь интересны и современны, что просто необходимо было рефлексировать, обсуждать, учиться у них. Это была школа уникальных методик.

Феномен «СтАрта», бесспорно, в ее уникальных создателях — Инге Абаевой и Ольге Бармаш. Устойчивый авторитет студии все те годы держался на их авторской концепции и особенном жизненном укладе. Было тогда счастливое время, когда педагогическая команда, а также родители и дети жили воплощением в жизнь первоначального замысла основателей.

А будут ли последователи продолжать дело создателей в дальнейшем или пойдут своим путем? К сожалению, трудно найти достойного преемника, который был бы способен сохранить наследие великих педагогов. Сегодня мы видим — с приходом нового амбициозного руководства исчезла та содержательная основа школы, которая включала в себя педагогическую открытость и культуру общения среди коллег. И, возможно, именно по этой причине ушли и творческий дух «СтАрта», и традиции...

И мы уже не воспринимаем эту школу как продолжение. Это уже новое место... «СтАрт» стартанул заново...

И все же, если мне предложат выделить ключевые слова, характеризующие «СтАрт»,

в их числе окажутся: Инга Абаева и Ольга Бармаш, уникальность и талант, новаторство и открытость, высокая профессиональная планка!

ЕЛЕНА ГАЛКИНА
архитектор,
преподаватель «СтАрт»

То, что закладывается в детстве, имеет свойство оставаться, впитываться в кожу, «прорасти» в нас.

Мой «СтАрт» разный, наполненный. Словно калейдоскоп картинок-воспоминаний-ощущений, складывающийся каждый раз в необыкновенные восхитительные узоры.

Мне 6. Я сижу в залитом солнцем классе и рисую... Вокруг друзья, смех, разговоры... и чувствуется легкость, полет, дух творчества, единение. Инга Михайловна подходит к каждому, советует, разговаривает, зажигает. Нам это было так важно и нужно.

Мне 8. Мы идем на выставку скульптора-художника с непонятным именем, я предвкушаю скуку. Опять живопись. И вдруг я влюбилась! Мир перевернулся. Имя скульптора запомнила на всю жизнь: Гюнтер Юккер. Это было так сильно, так впечатляюще и ни на что не похоже... Свобода творчества. Инга Михайловна тихо посмеивается, глядя на разншерстную толпу детей, с восхищением поглощающих необычное.

Мне 15. Пора влюбленностей, флирта и диплома... Мы сидим в особняке в Гранатном. Творим и вытворяем. Своими руками пилим, красим, едим бутерброды на подоконниках, вылезает через распахнутые окна, чтобы спеть под гитару. Инга Михайловна ждет, пока мы набесимся, и возвращает к работе. Она всегда переживала за нас — и не только за наши проекты, а просто, как за людей...

Мне 25. Осень. Я на восьмом месяце беременности приехала поздравить нашу любимую Пихаловну с днем рождения. Мы собирались каждый год. В этот день приезжали в наш «СтАрт» (хотя дом в Гранатном уже давно канул в Лету). Много выпускников разных лет за одним столом. Шум, смех, поздравления, истории из жизни, рассказы Инги Михайловны о детях,

которые учатся в данный момент. Уже собираюсь уходить, а она мне: «Лен, а не хочешь попробовать преподавать? Мне кажется, у тебя получится... Подумай». Чуть меньше чем через год я провела свой первый урок в качестве ее ассистента.

Мне 35. Инги Михайловны уже нет. Я сижу и придумываю содержание и название диплома для группы, которую мы с ней набрали, но в которой она почти не успела поработать. Я вспоминаю все, чему научилась у нее, что она передала мне бессловесно, поступками и принципами, и как будто слышу ее голос, который критикует одну идею за другой. Эта — мелкая, эта — не выстроена, тут не хватит времени... И я понимаю, что, несмотря на все творчество, свободу самовыражения и восприятие красоты этого мира, все что мы знаем — это система, которую придумали, продумали и передали нам наши педагоги. Вспомнила наши «СтАрт-парады» — и идея диплома родилась сама. В память о нашем детстве, о Гранатном, о творчестве, об Инге.

ТИМОФЕЙ СУХУРУКОВ
выпускник класса Волкова
(2016, последний выпуск
Н. Н. Волкова)

Николай Николаевич, несомненно, многое вложил в наше общее образование, не только художественное. Как педагог с архитектурным образованием, он прививал нам конструктивное мышление. Почти любой макет, коллаж или графика, которые мы выполняли по его заданию, подавались нам с точки зрения архитектуры. От классических Пикассо, Гойи и других с годами он переключал нас на авангардные работы Пита Мондриана и Ле Корбюзье. Всегда сам без экскурсоводов проводил для нас экскурсии в ЦДХ, Пушкинском и других музеях.

Заботился он также и о дальнейших путях нашего развития, рассказывал о МАрХИ, о других архитектурных вузах и школах, в том числе и зарубежных.

В дипломном проекте нашей группы «Преобразование рельефа» мы отталкивались от античных элементов (розеток, орнаментов, архитектурно-декоративных фрагментов и античных скульптур). Нашей задачей было превратить их в объекты архитектуры, применяя

к ним конструктивный, архитектурный, «строительный» подход, но сохраняя в них жизнь и бионику. Для прототипа брали барельефы трилистника, скарабея, пальмовой ветви, фрагменты античных скульптур. Сначала проводилось серьезное исследование и изучение своего объекта и биоформы, затем шла пошаговая работа по преобразованию выбранного прототипа в архитектурный объект. Всех очень захватывал этот процесс.

Ник-Ник был неким капитаном флотилии, переключаясь с одного ученика на другого, отдавая распоряжения, делая правки, следил, чтобы никто не отбивался и не тормозил. Всегда настаивал на сохранении эскизов, набросков, черновых макетов, чтобы сохранить все этапы работы. Иногда хотелось отвлечься, взять перерыв от его строгости и все чаще повышающегося голоса, но на то я и был ученик, чтобы находить контакт с педагогом, понять и перенять его идеи.

Строгие решения, темпераментные моменты, эмоции и накаляющаяся перед защитой атмосфера явно сказались на здоровье Николая Николаевича: он терял спокойствие, нервничал, когда мы что-то забывали сделать, действовали не по задуманному общему плану. Все должно было быть подчинено одной цели.

На защите я осознал всю значимость учебы за последние несколько лет. Я был тогда очень благодарен Николаю Николаевичу как учителю. Да и сам Ник-Ник на защите уже был спокойным и уверенным, он выполнил свою задачу. Уже после оглушительного успеха нашей защиты, через каких-то полгода, мы узнали, что он ушел из жизни. Тогда я понял, что он торопился подготовиться и взрастить нас как авторов, буквально вложив в нас всего себя. Мы были его последним выпускником и последним проектом, с которым он мог уйти достойно.

Сейчас я занимаюсь анимацией (по большей части для себя) и графикой для издательства. Защитил диплом в Scream School.

Считаю, что навсегда обязан Николаю Николаевичу за воспитание стиля, подхода к работе и за то многое, что вложил в нас наш педагог.

НИКИТА ШАНГИН
почетный архитектор РФ,
лауреат премии СА РФ
«Золотое сечение»
и Национальной
архитектурной премии
«Хрустальный Дедал»

Когда меня попросили написать что-нибудь об Инге Михайловне Абаевой, я сначала даже не мог вспомнить, когда же началась наша дружба с нею и с созданной ею студией «СтАрт». Мне казалось, что это было всегда. И только рассматривая фотографии наших поездок по памятникам архитектуры Подмосковья и Золотого кольца, мне удалось основные моменты расставить по местам. Что, строго говоря, лично для меня не так уж и важно. Но это ценно для тех, чья жизнь была неразрывно связана со «СтАртом», этим уникальным художественным явлением нашего времени. Для меня же важнее сама память о тех ярких эмоциях, тех незабываемых светлых переживаниях, с которыми всегда было связано общение с Ингой Михайловной и ее детищем.

И все же сейчас я могу точно сказать, что наша первая встреча состоялась в начале июня 1992 года. Эта дата определяется тем, что фото поездки со студией в Можайск и Бородино 2012 года, приуроченной к 200-летию Бородинской битвы, отмечены как юбилейная двадцатая экскурсия. Стартовцы тогда сделали из картона классную наполеоновскую треуголку, которую они торжественно водрузили мне на голову возле памятника Павшим Великой армии на Бородинском поле. При этом они хором спели «Шумел, гудел пожар московский...». И, конечно, как всегда, заводилой в этом юморном действе выступала Инга Михайловна.

И вот начиная с 1992 года, где-то в середине или во второй половине апреля у меня раздавался звонок из студии и звучал вопрос: «Никита, а куда мы с вами в этом году поедем?» (Начиная с конца 90-х годов мне на эту тему регулярно звонила Лена Денисенко.) И каждый раз с приходом апреля я уже сам с нетерпением ждал этого звонка и уже заранее обдумывал, что бы такое предложить интересное.

Всегда с нетерпением ждал самой поездки. Ждал ее как праздника. И, как я понимаю, ждал так ее не я один. Это был праздник для всех: и для педагогов «СтАрта», и для его учеников, и для их родителей. Сначала мы умещались в один большой автобус. Но уже в 2000-е годы желающих поехать было столько, что приходилось заказывать два автобуса.

И где мы только не бывали! Все Ярославское шоссе от Москвы до Ростова Великого, вся Рязанка от Москвы до Коломны, и сама Рязань с Солотчами, Серпухов и его окрестности, Можайское и Волоколамское шоссе, Дмитровка, Торжок и Старица... И сколько мы повидали усадеб, прекрасных храмов и величественных монастырских ансамблей! Всего и не перечислишь. И смею думать, что для школьников эти регулярные поездки были не просто продолжением их погружения в мир искусства и архитектуры, что они получали на каждом уроке в школе, но и предметным обретением чувства родины, без которого нет и не может быть гражданина своей страны.

Ну а кульминацией всего этого действия, которая заранее предвкушалась всеми его участниками, был традиционный «пикник на обочине», который устраивался на природе. Накрывалась «поляна», на которую все выкладывали из своих рюкзаков припасы, качеством которых каждый старался не ударить в грязь лицом. И тут в роли тамады над всей этой «поляной» начинал царить наш замечательный архитектор, всеми любимый Андрей Иванович Таранов, муж Ольги Бармаш, соратницы Инги Михайловны. Они не пропускали ни одной нашей поездки. В эти моменты мы все были счастливы.

Но вот что мне до сих пор непонятно, так это то, почему Инга Михайловна выбрала именно меня в качестве гида и разработчика экскурсионных маршрутов для школы. Ведь тогда я был всего лишь практикующим архитектором и далеко не самым известным. В студии я никогда не преподавал. И тогда не только профессионально, как сейчас, но и в качестве общественной нагрузки при Союзе архитекторов экскурсионной деятельностью еще не занимался. И, как знать, не разгляди Инга Михайловна сама или с чьей-то подачи во мне склонность к ведению экскурсий, может быть, и не было бы у меня сейчас этой работы, которая теперь, при невозможности проектировать и преподавать, стала для меня основной. Так что я по гроб жизни обязан Инге Михайловне тем, что обрел для себя эту вторую профессию. Ведь именно в этих стАртовских поездках я набрался первого необходимого опыта и обрел уверенность в общении с аудиторией. А аудитория была непростая. Школьники — это ведь гораздо сложнее и ответственнее, чем взрослые. Здесь, как у Суворова, тяжело в учении — легко в бою. Только за одно за это от меня низкий Вам поклон, Инга Михайловна, и вечная память!

МИХАИЛ ХАЗАНОВ
архитектор

Неужели прошло целых сорок лет с тех пор, как Инга Абаева и Ольга Бармаш придумали и основали студию «СтАрт»?

Удивительно, что некое благое предприятие, начавшееся почти с полуподпольного «заговора» двух молодых, очаровательных, но очень разных характеров и темпераментов, станет вскоре настоящим архитектурным событием и ярким символом будущих перемен.

Кто бы думал тогда, что сочетание вечно мягкой, уютной, женственно-ранимой, но упорной Инги и импульсивно-резкой, остроумной, прямолинейной в суждениях Ольги окажется настолько плодотворным, что их затея со временем институализируется, распространится по разным «странам и континентам», преодолев границы нашего обособленного, часто инертно-консервативного архитектурного мира.

Становление новой школы происходило на сумрачном фоне эпохи «больших похорон» уходящих советских вождей и предперестроенного безвременья. «Архитектура — застойная музыка», — грустно шутили тогда.

Ожидание перемен, кураж противостояния тусклой бюрократической конъюнктуре и вконец опостылевшей идеологии были ощутимо «разогреты» победами нашей архитектурной школы в открытых международных конкурсах, поднявших престиж отечественного архитектурного образования на достойную высоту.

Студия «СтАрт» появилась как раз в нужное время, в нужном месте, в известной степени став правопреемником Университета для старших школьников при Центральном доме архитектора и уже функционирующих экспериментальных студий, архитектурных, дизайнерских школ, подготовительных курсов, групп, кружков, возглавляемых архитекторами.

Занятия студии в стенах старого ЦДА проводить было крайне сложно: их неизбежно сопровождал полный творческий кавардак, сопутствующий любой художественной школе, детскому кружку моделирования или взрослому художественно-производственному цеху.

Обрезки — обрывки картона, цветной бумаги, ткани, пенопласта, несмываемые пятна от фломастеров, красок, клея, неизбежные царапины от макетных ножей, кнопки в обивке ампирных кресел — все было плохо совместимо с хрупкими парадными и антикварными интерьерами ЦДА.

Стало ясно: полное погружение в искусство рукотворчества и обучение практическим проектным навыкам, методам, приемам требует совсем других пространств...

К счастью, Союзу архитекторов удалось тогда поселить студию «СтАрт» в доме 24 по Гранатному переулку, и там уже было где порезвиться.

Большие стАртовские коллективные проекты, пленэры, учебные планы предвузовской подготовки стали реализуемы...

«СтАрт» уже в 80-х стал знаменит и популярен в Москве, в стране и самом дальнем зарубежье.

В самом названии «СтАрт» архитектурной школы-студии угадывается метафора: продолжение, разбег, развитие, перемещение из настоящего в будущее...

Чудесным образом студия сумела найти, осуществить, развить и представить «городу и миру» свою собственную методику начального архитектурного образования, свой способ обучения индивидуальной и коллективной творческой работе.

Уникальность «игры в коллективное созидание» состоит, помимо прочего, в приобретении начальных этических навыков профессионального творческого общения в процессе осуществления самостоятельных и совместных проектных практик. Слаженность действий, как правило, залог успеха архитектурной команды, требующий от участников не только взаимопонимания, взаимовыручки, но и взаимооценки.

Неслучайно известные со времен «архитекторских команд» Ухтомского и Чевакинского, «школ-мастерских» и современных «авторских коллективов», до сих пор сохраняются старые обычаи коллективной работы. Один из них де-факто действующий, но де-юре — нигде, никак не узаконенный обычай бескорыстной «волонтерской» взаимопомощи в макетировании, моделировании, графическом исполнении сложных трудоемких технических составляющих проектных решений.

На архитектурном сленге это традиционно именуется «рабством» и означает самоотверженное, но абсолютно добровольное техническое содействие начинающих «младших» — более опытным и продвинутым «старшим» при постоянной готовности тех и других всегда при необходимости прийти на помощь друг другу.

Для архитекторов проектирование — мечта об идеальной завтрашней-послезавтрашней жизни часто существенно обременена или вообще перечеркнута грузом знаний сегодняшних реалий, предвидением преград, ограничений, предчувствием неизбежных столкновений с ними...

Преимущество будущих архитекторов в ощущении полной свободы самореализации, формотворчества в уверенности «претворимости» своих самых фантазийных сценариев.

Студия «СтАрт» всегда выделялась своей независимостью от каких-либо профессиональных комплексов и табуированных тем, за исключением правил почтительного отношения к историческому, культурному, архитектурному наследию, рукотворной среде, природе, экологии, ресурсам и еще к тому, что могла бы включать некая гипотетическая архитектурная версия клятвы Гиппократ.

Ольга и Инга выполнили сверхзадачу. Они создали детскую архитектурную студию с уникальной, пропитанной свободой творчества, неформальной атмосферой. Особенным в ней стало то, что внутри студии ощущалась постоянная увлекательная, веселая, азартная, детская игра, но вместе с этим не утратилась серьезность знаний, а подготовка всегда была многосторонней, целенаправленной и профессиональной, соответствовала официальному статусу «Учреждения довузовского образования».

АННА МЕССЕРЕР
архитектор, художник

«СтАрт» — детская дверь в искусство, там зажглась моя страсть к красоте, а руки мои стали руками Творца. За что честь и хвала школе и Елене Анатольевне Дурново.

Первым в школу «СтАрт» начал ходить старший сын Лев. Помню, что водить его туда было

одним удовольствием. Задания вызывали восхищение и даже зависть, что в моем детстве этого не было... Можно было пропустить любые занятия, но это почти никогда! Лев доучился до конца (благодарю за терпение замечательную Елену Анатольевну Дурново), сделал диплом — аквапарк-трансформер, учился потом в архитектурном и дизайнерском колледжах.

А приводили мы Льва с маленькой Ниной, которая при виде такого обилия красивых материалов входила в азарт и начинала раскидывать его карандаши и фломастеры... А я мечтала, что вот и она, возможно, тоже будет здесь учиться.

И все сбылось: Нина поступила с первого раза, попала в группу к чудесной Ольге Аркадьевне.

Многое вспоминается... И первое занятие дома у Ольги Аркадьевны, знакомство, очень дружелюбная атмосфера во время занятий, родителям разрешалось присутствовать и даже немного участвовать в творческом процессе, необыкновенный «Бал мусора», новогодние поздравления, экскурсии с Никитой Шангиным. Ольги Аркадьевне удивительным образом удавалось сохранять дух студийности в школе. Оторвать от этого меня мог только маленький Боря, с которым мы теперь приходили за Ниной, и теперь уже он раскидывал фломастеры. А я все мечтала, и ведь все опять сбылось... Боря занимался у Ирэны Вячеславовны, а потом тоже у Ольги Аркадьевны, и у Андрея Мунца уже перед поступлением. Сейчас он студент МАрхИ, кафедры дизайна. Нина окончила Московскую международную киношколу, училась в ГИТИСе, в мастерской Д. Крымова. Думаю, что тот мощный творческий заряд, который они получили в детстве, ведет их до сих пор.

С младшими, к сожалению, регулярно ходить уже не получалось, да и «СтАрт» изменился, но некоторое время Саша и Соня посещали занятия Елены Анатольевны, это была как прививка, мне казалось, что иначе образование их будет неполным. Так что можно сказать, что все наши дети так или иначе выросли в стенах любимого «СтАрта», а педагоги стали друзьями нашей семьи, с любимым администратором Кирой Дворец мы совсем породнились, когда узнали, что мама ее мужа Фёдора была лучшей подругой Сашиной бабушки — актрисы немого кино Анель Судакевич. Так что «СтАрт» — это действительно наша большая семья.

ЕКАТЕРИНА ЗАХАРКИВ
поэтесса, лингвист,
переводчик, исследователь
современной поэзии

Мне повезло учиться в группе под руководством Инги Михайловны Абаевой, директора и основательницы школы «СтАрт». С момента окончания прошло уже больше 15 лет, но я до сих пор с благодарностью вспоминаю то время, пожалуй, именно Инга Михайловна положила начало моему творческому пути (недаром школа называется именно так — «СтАрт»). Я не продолжила свое архитектурно-дизайнерское образование, посвятив свою профессиональную жизнь совсем другой сфере, но в школе, именно благодаря Инге Михайловне, я научилась очень важным вещам, определившим мое дальнейшее развитие. Я хочу рассказать не о конкретных прикладных техниках рисования, моделирования и проч., но о более общих — экзистенциальных уроках.

Во-первых, это регулярная творческая практика самовыражения с сохранением здорового градуса самоиронии и рефлексии. Как мне кажется, без этого очень сложно, если не невозможно выстроить диалог ни с собой, ни с окружающими... Еще, благодаря особому методу Инги Михайловны, мы обрели художественный взгляд на мир: он включает в себя способность взаимодействовать с реальностью, изменяя ее, и такую точную оптику, которая позволяет рассмотреть скрытый потенциал вещей, формируя к ним личное отношение. Для (будущих) художников (и, кстати, поэтов) это фундаментальное умение. Конечно, «СтАрт» — это еще и встреча. В общеобразовательной школе у меня было несколько подруг, но в целом я не чувствовала себя там комфортно. Я была достаточно замкнутым и избирательным в плане общения ребенком. От Инги Михайловны же не хотелось уходить — это был второй дом, не говоря о том, что иногда мы с Ингой Михайловной ездили на семинары в усадьбу Суханово, где вместе целыми днями работали над проектами, общались и играли в разные веселые игры. Инга Михайловна всегда была с нами, направляла нас, читала нам книги, разговаривала, между нами не было классической дистанции, которая обычно поддерживается между учениками и преподавателями, но для нас она оставалась авторитетом, и мы, конечно, восхищались ею и любили ее. И это была, без сомнения, взаимная любовь.

Родители иногда ждали нас до самой ночи, пока мы не закончим. Впрочем, они тоже весело проводили там время друг с другом. Да, Инга Михайловна научила нас еще кое-чему — увлеченно трудиться. Я без преувеличения могу сказать, что это произошло именно в «СтАрте» — тогда я впервые почувствовала, что не хочу отрываться от любимого дела. В будущем это создало некоторую проблему: я, неспособная к самообману, еще долго и мучительно затем искала такие занятия, которые были бы мне по сердцу. Ими оказались поэзия и наука.

Мне кажется, что если бы не «СтАрт» и лично не Инга Михайловна, моя жизнь могла сложиться более скучно и неполно, так что это действительно незаменимый человек в моей частной истории, но и не только в ней, я не боюсь таких громких слов, — в истории человечества вообще таких людей, таких педагогов очень мало и они очень ценны!

ДАРЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ
лингвист, специалист
по международной
коммуникации

Мы пытаемся дать нашим детям то, что необходимо для их дальнейшей жизни, мы думаем о том, как защитить их, как напитать и одарить так, чтобы их дальнейший путь был гармоничен, интересен и наполнен. И с этой точки зрения я считаю, что моему сыну Давиду очень повезло попасть в группу к Ольге Аркадьевне Бармаш.

Уверена, что Ольга Аркадьевна и ее школа дает детям возможность стать человеком более широких взглядов, жить, утыкаясь не только в свои нужды и свою жизнь... Она стимулирует быть человеком думающим и чувствующим.

Как-то не описать это обычными словами типа «развивает», «обучает» и «наставляет»... Когда я вспоминаю занятия Давида с Ольгой Аркадьевной, то просятся такие метафоры, как «дышать» искусством, «играть» с конструкциями, «лепить» образы новой архитектуры. Думаю, что занятия в студии можно сравнить с полетом Ливингстона Чайки: полет свободный, творчество и инициатива только поощряются, но при этом всегда рядом есть заботливое «крыло» мастера, который вовремя поддержит, направит и даст задания на работу мысли.

Однажды Ольга Аркадьевна предложила мне написать сценарий для ежегодного выпуска курса школы «СтАрт». Если мне не изменяет память, это должен был быть ее финальный выпуск, и она хотела бы, чтобы он отличался от обычного способа защиты дипломных проектов.

Я никогда не писала сценариев, но при этом, скажу честно, подпрыгивала на стуле от радости и предвосхищения работы, но одновременно мне было страшно — такая ответственность!

Села обдумывать, как же описать все неопи-сваемое и уместить в несколько страниц весь творческий путь детей с Ольгой Аркадьевной? Эти минуты вдохновений, часы кропотливой работы, недели размышлений, месяцы выстраи-вания концепций? Ух!

Ольга Аркадьевна сказала, что хотела бы отойти от привычного и приевшегося (для нее, во всяком случае) формата защиты диплом-ных работ прошлых лет. Смысл в том, что дети в течение года изучали искусство разных эпох, пробовали свои силы в разных направлениях, и к концу года каждый из них должен был вы-брать какой-то проект, который представит на выпускном.

По сути, что у нас есть? Есть ученики выпускного класса, есть большое количество работ, причем некоторые из них такие массивные и сложные, что выносить их надо по частям, строить тут же в реальном времени и как-то все это надо сде-лать красиво. Все работы представляют разные вехи в искусстве: от первобытных каменных построек дольменов до перформанса в стиле авангарда.

Вариант придумать кросс-культурный сюжет и использовать работы ребят как декорации отпал сразу: не такой я талантливый и опытный сценарист. И тогда, после некоторых раздумий и совместных обсуждений с моим умнейшим мужем, мы решили, что тут нужно что-то очень простое и лаконичное. Знаете, когда вам кажется, что нужно придумать что-то эдакое, и вы начинаете ломать голову днями и но-чами, самое верное, что нужно сделать, это расслабиться и посмотреть прямо рядышком, оглянуться, потому что в 99 процентах случаев решение находится прямо у вас под носом. Так частенько бывает! И так же получилось со сценарием. Сидишь так и говоришь сам себе: «Им нужно придумать, что делать с дипломом... им нужно придумать, как все это интересно показывать... им нужно...» И в эту секунду

я увидела образ: светлая сцена, ребята и Ольга Аркадьевна в своей мастерской думают, что же делать с выпускным. Мы покажем процесс обсуждения! Все в черном, все попеременно появляются в луче света со своими работами, играет музыка... Хотелось поймать и передать эту удивительную заряженную творчеством, на-электризованную атмосферу, которая создава-лась на занятиях у Ольги Аркадьевны.

Сценарий создавался летом, в глубинке Псков-ской области, под мерное жужжание комаров, вкусный запах кофе, всплески от купания детей и вечерние бдения с пловом. Самое правильное место для создания сценария! Мне очень по-нравилось работать над ним!

Осенью мы начали репетировать. Смешных моментов было много: дети не слушались, раз-бредались по сцене, по репетиторам, по кафеш-кам, но в целом было здорово, что они радели за свои работы и в общем-то были собраны. Была, конечно, сложная задачка, чтобы высве-тить все это правильно и точно — делали все это своими силами, благо, мой суженый имеет большой опыт работы в театре и мастерски умеет простроить световой сценарий таким хитрым образом, чтобы использовать все, что нам доступно.

Самое удивительное было в вечер выпускного! Я стояла в командной рубке, рядом с мужем, который управлял светом с пульта. Все про-исходило в режиме реального времени, и мы были, как в прямом эфире, готовы ко всяким неожиданностям. Я рулила музыкой и пыталась сдерживать свое волнение. Но больше, конечно, во мне было восхищения и радости! Они такие красивые были там: все в черном, все взрослые и такие талантливые! Переполненный зал был живым и дышал вместе с нами той атмосфе-рой творческой игры, которую мы создавали на сцене. Думаю, что у нас получилось сделать так, что каждый смог ощутить себя не про-сто зрителем, но и участником мастер-класса нашего любимого и неизменного мастера Ольги Аркадьевны Бармаш.

Для меня этот спектакль очень важен, и он оста-нется в моей памяти навсегда! Спасибо Вам, дорогая и удивительная Ольга Аркадьевна!

ЕВГЕНИЙ ОКИНШЕВИЧ
кандидат архитектуры,
профессор МАРХИ

Хотелось бы начать с высказываний моего сына Николая Романова: «Вспоминая занятия в студии «СтАрт», в первую очередь приходит на ум разнообразие техник и средств, азы которых нам преподавались. Карандашная графика, гуашь, работы тушью, коллажи и макетирование — эти и многие другие инструменты экспрессии были предоставлены нам, ребятам шести-восьми лет, в свободное пользование без каких-либо удушающих формальных рамок. Давалось направление в виде темы и техники, давались база и кругозор в виде знакомства с искусством разных эпох, но я не вспомню случая, когда кто-то вел мою руку с целью показать «как надо». Пожалуй, такое поощрение свободы творчества под чутким руководством высококлассных преподавателей и талантливых художников и архитекторов (Е.А. Дурново, О.А. Бармаш) и было самым ценным аспектом учебы в студии, оказавшим влияние на всю мою дальнейшую творческую деятельность».

Что касается моей личной оценки — студия определила неожиданное новое направление преподавания детского творчества. Харизма и креативность преподавателей удивительным образом влияли на детей-учеников. Занятия, семинары, выставки и разное живое общение всегда на основе игры и творческого спектакля. Архитектурно-художественное начало в задании... и опять спектакль... Изучение окружающего мира, общей истории искусств и в целом человеческой культуры через детские творческие задания вносили неоценимый вклад в развитие художественного и дополнительного диапазона в общее образование.

Мои личные наблюдения как преподавателя МАРХИ: все студенты, которые учились в студии, всегда отличались индивидуальным поиском и новаторством в архитектуре и художественном творчестве.

НИНА МЕССЕРЕР
Санкт-Петербургская школа
нового кино, мастерская
кинокритики

Благодарю маму, которая нашла «СтАрт» и привела меня туда совсем маленькой девочкой. Благодарю Ольгу Аркадьевну за возможность, веру и нашу встречу! То, что заложилося там, помогает и живет со мной по сей день. Походы в «СтАрт» я воспринимала как праздник, а процесс — как игру. И от этих двух слов я отталкиваюсь, вспоминая о нем. Потому что для меня цель творчества в том, чтобы процесс стал своим или общим приключением. Побывав в разных областях и попробовав разные специальности, я понимаю, что это самое ценное. И хорошо, если получается находить свои места и своих людей. «СтАрт» стал первой такой площадкой. Я попала туда, куда нужно, к учителю, который в меня верил и поддерживал (О. А.), там я взаимодействовала и дружила с прекрасными ребятами.

Задания, которые нам давала Ольга Аркадьевна, формировали вкус, взгляд на форму и цвет, давали много возможностей. Акцент делался на архитектуре, но я не стала архитектором. Хотя долго об этом мечтала и исследовала. Помню, как в восемь лет, приехав с мамой в Петербург на несколько дней, я ходила по городу как зачарованная, не в силах оторвать взгляд от его красоты и гармонии.

С темой пространства я пересекаюсь постоянно через театр и кино. Я проучилась шесть лет в киношколе, а потом поступила к Дмитрию Анатольевичу Крымову на художника-постановщика. Там мне удалось ощутить пространство как коробку и поиграть с ним.

Сейчас я решила отделиться от привычного мне способа выражения (деятельного) и научиться структуре и собранности через слово и анализ фильмов. Здесь тоже разговор идет о пространстве, только оно растянуто во времени.

Так что уроки «СтАрта» всегда со мной.

МАРИЯ ГИРБА
PR-директор музея AZ

Хорошее начало — половина дела.

А к старту не все готовы. Я не была — ведь поступила не сразу: провал на экзамене, год тщательной подготовки, и вот — о чудо! — меня взяли!

Что я вспоминаю первым, когда думаю о «СтАрте»? Запах. Макетной пыли, красок, многочисленных людей в тесных коридорах и совершенно непередаваемый дух волшебства. Скажете «СтАрт» — и в памяти появится именно здание в Гранатном переулке.

Вот взрослый Дом архитектора, а совсем рядом — дом-шкатулка с фонтаном детских фантазий: от одного до другого — несколько шагов. Или десятки лет обучения и сотни проектов?

Когда дела поблизости — дай, думаю, пройду мимо. Ни на что не надеясь, ну просто! Вдруг еще можно заглянуть в дверь и попасть в Нарнию воспоминаний, увидеть макетные сокровища, расставленные прямо здесь же и повсюду — на высоких полках, под потолком, в шкафах и тумбах.

Но училась я уже в «СтАрте» на Зоологической.

Общеобразовательную школу я не особенно любила — правила французского и алгебры мне давались без любви.

Но мне повезло — в школу, в класс Ольги Аркадьевны Бармаш попасть было счастьем! И удивлением: а так можно сделать? И вот так — тоже? Законы творчества не подчиняются известным условиям, каждый раз ты находишь собственный путь, нащупываешь его тонкой линией рейсфедера, проводишь по краю макетным ножом.

И эти поиски своего личного пути, независимость твоей индивидуальной творческой задачи стали самым важным уроком Школы.

В жизни каждого, особенно ребенка, нет ничего сакральнее, чем мнение Учителя. Не всем удастся найти Мастера, который знает ответы на все вопросы, а мне — повезло. Недостижимый образ Клеопатры, моментальное умение вникнуть в вопросы учеников и дать четкий и хлесткий совет — все эти проявления

Ольги Аркадьевны Бармаш, нашего учителя, сформировали во мне видение настоящей и безграничной женственности.

«СтАрт» — это повод учиться не только дизайну или архитектуре. Это формирование целого и цельного взгляда на жизнь. Умение найти творчество в самом заурядном процессе. И теперь, по прошествии многих лет после окончания, так хочется, чтобы и наши дети, и тех, кто учился, окончил, получил этот опыт, нащупали собственный путь и нашли своего Проводника.

ИННА И ВАЛЕРИЙ САЛИХОВЫ
родители учеников класса Николая Волкова, архитекторы

Методика Николая Николаевича Волкова, с нашей точки зрения, была основана на комплексном и взрослом подходе для всестороннего изучения предмета проектирования на основе аналитики. Мы видели поступательное движение в образовании нашего ребенка в плане параллельного взросления. Применяемые технические приемы в заданиях не были ограничены формальным запросом — Николай Волков всегда приветствовал разнообразие собственных форматов подачи, характера и художественного выражения идей. Много времени он уделял общению: обсуждал проекты с учениками, разговаривал с родителями о целях и задачах занятий. Нам как архитекторам его тематические задания с подробными комментариями были понятны, а подход виделся логичным и верным. Он формировал идею и знал, как эстетически продуманно выразить эмоцию, сложить пазл из нестандартных решений, научиться не ограничивать фантазию рамками типовых и очевидных решений. Научить видеть и «читать» архитектурные детали, суть и взаимосвязи объемов, приемы формообразования и навыки конструирования требуют действительно значительного времени и постоянной самоотдачи педагога. История изобразительного искусства и архитектуры, знакомство с современными технологиями и моделированием, планирование проекта — круг знаний, которыми делился Николай Николаевич с детьми,

огромен. Мы уверены в главном — каждому из учеников его занятия дали импульс для разностороннего развития.

В 2016 году Тарас работал над дипломом, тема которого называлась «Рельеф». Николай Николаевич взял за основу анатомические части тела человека, кисть, стопа, глаз, ухо и так далее. Тарас задался вопросом, можно ли такой рельеф рассматривать как нечто большее, чем просто декоративный объект. В итоге размышлений он подошел к пониманию общей структуры кисти и многофункционального здания — хаба.

МАРИЯ ОСПИЩЕВА
выпускница «СтАрта»,
архитектор

У нас была отличная группа чуть разных по возрасту детей. Но это было и неважно, Николай Николаевич разговаривал с нами, как с взрослыми. Это было не всегда понятно, но очень эмоционально. На каждое занятие Н. Н. приносил свои маленькие зарисовки, схемы, чтобы донести до нас тему урока. Со временем понимаешь, что именно этот подход сформировал нас, учеников, как творческих личностей и дал огромную базу в чувстве композиции и основ архитектуры. Ник-Ник — так звали мы между собой нашего учителя, имел привычку «тырить» у нас карандаши. Подойдя к ученику, он брал наш карандаш и начинал объяснять и зарисовывать, потом клал карандаш в карман и переходил к другому ученику. В конце урока обязательно кто-нибудь не досчитывался своего «орудия труда». И Николай Николаевич выворачивал карманы, смеялся и извинялся. Столько воспоминаний о том времени... Походы на выставки в Дом художника на Крымском Валу, Пушкинский музей. И везде нестандартный подход... Например, эротизм в картинах Джорджо Моранди или эстетика в «мясных тушах» Михаила Шемякина. Такое застревало в детской памяти навсегда. Особенно яркими остались в памяти наши пленэры во дворе особняка Рябушинского на Малой Никитской. Николай Николаевич договаривался, и нас пускали на территорию особняка с прекрасным садом. Сейчас это кажется нереальным, в Москве теперь иногда невозможно попасть и в обычный московский дворик. Мы свободно располагались на траве и начинали творить!

МАРИЯ МЕСХЕТЕЛИ
архитектор

Странная случайность срезала пласт повседневного, отбросив мои воспоминания лет на 30. Стандартные рабочие будни. Утро. Архитектурное бюро: «Здравствуйте! Я по рекомендации». Светловолосый юноша с приятной улыбкой зашел и представился: «Петр! Я ваш новый чертежник и, конечно, будущий архитектор». Вдруг возникло чувство родства... хм... странно. Ну и по-неслось: работа... дни... задачи... сдачи... день за днем. «Петр, почему не в МАрХИ учились?» — вдруг вопрос сам сорвался с языка. Это, наверное, «то самое, родственное» наваяло, и все же прорвалось спустя пять месяцев совместной работы. «Да вот как-то все банально: деньги, репетиторы...», и как гром среди ясного неба выдает: «Мне всегда Николай Николаевич говорил: “Иди в МАрХИ, ты парень толковый”, — и сам себе внутри улыбается, белесыми ресницами мельтеша, не отрываясь от компа: — Ну, знаете, такая студия “СтАрт” для детей?» И еще шире лыбится себе в экран. Да уж, студия «СтАрт» и личность так личность — эпохальная! Николай Николаевич Волков — гений в введении в профессию и не каких-то там школьников, а истинных пяти-, шестилетних творцов!

Своим преподавательским даром не дорожил, даже как-то почти отрицал свой талантище. Уникальные методики на крохотных листиках, не конспектировал, а зарисовывал схемками с мелкими пометками! К взрослым и к пятилетним абитуриентам обращался исключительно на «Вы»! Мы тогда, в далеком 1985-м открывали шедевры с Матиссом и Брейгелем, Модильяни и Лотреком. Повезло нам невероятно быть первыми учениками студии «СтАрт» — первый набор, так назывались тогда потоки и группы, был уникален: Кирюша Асс и Федя Скокан, Костя Кузнецов — Кузя, Филипп Рукавишников, Лёня Ханнин, Алиса Пастернак, Ромка Крихели, чуть позже любимая моя Машуня Оспищева, Машка Шумакова и многие небезызвестные сегодня фамилии архитектурного мира проектировщиков. Вот добавилась и моя в этот список разновозрастных деток. Влетела я с тренировки по плаванию, ворвалась с короткой стрижкой недосушенных волос, с опозданием месяца на полтора.

О первых посещениях выставок в сопровождении Николая Николаевича невозможно не упомянуть! И сейчас не все знают, что, например, «Черный квадрат» Малевича хранился

в запасниках Третьяковской галереи на Крымском Валу, и очень мало кто знает, что тогда, в 1985–1990-е годы, там устраивались феноменальные выставки русского авангарда — «Великая утопия», Татлин, Попова, Филонов, Кандинский — и валом народ не валил. Очереди появились спустя лет пять. Может быть, только выставка Малевича в 1989 году притянула больший поток посетителей, но все равно «Великая утопия» закрывалась с полупустыми залами... Тем более впечатляющей была картина вокруг высокого, статного, эмоционально говорящего человека, окруженного детьми. Редкие посетители, уловив хоть пару его слов, уже не могли оторваться. Плотно, не замечая нас, обступали, и, как хвост кометы, следовали на примагниченном расстоянии за нами. Для нас-то это был любимый педагог, мы в этом росли, и это было естественной средой для нас. Оценить безусловную звезду в это время нам было не под силу. Вот подшутить над эротизмом, который наш Ник-Ник мог увидеть даже в «квадрате» или «двух вазах», — это пожалуй ста. Всем нам нравилось быть по-взрослому снисходительными к нему и одновременно гордиться, что все вертится вокруг нас. Оценить всю глубину вложенных в нас знаний получилось только спустя десятилетия. Безусловно, он был одарен умением концентрироваться на идеях и размышлять с нами о сути предмета внимания. Было много выездных занятий — Третьяковка, дом Пашкова, особняк Рябушинского... Прекрасный особнячок с парадным крыльцом и фонарями на входе... с теплотой внутреннего освещения, простой обстановкой и душевностью творческой магии, щедро струящейся из больших заниженных окон. Теперь в воспоминаниях все живет как единый организм — продолжение самого Николай Николаевича, от его тембра голоса и манеры говорить до колкого взгляда... Ругался он на нас, к слову сказать, тоже абсолютно как на зрелых личностей, с некоей досадой и прямым личной обидой, а нам-то и одиннадцати не было.

Многим, кстати сказать, Николай Николаевич был неудобен. Как любой гений, он так и остался не принятым, «нестандартом» для многих мамаш, например, родители иногда жаловались.

«Умер Николай Николаевич, вы не знали?» — спросила я. Петр почему-то даже не отреагировал. «Такой человек не похоже, что умереть может», — странный ответ, и опять в точку! Есть люди, которые оставляют так много тепла в душе и настолько мощный трамплин для будущего, что не могут восприниматься ушедшими... В наших глазах он был человеком, принадлежавшим не кому-то конкретно, а всем разом: и малышам,

и нам — первому выпуску, и всем будущим поколениям наших детей. Ему не надо было чувствовать себя художником, или свободным — он был всегда свободен — свободен от средств, от кофе. Как ярчайшее воспоминание: «Закончился кадий? Ну, так вкусите (исключительно на “Вы” к ученикам) охру! Вот у меня чай черный закончился, я, например, Константин, наслаждаюсь вкусом воды, привыкаю, ищу разницу в кипятке и подогретой сырой...» — объяснял он Кузе, которому было лет одиннадцать. Волков Николай Николаевич скончался 24 января 2017 года, на 75-м году жизни. Он ушел от всех разом. Самобытный, яркий, с непростым характером педагог. Это позже творческие работы его учеников стали часто, много отмечаться дипломами и грамотами фестивалей и смотров — «Зодчество» (Золотой диплом 2001, 2006, 2008, 2015 гг.), фестиваль науки Московского архитектурного института, дипломами президента Союза архитекторов России, фонда Якова Чернихова, почетными грамотами Департамента культуры города Москвы.

А первые годы студии держались на хрупких женских плечах, и на самом деле только две поистине уникальные, с очень сильными характерами женщины смогли его уберечь, защитить, сохранить для детей. Основатели студии «СтАрт» Инга Михайловна и Ольга Аркадьевна всегда были семьей для нашей неординарной личности. Они всегда готовы были унять бабушек, оградить от бытовых материальных проблем, оценить самые смелые и не всегда однозначные идеи тогда еще 43-летнего преподавателя.

Николай Николаевич совмещал педагогическую работу в студии «СтАрт» с преподаванием в МАРХИ на кафедре основ архитектурного проектирования и подготовительном отделении. Вся его жизнь — яркий пример беззаветного служения воспитанию молодого архитектурного поколения. Эту любовь к своей профессии он передал своим ученикам. Многие выпускники Николая Николаевича Волкова состоялись в профессии.

ДАРЬЯ ЗАЙЦЕВА
архитектор

«СтАрт» для меня стал одним из фундаментов становления. Моя семья никак не связана с творческой деятельностью, но им очень важно

было, чтобы я начинала искать себя. Со спортом не сложилось из-за здоровья, с музыкальной школой тоже были сложные отношения. Но когда я в шесть лет пришла в «СтАрт», сразу стало понятно, что это мое.

В «СтАрте» я нашла друзей, с которыми общаюсь до сих пор, а ведь прошло уже больше десяти лет со дня окончания школы. Атмосфера «СтАрта» и задания, которые мы выполняли, помогли мне осознать, что я сама создаю свой мир и свое будущее, главное — быть смелее.

Отучившись потом в МАрХИ и в МАРШ, я продолжила архитектурную деятельность, но совсем на другом уровне. Сегодня я практикующий архитектор-художник, веду персональные проекты, гастролирую по России с творческими архитектурными воркшопами. Я очень четко осознаю, что если бы в моем детстве не было этой Школы, то вряд ли я была бы сейчас тем, кем хотела стать.

Спасибо большое родителям, что они решились на такой шаг, и моему преподавателю Дарье Валерьевне за любовь и заботу!

МАКСИМ БОКСЕР
коллекционер

(Фото Романа Цурцумия)

Это было всего двадцать четыре года назад. Я прекрасно помню этот день. Мы шли с моей женой Ольгой и сыном Кириллом вверх по Спиридоновке в сторону Гранатного. Была любимая мягкая сентябрьская погода, и, наслаждаясь пустынной Москвой, я гнал от себя преследовавшую меня мысль о том, что очень скоро дни станут совсем короткими, погода — мерзкой, а этот путь превратится в повинность: отводить десятилетнего малыша на какие-то очередные занятия, а потом, тупо перелистывая страницы, изображать из себя увлеченного читателя, чтобы не разговаривать с такими же родителями, и часами ждать его в каком-нибудь тусклом коридоре... Я гнал от себя эти мысли, но они навязчиво возвращались и мешали слушать Ольгин восторженный рассказ о «СтАрте», и лишь отдельные слова доходили до моего сознания: набросок, рисунок, проект, чертеж, макет, мне же еще придется его и клеить, а не праздно переворачивать страницы. Мы неумолимо приближались, и наконец Кирик

взял меня за руку и сказал медленно и как-то таинственно: «Смотри, вот...»

Мы стояли перед маленьким, вернее, компактным, угловым, очень московским особняком; я не буду его описывать, каждый прекрасно знает, как выглядит идеальный дом, в который должен ходить на занятия ваш ребенок, если вы хотите вырастить культурного человека.

Меня немного отпустило, и с блуждающей улыбкой я стал про себя отмечать детали — стены, цвет, окна, дверь... Мы вошли, и я замер. Перед нами стояла шикарная, взрослая женщина с огромными миндалевидными глазами, невероятного янтарно-зеленого цвета; одета она была дорого, скромно и элегантно... Я был совсем молодой и, конечно, не мог вымолвить ни слова, скажу сейчас — такая женщина должна учить вашего сына архитектуре, если вы хотите вырастить настоящего мужчину.

Как я любил приходить в этот дом.

ВЕРА ЗОЛОТАРЁВА
выпускница класса
Ольги Бармаш

Окончив «СтАрт», я не стала ни архитектором, ни дизайнером — в общем, не стала делать никакое визуальное искусство своей профессией и внезапно для всех пошла на психфак. Но вот я здесь, пишу про свое художественное прошлое, которое сплелось с настоящим и расплетаться не желает, несмотря на достаточно кардинальную смену обстановки. Так уж вышло, что в «СтАрте» сформировалась большая часть моего мировоззрения и личности, а не только практические навыки.

Когда я вспоминаю себя-подростка, то у меня не появляется ассоциаций со школой. Сразу думаю про «СтАрт». Вероятно, дело в контрасте: «СтАрт» воспринимался как территория свободы, а в школе было много непонятных ограничений, требований и необоснованного воспитательного тона, скользящего во всей системе. Этот контраст только подчеркнул симпатию, которая могла сформироваться у ребенка и подростка к месту, где ему интересно, весело и куда он ходит добровольно. В школе никогда не было ощущения, что в тебе что-то хотят воспитать — даже пресловутый хороший вкус. Была методика, в ней была логика и определенный

посыл, который дети считывали, обучаясь, но всегда оставалось место для самовыражения. Хотя сейчас как байку вспоминаю, что был у меня свой творческий бунт: на макетировании не любили мои работы, потому что все линии были изогнутые. Постоянно лез какой-то модерн с растительными орнаментами.

Занимателен эффект метода «СтАрта», который я наблюдаю на своих повзрослевших одноклассниках и друзьях из других групп (да, то, что мы до сих пор общаемся, тоже показательно, потому что действительно ощущается что-то общее). Не все стали архитекторами, кроме меня есть еще люди, которые ушли в другие сферы. Но всех отличает какая-то особая находчивость, вкус к красоте во всем и — вот это тянет на интересные гипотезы и исследования для меня уже как для психолога — тенденция к социальной успешности. Дети, рисовавшие невозможные фигуры и делавшие коллажи из картона и старых журналов, вырастают в сильных и ярких взрослых. Возможно, так действительно влияет развитие гибкости мышления в детстве. Тут я считаю забавным опытом прохождение тестов на IQ. Обучение на психолога не избавило меня от скепсиса по отношению к попыткам измерить цифрами такие штуки, как интеллект и эмоции, но, надо признаться, немного льстило получить высокий результат. А такие тесты часто построены как раз на проверке пространственного мышления — надо достраивать фигуры, мысленно вертеть что-то объемное, переносить на незаполненное поле орнамент, прикидывая, как он изменится, — в общем, делать примерно то, чему нас учили. Вероятно, в среднем тест на интеллект для всех выпускников «СтАрта» был бы гораздо выше нормы.

Было в стартовой методике, созданной Ингой Михайловной и Ольгой Аркадьевной, то, что действительно учило мыслить — мыслить нестандартно, мыслить по-разному, мыслить в своем уникальном стиле. Любовь к красоте и эстетике, умение создать ее вокруг себя буквально из чего угодно — все это тоже в нас развивалось благодаря обстановке, в которую мы попадали, и примерам преподавателей. Теперь я узнаю стартовцев по сочному стилю подачи буквально чего угодно, будь то архитектурный проект, пост в сетях на случайную тему, летняя фотография с пляжа — во всем будет свой характер, который человек оттачивает, чувствует, ценит.

И все же для меня в «СтАрте» одной из самых важных вещей стала атмосфера, совсем непохожая на атмосферу в школе. То, как мы катались на матрасах с лестницы в усадьбе

Суханово, громкой толпой выбегали на переменах в магазин (из-за того, что рядом расположен зоопарк, иногда вместе с нами громко трубили слоны), как разбрасывали конфеты и наушники прямо между макетами. На итоговых выставках гуляли, стараясь не наступить на ковер из лежащих на полу работ за весь год, ночами пели песни в поездках на пленэры и ради приличия прятали от преподавателей алкоголь, раскланиваясь в коридорах и взаимно делая вид, что друг друга не поняли. Действительно, так получилось, что большинство моих подростковых приключений и эмоций связаны со «СтАртом».

Смесь этой живой, хулиганской энергии и серьезной творческой работы и есть мое впечатление о «СтАрте». Я думаю, благодаря этой смеси проведенное в «СтАрте» время так впечатывается в память.

НАТАЛЬЯ ДЗЯДКО
правозащитник

Как мы познакомились со «СтАртом»?

Восьмидесятые. Моя подруга Лена из Трубниковского переулка гуляла как-то с коляской тихими арбатскими переулками, заглядывала в окна — благо рост позволял. В окне на Вспольном увидела множество детских затылков — дети были заняты явно чем-то очень интересным. Зашла, оказалось, дети изо всех сил дуют на кляксы, а потом внимательно разглядывают и обсуждают, кто какие загадочные существа там увидел.

И не только дети дули на кляксы, взрослые тоже — Инга Михайловна Абаева и Ольга Аркадьевна! (так на долгие годы в одно слово и с восклицательным знаком и сейчас звучит имя Ольги Аркадьевны Бармаш).

Своего старшего сына Лена сразу же туда записала, потом пошли мои племянники Дзядко, потом моя дочка Ксения Васильева, даже был небольшой экзамен, и ее птица Зина понравилась «строгой приемной комиссии». Так мы связали свою жизнь и судьбу с этой студией.

«СтАрт». Это молодые архитекторы придумали такую вот детскую студию, где будет постоянно интересно и ученикам, и учителям, и родителям учеников. Никаких скучных родительских

комитетов, а просто собираются родители в начале учебного года и выковыривают засохшую гуашь, собирают ее в большие банки и оживляют — годы были восьмидесятые, «тощие»... Притаскивают бумагу — нереализованные тиражи старых календарей, клей, лоскуты, проволоку. А потом вместе с детьми участвуют в уроках — долгих, надо сказать, часа по четыре. Вместе чай пьют и работают.

Лозунг «Мы так не придумаем, а они так не делают» — по детским рисункам мамы шьют подушки и костюмы, помогают смастерить нужный головной убор.

Место замечательное — чудесный особнячок на Вспольном — кому он принадлежал, что там постоянно все рушилось и текло? Тогда сдвигались столы в другой угол и ставилась огромная бочка для приема дождевых вод. Детям нравилось, а гости студии — какие-то иностранцы пришли познакомиться со «СтАртом» — были удивлены не только детскими работами: ковровая развеска, все стены в детских картинах, но и лужами на полу.

Еще до всяких перестроек и некоторой свободы на всех, в том числе и художественных, фронтах пришел на Вспольный Малевич из самых дальних музейных запасников, был Татлин со своими шляпами, была Маврина, был Пушкинский, был Тенгли — и не только, классику не забывали никогда. Выставки, прекрасные альбомы, наши замечательные учителя не жалели ни сил, ни времени. Детям было предложено познакомиться с самыми разными течениями в искусстве и попробовать себя в любом рисовании — карандашами, фломастерами, на кальке, они процарапывали свои картины гвоздями и расписывали деревяшки. Как тогда, тридцать лет назад, все это было внове!

Сколько было посещений музеев, экскурсий просто по улицам, поездок за город и в другие города, и даже за границу! Никогда не было скучно. Не искусство ради искусства, а жизнь целиком, Инга Михайловна, Ольга Аркадьевна и их соратники Ирэна Вячеславовна, Ирина Борисовна. Какие праздники были, чего только не лепили, чего только не строили, какие сказочные детские костюмы, самых разных эпох! До сих пор у нас хранятся браслеты Нефертити и небольшой очень уютный саркофаг. Тогда не было возможности каждый день в «Фейсбуке» демонстрировать ученические работы, но как дорого было участие каждого ребенка в выставках — Дом архитектора, ЦДХ. Там ежегодно были выставки студии, там на сцену выходили наши дети. Каждый представлял

свое — готику, классицизм, модерн и каждому костюму — свою музыку, свое движение.

Хорошим вкусом наши дети «отравлены» на всю жизнь!

ТАТЬЯНА ПАНИЧЕВА
руководитель студии детского довузовского архитектурно-дизайнерского образования при кафедре дизайна ВГТУ «СТУПЕНИ» (Воронеж), основана в 1989 году

Появление двух поистине легендарных Школ — ЭДАС Владислава Кирпичёва и «СтАрт» Инги Абаевой и Ольги Бармаш в конце 70-х — начале 80-х годов для меня определило движение архитекторов в преподавание проектного мышления детям. За ними по всей России образовывались эти, отличные от привычных изостудий и кружков, детские студии архитектурного творчества.

Ингу Михайловну и Ольгу Аркадьевну иначе как МИССИОНЕРАМИ назвать не могу. Они возглавили движение архитектуры в школьные программы. Через архитектуру, через проектное мышление дети изучали окружающий мир и всю человеческую культуру. Потрясающей харизмы эти женщины организовывали семинары в Суханове, выставки детского творчества в Доме архитектора, внесли их в программу ежегодного профессионального фестиваля архитектуры «Зодчество». Незабываемый «Мусорный бал» покорила не одного архитектора — это была феерия такого незнакомого до этих пор ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ! Работы стартовцев вдохновляли все школы страны. Их дипломные работы вызывали восторг и удивление. Я совершенно убеждена, что возглавившие это течение Инга Абаева и Ольга Бармаш внесли неоценимый вклад в развитие детского дополнительного образования!

ТАТЬЯНА СМОЛЯРОВА
филолог, профессор русской литературы университета в Торонто

В детстве я хотела быть архитектором. Не последнюю роль здесь играли восхитительные бумажные макеты, стоявшие в комнате моего

двоюродного дяди Льва Евзовича, ныне знаменитого художника, участника группы AES+F, а тогда студента МАрхИ. И эти макеты, прикоснуться к которым я не могла, так как они стояли где-то очень высоко, но любоваться которыми могла бесконечно, были одним из самых приятных моментов наших визитов в этот вообще любимый мною московский дом.

Я довольно рано стала делать всякие штуки из бумаги, и лет в восемь или девять меня отдали в архитектурную студию «СтАрт», тогда располагавшуюся в голубом особнячке на углу Вспольного и Гранатного переулков. «СтАрт» был необыкновенным местом — живым, веселым, умным, по-настоящему творческим. Нашей группой руководила Ольга Аркадьевна Бармаш, которая до сих пор учит детей «любви к трем измерениям» (выражение Осипа Мандельштама) и добивается удивительных результатов. Тогда все только начиналось, но и из нашей группы вышли известные и уважаемые ныне люди, например, Кирилл Асс (у меня до сих пор стоит перед глазами его детская работа — какой-то интерьер, сделанный из белых витых веревок, приклеенных к черной бумаге). Еще я помню, как нас водили на выставку Шехтеля (кажется, это было первое имя архитектора, которое я узнала), а потом, в студии и дома, мы клеили домики в стиле модерн. Еще мы все время рисовали «Город будущего». На главной площади моего города почему-то располагался «Институт Исследования Восьмиконечных Звезд» (потом мы представляли свои работы, и наши родители и преподаватели во главе с Ольгой Аркадьевной очень смеялись и говорили: «Хорошо, что не шестиконечных!» — я тогда ничего не поняла, но запомнила). Потом эти занятия стали накладываться друг на друга с КЛИ (Клубом любителей искусства) — искусствоведческим кружком в Пушкинском музее, и постепенно я перестала ходить во Вспольный.

В пятнадцать лет я вновь задумалась об архитектуре и даже поступила на подготовительные курсы к МАрхИ. Мне там очень нравилось (особенно нравилось именно брести вечером по Рождественке и бульварам), но получалось плохо, и было тяжело совмещать это с обучением в гуманитарном классе 67-й московской школы (впоследствии известной как гимназия № 1567). Курсы я довольно быстро бросила, и если о чем-то я и жалею, так это об архитектуре. Лучший курс, который я преподавала в своей жизни, был аспирантский семинар в Колумбийском университете, который так и назывался — Selected Topics in Poetry and Architecture. Мы преподавали его вместе с коллегой с искусствоведческого отделения.

Готовясь к этому курсу, я познакомилась с Александром Бродским, с которым потом мне посчастливилось по-настоящему подружиться: «бумажная архитектура» представлялась мне одним из самых ярких примеров взаимопроникновения архитектуры и поэзии. Я не знаю, какой формулой я могла бы описать тот импульс, личный и профессиональный, который был мне дан двумя годами, проведенными в голубом особнячке во Вспольном переулке, но чем дальше, тем больше я понимаю, что без них я была бы совершенно другим человеком. Я храню благодарную память об этом времени.

ЮРИЙ ГОРВИЦ
директор Центра
современного образования

Когда Аня, моя старшая дочь, училась в студии «СтАрт», у нас сложилась очень дружная группа детей и, что немаловажно, дружное сообщество родителей. И во многом этому способствовала неумная энергия и творческий запал нашего замечательного преподавателя, одной из двух соосновательниц «СтАрта», Инги Михайловны Абаевой.

Первой «дальней поездкой», которую я организовал, был выезд в Санкт-Петербург. Жили мы в школе в Петергофе и каждый день ездили в центр Петербурга на пленэры, рисовали и рисовали...

В 1995 году в Москву по нашим профессиональным делам приехал Евгений Борисович Новицкий, мой финский коллега.

Зная его интересы в сфере образования, я повез его в студию. Ему понравилась методика развития детей «через архитектуру», был в полном восторге от детских работ. «СтАрт» пригласили в Финляндию.

И в итоге согласования поездки договорились о формате: 15 детей плюс пять преподавателей.

От «СтАрта» поехали Инга Михайловна Абаева, наша любимая и незабвенная Кися, как звали ее дети, пять преподавателей и практически вся наша группа, которую вела Инга Михайловна.

И вот мы приехали в Хельсинки. Разместились в гостинице в центре города. Сходили посмотреть здание старой шведской школы, в которой

предстояло разместить экспозицию. А взяли мы с собой немало детских работ: их архитектурные игрушки, костюмы, светильники, шляпы и другие творческие «изделия».

Мы удачно попали: 1 апреля по всей Европе День дурака, подобно нашему Дню смеха. И в Хельсинки в этот день местные дизайнеры и творческие коллективы устраивают шествие по главной улице Маннергейм. На стартовцев, естественно, обращали внимание и участники шествия, и многочисленные прохожие — уж больно нестандартно выглядели наши ребята в своих «архитектурных» костюмах. Вечером нас показали по главному финскому телеканалу, и дети с преподавателями были счастливы.

А на следующий день, пока детей возили на экскурсию по городу, мы с преподавателями пошли делать «развеску»: укрепляли в школе наши экспонаты. На следующий день было открытие выставки, куда пришло много народу — финны сделали хороший анонс, и посетителей было достаточно: и дети с родителями, и учителя местных школ, и просто горожане.

А последующие дни мы проводили в прогулках и экскурсиях. Все было организовано идеально.

И на мастер-класс собрался почти полный зал, даже помню, что за мной сидела женщина с грудным ребенком в слинге. Тогда для нас это было еще непривычно.

Поездка в целом прошла не просто удачно, а очень! Ближе к завершению нашей «сессии» Новицкий попросил разрешения оставить все экспонаты в Финляндии, с тем чтобы провести вторую «сессию». Для нее понадобилось перевезти экспонаты из Хельсинки в Тампере, следующий мастер-класс прошел там. Он пригласил через некоторое время приехать вторую группу: еще 15 детей и пять преподавателей, конечно, на тех же условиях, за счет финской стороны. И эта поездка тоже успешно состоялась. Ее возглавила Ольга Аркадьевна Бармаш, сооснователь «СтАрта» и ближайшая сподвижница Инги Абасовой. Снова была выставка, семинар для учителей и дизайнеров. Обе стороны остались довольны.

ЕВГЕНИЙ БЕЛЯКОВ
психолог

Когда я вспоминаю о студии, в первую очередь вижу большую комнату с общим столом. За столом куча детей и рядом с ними наша Ольга Аркадьевна. Олечка Аркадьевна. Выдержанная, собранная, прямолинейная, без заигрываний с детьми и родителями, готовая вести в поход, но только тех, кто захочет пойти. И я бы отнес эту установку не столько к ее личным особенностям, хотя и это будет верно, сколько к методу.

Как бы я описал метод? Во-первых, хотя это и не главное, дети занимались делом со всей соответствующей делу ответственностью и самостоятельностью. Игровая атмосфера присутствовала, веселье допускалось, шутливое настроение было в общем рабочем замесе, но приятное времяпрепровождение не было самоцелью. Все было вполне серьезно, так, как если бы дети пришли в цех к мастеру учиться профессии. Не помню похвал ни за что, поощрений за просто так. Дети на занятиях должны были быть взрослее, чем на самом деле. Но вот усилия и старания поддерживались. Сохранились воспоминания, как О. А. индивидуально разбирает с учениками детали и тонкости их работ. Очень серьезно!

Ценность творчества была на первом месте. А смыслом метода, на мой взгляд, было оснастить детей разнообразными, неочевидными инструментами, позволявшими изобретать, находить красоту, работать в стиле, понимать гармонию, усваивать культуру, извлекать на ружу свои собственные таланты, видеть свои успехи. Говоря это, вспоминаю, как О. А. сводила детей на выставку Лентулова, а на следующей неделе в рабочей комнате висело два десятка новых (!) работ А. Л., сделанных нашими детками. Это поражало воображение. И то, как дети схватывали, и то, как педагоги учили это делать. Не знаю, удивлялись ли своим талантам сами дети, но родители были впечатлены. Учителям удавалось открыть в детях метод и технику тех мастеров, с которыми они знакомились. Педагоги студии понимали, что можно делать с формой, цветом, композицией, фактурой, структурой, материалами. Помню, что в студии часто работали с природными объектами. И тогда детям открывалась красота конструкции, форм, которую они переносили в свои работы, но самое главное, осваивали это как инструмент творчества.

Очень важной частью была периодическая коллективная работа. Хотя и коллективная, но и вполне конкурентная. Но до той поры, пока общий продукт не выставлялся на всеобщее обозрение. Вот тогда все могли сказать: «Мы – «СтАрт»».

Всегда очень хотелось иметь архив детских работ. Многие хотелось развесить по стенам у себя дома и в публичных местах. Жалко, тогда не было возможностей сохранять хотя бы цифровые копии.

Не могу не сказать об Олечке Аркадьевне. Знаю, что она не любит дифирамбов, но я не могу сосчитать, сколько раз мы (родители) говорили друг другу: как же нам повезло, что у нас О. А.! Ольга Аркадьевна — живое воплощение Афины, разве что с одним отличием: военное стратегическое мышление, свойственное Афине, превратилось в дар стратегии и тактики обучения «новобранцев» профессии архитектора. А так — натуральная Афина — умница, красавица! Богиня, одним словом!

В правильном мире Ольга Аркадьевна Бармаш должна была бы сегодня быть педагогом для всех учителей ИЗО в стране. Реальная ценность «СтАрта» и ее метода сравнима с ценностью крупнейших педагогических систем, таких как Вальдорфская школа например. Но реальность убога, что ж, тем хуже для реальности. Счастье, что нам повезло и наш Миша, который таки стал архитектором, смог получить абсолютно бесценный дар вкуса к творчеству и впитанные в детстве «инструменты» для работы.

ОЛЬГА ТОЧИЛИНСКАЯ
дизайнер

Бывает такая цепочка случайностей, о которой спустя годы думаешь: «Закономерно». Так и знакомства моего с Ольгой Аркадьевной могло и не быть. Все абсолютно случайно.

Моя дочь Соня училась в самой обычной академической художественной школе рядом с домом. К тому моменту отучилась четыре года (с 6 до 9 лет) и дальше бы училась. Если бы не одно событие. После искусствоведческой лекции для детей, которая проходила в залах ЦДХ, мы вдвоем зависли в холле на выставке работ учеников неизвестной нам школы

«СтАрт». Увести оттуда потрясенную Соню не было никакой возможности. Мало того, она стала задавать много вопросов: «А что это за техника?», «А какими красками работали?». И главный вопрос: «Мама, а почему нас так не учат?! Я тоже ТАК хочу!!!»

А Соня всегда знала, чего хочет. Дома она вынудила меня найти в интернете информацию про архитектурно-художественную школу «СтАрт», на сайте же вычитали, что в конце августа будут экзамены. Два тура по два часа. И отзывы. Что школа потрясающая, мечта всех родителей, но поступить практически нереально. Я выдохнула. Уф!

Но упрямая дочь заявила, что она непременно будет поступать, хотя бы попытается. Пришлось в августе возвращаться досрочно с моря специально на экзамены.

И вот в школе я увидела Ольгу Аркадьевну и ментально была ею очарована. Вот как должен выглядеть настоящий творец! Ольга Бармаш сама является произведением искусства. С таким вкусом и так смело она одевается, такие аксессуары и украшения! Экстравагантная, легкая, летучая и лучистая. Просто сногшибательная женщина! Этому не научишь, это врожденный талант.

Тем временем я начала переживать за результаты экзамена: два дня серьезных испытаний, недетский (по накалу страстей) конкурс. Но голос разума успокаивал. Оба варианта хороши! Успех — ура, радость за дочь! Провал — тоже неплохо! Привычная размеренная жизнь с сентября. Родная дворовая художка.

И наконец на входной двери вывесили списки. Последняя фамилия на одном из листов с шапкой «Группа О.А. Бармаш»: Старостенко Софья (?). И от руки приписано: «Маме подойти к преподавателю».

Захожу в класс, а Ольга Аркадьевна как раз перебирает Сонины натюрморты из папки-портфолио. И говорит так задумчиво:

— Посмотрите, какие сочные живописные работы у вашей дочери! Какой мазок. Прямо фовистский!

— Ага, — говорю, — знаю. Ее преподаватель все время ругает за перерасход краски. Покупаю в два раза чаще, чем другие!

— И, понимаете, она уже достаточно долго учится в академической школе, — гнет свою

линию Ольга Аркадьевна, — ее трудно будет переучивать. Зачем вы хотите ее к нам?

— Я? Да я не хочу! — радостно выдохнула. — Нам как раз и не надо к вам! Няня отказывается возить, если далеко. Это Соня захотела. Не понимает всех сложностей.

И тут Ольга Аркадьевна как глянет поверх очков:

— Что?! Девочка сама захотела? Настояла привести на экзамен? Беру!!!

Конечно, тогда я по-настоящему и не понимала, как же нам повезло. Даже не знаю, кому больше, Соне или мне. Это были чудесные годы!

Класс собрался неугомонный и хулиганистый. Поэтому Ольга Аркадьевна ввела дежурства родителей. Это был еще один подарок судьбы. Если бы не работа, я бы дежурила все занятия. Это было так увлекательно! Ничего протокольного, никакой казенщины, никакой дистанции между Учителем и Учеником. И при этом никакого амигошонства. Уважение, терпение, внимание. Право на ошибку и вера в талант. Ольга Аркадьевна ни разу ни на кого не повысила голос. А когда она говорила что-то важное тихо и с достоинством, все просто замолкали, чтобы не пропустить. Такие педагоги случаются один на миллион.

Надо заметить, что само слово «учитель» для наших детей сильно обесценилось, спасибо современной школе. Когда я так назвала Ольгу Аркадьевну при Соне, она аж оскорбилась за любимого преподавателя.

Ольга Аркадьевна умеет не только научить рисовать, а гораздо большее. Будить воображение и любознательность. Видеть в обыденном волшебное, вдохновлять каждого на поиск собственной идеи, учить работать коллективно, когда каждому нужно быть винтиком и создавать целое.

Такой уровень общения преподавателя и формирующейся личности неизменно повышает у последней уровень притязаний и гарантирует нравственный рост. Это и есть воспитание любовью.

Часто урок начинался с прогулки и пленэра. Шли шумной ватагой к костелу на Малой Грузинской. Там зарисовки. И к каждому Ольга Аркадьевна подойдет, что-то шепнет.

Она учила не бездумно копировать, а ухватывать свое впечатление, прислушиваться к себе.

Возвращались в класс и дальше уже использовали натурные зарисовки в своих интерпретациях. После такого урока я прибегала домой и доставала книгу о готической архитектуре, задвинув всю работу и домашние дела.

И, конечно, для детей пропустить урок было немыслимой трагедией. Это все равно, что отказаться от праздника.

Очень и очень много смеялись. До слез. Поскольку присутствие отменного чувства юмора — это тоже важная черта чудесной Ольги Бармаш. Конечно, ужасно жалею, что не записывала все рождающиеся на глазах остроты! Это стоило того. Можно было бы растащить на цитаты. А шутить было отчего — дети чувствовали дух свободы и, занимаясь делом, успевали творить еще что-то параллельно.

Соня, Маша и Настя практиковали отличные татуировки. Боди-арт процветал больше на переменах. Иногда с началом урока некоторых учеников было не узнать. Строго в стиле супрематизма, по теме текущего урока.

Ваня с Федей частенько «строили» что-то из жестяных банок из-под напитков. Целые сложные системы. Неумоимо вырезали, плющили и соединяли.

Вера без умолку что-то вещала высоким детским голосом. И вдруг Соня вставляла что-то остроумное басом. И весь класс грохал смехом. Так силен был контраст и уместен момент. Всегда со всеми смеялась и Ольга Аркадьевна. И уж точно именно юмор помогал ей принимать все вспышки детских темпераментов и переносить подростковые гормональные всплески.

Все дни рождения обязательно отмечались безумным чаепитием после занятий. С домашними сладкими пирогами и другими вкусностями. Все родительские собрания заканчивались тем же. И были незабываемые выезды в Суханово. И зимние, и весенние, и осенние. На пленэры, на несколько дней. Работали в каминном зале, за длинными столами, в камине уютно потрескивали дрова. Катались на санках с горы. Собирали антоновские яблоки. И обсуждали вопросы любые.

Во время кропотливой графической работы за партами, чтобы дети не скучали, Ольга Аркадьевна читала художественную литературу. Помню, что все отлично слушали рассказы Людмилы Улицкой.

Из всех заграничных поездок непременно привозился какой-нибудь художественный альбом. И тогда следовал рассказ об этом художнике, о его творчестве, с обсуждением работ.

А выпускной спектакль!

Не стандартная защита с презентацией у доски, а настоящий спектакль на сцене Дома кино, где выпускники вместе с Ольгой Бармаш создали декорации и костюмы, написали тексты, подобрали музыку. И за 40 минут буквально изложили доступными художественными образами историю искусства, архитектуры и стилей.

И как здорово, что среди родителей тоже не безталантные люди попались. Нам очень повезло с папой Маши Калининой Михаилом. Именно он ежегодно вел летопись жизни нашей группы. И на выездах, и в классе. Смонтировал трогательные фильмы, которые хочется пересматривать все чаще и чаще.

И большое счастье, что у Егора Карпенко такая талантливая мама Саша Мановцева. Благодаря ей остались классные постановочные фотографии, снятые на пленку, по старинке. Распечатанные. Живые. И еще она придумала технику «окологоловных уборов» из гипсовых бинтов. И это далеко не полный список.

Было еще у нас много экскурсий. Где можно было вести себя неформально. Сесть на пол в Третьяковке, у какой-нибудь яркой импрессионистской картины. Чтобы слушать, открыв рот, Ольгу Аркадьевну, смотреть и делать наброски для своего осмысления признанных шедевров. На такие вылазки стремилось попасть и большинство родителей.

И, конечно, особенно ценная опция «в гости». Здорово было приходить на Патриаршие к семейству Бармаш. Чаевничать за длинным столом, вести светские беседы и гулять по художественной квартире, где каждый уголок, каждая вещь — история, красота и гармония.

АЛЕКСАНДРА ШУМАКОВА
архитектор

Родители мне сказали, что я буду учиться в архитектурной студии, как и моя старшая сестра Маша. Сначала было очень страшно! Папа сидел

у дверей и ждал, когда закончатся занятия, а я с периодичностью в десять минут выходила и проверяла, на месте ли он. Страшно было потому, что все вокруг новое — люди, преподаватели, дети, задания. А потом стало безумно интересно! Новая насыщенная жизнь — друзья, музеи, архитектура, пленэры и Ольга Аркадьевна! В нее невозможно было не влюбиться! Она вся своя и в то же время на расстоянии — очень изысканная, утонченная, невероятно модная, с безупречным вкусом — человек для восхищения и восторга!

Помню, как Ольга Аркадьевна читала нам Хармса, Довлатова, Улицкую. Это было первое знакомство с авторами. Помню, как мы всей нашей группой ходили к семье Тарановых — Бармаш в гости, пить чай! Это было очень яркое впечатление. Квартира, наполненная искусством, красотой и любовью!

«СтАрт» — это Школа жизни! Она научила меня всему: рисунку, истории искусств, хорошему вкусу и дружбе. Это то место, которое ты вспоминаешь на протяжении всего своего жизненного пути. Мы были одной семьей. Яркие моменты в студии — это съемка передачи «Детский час». К нам в студию приехала съемочная группа, брала у нас интервью, а мы все дружно рисовали на длинном раскатанном листе бумаги дом своей мечты!

Каждый праздник в студии — это целое таинство-приключение-событие, к нему требовалась подготовка, мы наносили себе и другу другу грим на лицо, вдохновленные работами любимых художников-авангардистов Малевича, М Mondриана, Поповой, Лисицкого... Шили фартуки по своим эскизам и в них потом приходили на занятия и работали! У меня он до сих пор хранится.

Это множество пленэров-прогулок, знакомство с памятниками архитектуры и, конечно, много рисунка. Помню, как мы ходили в Зоологический музей и рисовали жуков, и после этого мы их уже не боялись.

«СтАрт» — это самое прекрасное время в моей жизни — это учеба, профессионализм и счастье!

ОЛЬГА БЕЛКОВСКАЯ
архитектор

Когда мне сказали, что я буду ходить в художественную школу, я представила себе обычную школу со скучными партами, доской... но когда меня привели в студию «СтАрт», я была просто поражена — все было как будто в другой реальности, творческой, там был как бы совсем другой мир, другие ребята... все такое живое, яркое, необычное! Всегда хотелось придумывать, творить, реализовывать! А сколько мы посетили музеев и выставок, не сосчитать. И в Ленинград ездили, ходили в музеи, рисовали на улицах, карабкались на шемакинского Петра I.

У меня преподаватель была просто необыкновенная — Ольга Аркадьевна Бармаш! Она всегда находила подход к каждому, мы были как бы одной семьей, а она была нашей мамой. Ей всегда хотелось подражать, всегда утонченная, одетая со вкусом, и всегда у нее был свой стиль!

В «СтАрте» мы рисовали, вырезали, клеили, наносили грим на лицо, даже конструировали костюмы и бесконечно фантазировали. «СтАрт» — это не просто студия, это начало творческого пути, это воспоминание об интересном детстве! Это потребность к саморазвитию и стремление к успехам!

НАТАЛИЯ ЗАЙЧЕНКО
архитектор

В студии «СтАрт» я училась с пяти до 14 лет у Ольги Аркадьевны Бармаш.

Умение придумывать и любовь к музеям, как мне кажется, главное, чему меня научили в «СтАрте». Мы смело работали с разными материалами, формами, масштабами, эпохами, художниками. Часто ходили вместе в музеи и в конце года всегда выезжали на пленэр на большом автобусе.

Больше всего мне запомнились выставки Гюнтера Юккера — это художник, который работал с гвоздями в жанре оптического искусства.

Мне было шесть лет, и образы сверкающих крутящихся кругов из множества гвоздей помню очень ярко.

Еще запомнились мусорная выставка с игрушками Жана Тенгли и выставка Эшера. После посещения музеев мы всегда делали работы в стиле художника. Моя работа «Невозможная башня» по Эшеру даже попала несколько раз на выставки, и я гордилась этим.

Пока мы рисовали, Ольга Аркадьевна часто читала нам разные книги. Помню, на дипломе мы перечитали Довлатова и Хармса. Я всегда с нетерпением ждала следующего занятия, наших прекрасных перекусов, разговоров, обсуждений.

Ольга Аркадьевна была для меня образцом стиля, она всегда была одета с неповторимой печатью индивидуальности. Тогда, да и сейчас, большинство вещей Ольга Аркадьевна шила сама. Для меня это стало стимулом освоить шитье. Так появился чехол для подрамника.

В «СтАрте» все было возможно, творчество было всегда и везде. Каждый год у нас был парад. Мы делали архитектурные костюмы по стилям истории искусств, воротники, шляпы, веера и даже фартуки для работы у нас были сшиты по нашим эскизам в стиле авангард.

На Новый год всегда делали архитектурный стол. Все вкусности, которые приносили дети, становились архитектурными деталями. Из вафельных трубочек строили замки, из безе — купола, из соломки — лесенки, вместо клея использовали ириски и вареную сгущенку.

Ольга Аркадьевна и Инга Михайловна обладали неиссякаемой фантазией и передали творческий подход своим ученикам. Очень многие ребята из «СтАрта» окончили Архитектурный институт, и мы до сих пор общаемся и дружим.

Я окончила МАрХИ в группе Евгения Асса; стала архитектором, сейчас проектирую преимущественно выставки и музеи.

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ
архитектор

ХОРОШИЙ СТАРТ

Самое яркое впечатление моего детства связано с детской студией «СтАрт» (как она тогда называлась). «СтАрт» для меня был тем местом, куда хотелось приходить снова и снова. Прежде всего, это было связано с той атмосферой любви, творческой энергии, которую создавали основатели студии Абаева Инга Михайловна и Бармаш Ольга Аркадьевна. Они увлекали своей энергией нас, детей, и мы остро чувствовали их искреннюю любовь, неподдельную увлеченность, желание пробудить в нас творческий порыв, научить нас видеть, чувствовать и понимать искусство во всех проявлениях.

Прекрасно помню, как в самом начале обучения мы посещали все лучшие выставки, проводимые в те годы в Центральном доме художника на Крымском Валу. Это были выставки Жана Тенгли и Гюнтера Юккера, произведшие на открытое к восприятию всего нового детское сознание неизгладимое впечатление. Много позже пришло понимание четко выстроенного метода обучения, но в те годы мы были просто увлечены совместными походами на выставки, выполнением заданий по их мотивам, прогулками по Москве, поездками на зарисовки, даже совместными обедами. Во всем этом самым главным был не процесс обучения и выполнение заданий, а пребывание в атмосфере творчества.

Многие занимающиеся в студии планировали поступать в Московский архитектурный институт, но мне кажется, что тот творческий импульс, который давала студия, мог быть реализован в любой творческой профессии, по крайней мере, пребывание в студии формировало вкус и любовь к искусству, которые обогащают любого. «СтАрт» оказался хорошим стартом для всех нас!

ОЛЬГА ИЛЬИНА
преподаватель
английского языка

Наша история в «СтАрте» началась с моего родительского разочарования в районной художественной школе, в которую Вера ходила с первого класса. И вроде все хорошо, все получалось, но рисовать натюрморты было уже невыносимо скучно. И мы поступили в «СтАрт» к Елене Анатольевне Дурново. Целый год там занимались, Вере очень нравились занятия и интересные задания, которые давала Елена Анатольевна. Обычную художку мы вскоре бросили, а потом стало известно, что Ольга Аркадьевна Бармаш будет набирать новую группу. До этого я только слышала о ней восторженные отзывы, видела издали пару раз. Мы решили, что должны попробовать попасть к ней, потому что это какое-то невероятное везение, что она вдруг решила взять детей как раз нашего возраста. Шла на собеседование, как на собственный экзамен. Почему-то она представлялась мне очень строгой и недоступной. И — о, счастье! — она нас взяла! Никогда не забуду, как пришла забирать Веру после самого первого занятия. Ольга Аркадьевна тогда очень похвалила ее работу, было неожиданно приятно.

Все эти пять лет с нашей группой и Ольгой Аркадьевной были самым ценным и ярким опытом для наших детей. Там была какая-то особенная атмосфера истинной дружбы и радости творчества, в которой дети раскрывались и естественным образом напитывались знаниями, приобретая необходимый для образованного человека культурный код и художественный вкус. То, что сделала Ольга Аркадьевна для наших детей, невозможно переоценить. Она открыла для них огромный мир архитектуры и искусства, во многом сформировала их мировоззрение и навсегда сделала их творческими людьми. Именно благодаря Ольге Аркадьевне моя дочь выбрала для себя непростой путь архитектурного образования, и я этому очень рада. Она успешно учится в Миланском политехническом университете на факультете архитектурного дизайна и станет обладательницей степени бакалавра.

ЛИДИЯ КОЖАЕВА
архитектор

«СтАрт» — это не только «Студия Арт», «СтАрт» — это еще «Сеанс Творческой Абсолютно Реальной Терапии». Это — когда колючий, вполне недовольный жизнью, замученный потерявшими ориентиры от внезапно-постоянных школьных реформ учителями, разборками с одноклассниками подросток приходит после занятий в студии улыбающийся, спокойный, даже веселый. Приходит с результатом творческого напряжения в виде готового художественного продукта, довольный результатом и даже собой.

Видимо, Ольга Аркадьевна похвалила, что в жизни среднего школьника большая редкость, сказала «молодец». И что интересно: творчество, особенно художественное, не бывает же без конкуренции! Но вот что интересно: побеждают все! Каждый талант, проигравших, отставших нет. Счастливы все!

И всем вместе с преподавателем очень весело и хорошо. Так весело и хорошо, что если ехать в цитадель художественной гармонии и красоты в Отечестве — Ленинград, то, конечно, всей студией. Можно не только студией, можно с родными. Во всяком случае, на вокзал приходят и родные, и знакомые, и уже на перроне разворачивается праздник. Хорошо, что поезд не забыл поехать. Наполнялись там Эрмитажем, Адмиралтейством, Невским, Невой. Чтобы ходить в студию, получать радость от творчества, от красок, от доброго и мудрого, самого — как арт-объект — преподавателя. И так все это важно и целительно для того самого подростка 90-х, что расставаться со всем этим совершенно невозможно и по окончании студии ничего не остается как поступать в Архитектурный институт — самое близкое к «СтАрту» учебное заведение. Не зря же студия открыла человеку, как это интересно — архитектурная графика, работающая вместе с художественной выразительностью, изобретательностью и созидательностью.

ЕЛЕНА ДЕНИСЕНКО (на фото с Ингой Абаевой)

В школе «СтАрт» мы оказались без чьих-либо рекомендаций и советов. Просто ребенок с самого раннего детства много рисовал, и нам казалось это интересным.

Проштудировав невзрачную типовую книжечку «Справочник школ искусств», я прочитала о школе «СтАрт» и сразу поняла: нам — туда! Пришли поступать и сразу как-то все понравилось: и творческое задание нарисовать несуществующий цветок, и сама атмосфера на вступительном экзамене, и милый особенчик в тихом Гранатном переулке в центре Москвы. Детские графические работы на стенах были настолько необычными по замыслу и воплощению, что трудно было поверить в возраст ребенка, который был указан рядом с его фамилией. Все это так поразило и очаровало, что захотелось тут остаться. Мы и остались! Это был конец 90-х, школа уже давно существовала, была известной, гремела на всю Россию, имела престижные награды и премии в различных конкурсах, в том числе и за рубежом. Очень, очень жалею, что так поздно узнала о «СтАрте», иначе привела бы свою дочь сюда прямо с четырех лет, как многие осведомленные родители и делали. Но зато нам очень повезло в другом — ребенок попал в класс к Инге Михайловне Абаевой, директору и создателю этой уникальной школы. Поступив, мы просто радовались, что нас взяли, но еще не догадывались, какой вытащили лотерейный билет, попав к такому педагогу. Жизнь в «СтАрте», казалось, состояла из одних сплошных праздников, потому что все, что в дальнейшем происходило в школе, было очень похоже на праздник. Да и не удивительно, ведь сама Инга Михайловна была тоже человек-праздник! Очень зазорная, смешливая, всегда увлеченная самыми невероятными идеями, ей удавалось вовлечь в свои задуманные проекты весь коллектив школы — учеников, преподавателей, родителей, выпускников. На многие мероприятия в Суханово съезжались целыми семьями, с мужьями, друзьями, собаками... Были годы, когда мы приезжали в Суханово на осенние, зимние и весенние каникулы и уже не мыслили себе, что каникулы можно проводить в других

местах. Дети творили там с утра до вечера, гуляли по старому парку, рисовали на пленах, а вечерами допоздна засиживались в Каминном зале, всегда под музыку, при свечах, тихих разговорах, и разойтись было совершенно невозможно. Зимой Инга Михайловна каталась с нашими детьми на картонках по длиннющей ледяной горке, которую специально заливали к приезду детей в Суханово. Так и запомнила ее: в шубе нараспашку, с картонкой в руках и со словами: «Айда кататься, хватит отдыхать!» Всем запомнился тот год, когда почти все классы и преподаватели съехались в Суханово для создания снежных фигур из заранее подготовленных огромных глыб спрессованного снега, где главными инструментами юных скульпторов были пилы, лопаты, шпатели, терки... Воду специально подвозили для сцепки разных частей снежных скульптур, и на морозе она работала не хуже цемента. Сами снежные скульптуры были таких размеров, что верхние части можно было крепить только с помощью стремянки! Потом была работа жюри, в котором участвовали привлеченные со стороны довольно известные и титулованные архитекторы. Там же, в Суханове, отмечали Масленицу с блинами на улице и сжиганием самодельного чучела. И ведь все это надо было не только придумать, но и организовать. Такое под силу было только неумной энергии Инги Михайловны! А эти знаменитые сухановские балы во дворце старого имения, этот выход детей в самодельных бально-карнавальных костюмах по парадной лестнице, дефиле в зеркальном зале под классическую музыку и затем танцы разных эпох: от барокко до рок-н-ролла. Музыку тоже тщательно отбирала Инга Михайловна, она была очень музыкально образованным человеком, могла напеть любой отрывок из классической оперы.

В праздник превращалось любое значимое и важное мероприятие школы: осенью — это Международный фестиваль «Зодчество», в котором принимала участие вся школа, зимой — новогодние елки в Доме архитектора и приуроченные к ним сначала «СтАрт-парады», а потом уже маски-шоу, аукционы и разные другие новые форматы. Нам с мужем запомнился благотворительный аукцион в Доме архитектора, который был устроен по всем правилам, с лотами, и детские творческие работы уходили с молотка прямо в зрительный зал к желающим приобрести тот или иной шедевр. Еще традиционными предновогодними развлечениями было создание в каждом классе своей арт-елки, изготовление затейливых открыток, масок, костюмов и самое любимое — когда из разных

печенюшек, мармеладок, конфет, хлебных палочек и прочей снеди с помощью самого съедобного клея — вареной сгущенки создавались целые архитектурные объекты!

В конце учебного года был самый большой праздник школы — знаменитые выставки «на полу» в Доме архитектора! Все группы раскладывали свои работы прямо на полу большого фойе, вся огромная поверхность пола была выложена работами, как мозаикой, и оставались только узенькие тропинки, по которым можно было передвигаться буквально гуськом. Выглядело очень впечатляюще! Тут можно было увидеть все блоки методики, особый творческий взгляд преподавателей школы на одну и ту же тему, разнообразные приемы и техники исполнения, новые идеи и их смелую реализацию... Много цветов, улыбок, поздравлений, впечатлений! Но и это еще не было его завершением! В начале лета были наши любимые ежегодные автобусные поездки с Никитой Шангиным по архитектурным местам. Куда только Никита нас не возил: Серпухов, Рязань, Коломна, Звенигород, Бородино, Старица, Медное, Торжок, Ростов Великий, Углич... По пути заезжали в заброшенные усадьбы, останавливались у разрушенных храмов, открывали для себя малоизвестные места... Это были настоящие уроки истории под открытым небом, ведь Никита не только практикующий архитектор, но и блестящий рассказчик, большой знаток истории архитектуры. Эти поездки славились еще нашими незабываемыми пикниками: выбиралась живописная поляна, расстилалась скатерть и на них выгружалось все, что брали с собой из еды, получалась такая огромная скатерть-самобранка с пирогами, бутербродами, закусками и напитками... В школе вообще царил такая удивительная атмосфера дружбы. У каждого педагога, как правило, было два класса — старший и младший. В совместных поездках или проектах старшие дети охотно помогали младшим, учили тому, что уже умели сами, младшие с удовольствием участвовали во «взрослых» проектах и коллективных совместных работах, общих мероприятиях.

Еще навсегда останется в памяти, как мы много раз приезжали к Инге Михайловне, в ее загородный дом, где наши дети готовили свои дипломные работы и жили у нее на каникулах, наряжались в ее многочисленные наряды с украшениями, устраивали представления, дурачились и веселились.

Конечно, учеба тоже была — настоящая и интересная. Детям давались необычные задания, требующие целой исследовательской

подготовки, погружения в тему. То, что учеба была довольно серьезной, подтверждало постоянное участие школы в профессиональных архитектурных конкурсах, где ученики неизменно занимали призовые места и различные дипломы. Помню, как все радовались, когда с очередного «Зодчества» в школу приехал очень красивый приз «Хрустальный Дедал» (это национальная профессиональная премия в области архитектуры), и все тогда бегали посмотреть на него в кабинет Инги Михайловны!

А главным итогом всех лет учебы в «СтАрте» были защиты дипломных работ. На них приходили все! На этих защитах до мелочей продумывалось буквально все: название, приглашение, освещение, музыкальное сопровождение и даже детали одежды. Все должно было быть подчинено общей теме, даже финальный фуршет! Запомнился диплом Дарьи Валерьевны Шаблий «Игры в классики», где игра начиналась уже в фойе Дома архитектора, продолжалась на сцене конференц-зала в виде захватывающей театральной постановки, а закончилось все потрясающей красоты фуршетом в авангардном стиле — такой смелой и стильной сервировки я не видела больше нигде и никогда!

Для нашего класса Инга Михайловна выбрала для защиты тему Востока. Каждый выпускник должен был представить выбранную им восточную культуру и сделать несколько работ. Сначала: поиск идей, изучение особенностей восточных культур. Это было такое обязательное погружение в дипломную тему. Процесс работы над дипломом, казалось, длился бесконечно, и остановиться уже было сложно. В результате у каждого дипломника получилось по многу работ: графические и живописные планшеты, объемные архитектурные проекты, причудливые предметы быта, декоративные панно и даже восточный костюм. Защита проходила в Доме архитектора, и работ было так много, что все они никак не могли поместиться на одной сцене. Финалом защиты было дефиле девочек в восточных костюмах, спроектированных и изготовленных ими, и все это под специально подобранную к каждому костюму восточную музыку. После защиты всех гостей ждал роскошный восточный стол с сухофруктами, национальными сладостями и горячим узбекским пловом!

На день рождения Инги Михайловны сложилась настоящая традиция: 17 ноября выпускники ее классов разных лет обязательно приходили в школу, и этот день становился для них Днем встреч! Все в школе знали, что Инга Михайловна вечером будет принадлежать только своим

выпускникам! Она их очень ждала, готовилась, волновалась: придут — не придут?.. Но часто приходили целыми выпусками, с цветами, тортами, и их уже ждал красиво накрытый стол и, как всегда, свечи, музыка, смех и разговоры до позднего вечера. После встреч со своими бывшими учениками в кабинете у Инги Михайловны повсюду были приклеены разноцветные бумажки-стикеры с записочками-признаниями: «Мы Вас любим!» Это было так трогательно! Инга Михайловна была одним из тех директоров, кто буквально жил в школе. Почти всегда она уходила из школы последней, проводила в ней все выходные и никогда не уходила в отпуск. Да еще и ревностно относилась к своим коллегам, когда все летом разъезжались, чтобы немного отдохнуть. Школа была ее домом. Открытым. Гостеприимным. Творческим.

Инга Михайловна была человеком удивительной широты кругозора и интеллекта. Ее занятия с детьми всегда сопровождались образовательными беседами, экскурсами в изучаемую тему, настоящим культурным просвещением. Никогда на ее уроках в классе не было тишины, всегда были оживленные разговоры, споры, шутки и смех. Удивительно, как в ней все это сочеталось — высочайший профессионализм, просветительство, образованность, увлеченность любимым делом и детская непосредственность, игривость, легкость в общении, доступность для всех и каждого. Любой родитель мог в любое время обратиться к ней с любым вопросом. А двери ее директорского кабинета были всегда распахнуты!

Как-то уж так получилось, что, когда моя дочь уже оканчивала школу «СтАрт», я пришла туда работать, сначала просто помогать Инге Михайловне, а потом осталась в школе на долгие годы. И теперь уже у меня самой началась такая же насыщенная, интересная жизнь. Эти годы совместной работы с Ингой Михайловной дали мне очень и очень много. Мой муж часто говорил, что у меня в «СтАрте» не работа, а клуб по интересам, и во многом он был прав, конечно. Почему-то всегда кажется в самые-самые классные годы твоей жизни, так будет всегда... Но та же жизнь учит — ничего не бывает всегда. И если бы я поняла это тогда, то только бы и делала, что впитывала и впитывала, тянула бы это удовольствие познания сопричастности к творчеству, радости работы с ярким, по-настоящему творчески одаренным человеком. Работая в школе, я узнала, какие замечательные преподаватели работают вместе с Ингой Михайловной — настоящие сподвижники, неординарные, очень разные, каждый со своим стилем преподавания, с особым творческим почерком

и характером. Удивляюсь, как удалось Инге Михайловне найти всех этих творчески одержимых людей и создать такой уникальный коллектив единомышленников!

КИРА ШАЕВА
архитектор

«У «СтАрта» нет финиша» — такой слоган был у студии архитектурно-художественного профиля «СтАрт».

В чем для меня смысл этой фразы? В том, что и сейчас я продолжаю заниматься архитектурой и дизайном, они — обязательная составляющая каждого моего дня. После нескольких лет работы в крупных московских бюро я открыла свою студию под названием Archistories, и я думаю, что ее основы были заложены именно тогда, в раннем творческом детстве. На все в жизни можно смотреть обычным взглядом, а можно рассматривать мир в замысловатую призму с помощью творчества, свободомыслия, креативности. Ключ к этой призме был дан именно в «СтАрте».

Я хорошо помню экзаменационные задания для поступления в школу: нужно было нарисовать маску-перевертыш, на которую можно было бы смотреть сверху и снизу, и она одинаково хорошо бы выглядела. Помню, я все крутила лист бумаги и добавляла разных деталей, то на верхнюю часть маски, то на нижнюю. Рисовать я привыкла с одной стороны листа, а тут сразу — можно было и с той, и с другой. На следующий день из множества разных кусочков цветной бумаги нужно было сделать коллаж, помню, у меня получился петух. Яркие прямоугольники бумаги напомнили мне цветные перья в хвосте птицы. Но ведь, по сути, это могло быть кем или чем угодно!

А сколько у нас проходило фантастических «СтАрт-парадов»! Группы были объединены одной тематикой, костюмы выполнялись из пенокартона, гофрокартона, газет и даже пластиковой посуды! И не было ни одного похожего костюма или повторяющейся идеи. Например, как-то у нас была рыбная тема, и все выдумывали костюмы рыб. А я бредила в детстве русалками и решила, что у меня непременно должен быть костюм Русалочки. Запретили ли мне идти «против системы»? Нет, ничуть!

Наоборот, спланировали выступление таким образом, что для появления моего костюма на сцене было определенное место и время. Я думаю, секрет успеха «СтАрта» в том, что нам было ужасно интересно учиться там, где ничего не запрещали, а разрешали и поддерживали любую инициативу. Сколько помню, на занятиях всегда была целая группа. Пропускать никто не любил. Я страшно расстраивалась, когда из класса в коридоре можно было увидеть родителей, которые пришли забирать нас, детей, с занятий.

Уроки ли это были? Или эссенция чистого творчества, самовыражения, вариативности? Впоследствии во время работы в крупных архитектурных бюро я ни разу не увидела, чтобы проект делался по первой пришедшей в голову мысли. Создание чего-то нового — это всегда поиск, размышления, проба различных вариантов. Только в процессе работы может появиться идея, которая затем разовьется во что-то большее. «СтАрт» никогда не ограничивал нас в поисках.

Иногда для создания творческой атмосферы Ольга Аркадьевна читала нам курс по истории искусств перед очередным заданием на тему, а иногда — Дину Рубину, которой я потом зачитывалась. Занятия проходили в помещениях в Гранатном (позже на Зоологической), а в хорошую погоду ходили к Римско-католическому собору на Баррикадной, чтобы более наглядно изучать готику. Ездили в дом творчества в усадьбе Суханово, где новые задания сочетались с совместным времяпрепровождением в усадьбе, собирались на «СтАрт-парады», выдумывали много нового и интересного вместе.

Я помню, как О.А. Бармаш обижалась и не разрешала нам называть «СтАрт» художкой, как все тогда говорили для краткости. Наверное, только сейчас я понимаю, что художественной школой «СтАрт» никогда не был. Это гораздо больше — это школа хорошего вкуса, небанального взгляда на жизнь, школа, которая учила нас проявляться и заявлять о себе. Когда мне кто-то говорит, что окончил художку — я отвечаю, что училась в «СтАрте», и если человек не знает, что это такое, я пускаюсь в долгий рассказ о том, какое это прекрасное место. Но если я слышу в ответ, что человек тоже учился в «СтАрте», я знаю — мы поймем друг друга гораздо лучше, ведь мы говорим на одном языке. И я правда считаю, что у «СтАрта» нет финиша, он навсегда в наших глазах, руках и сердцах!

ВЕРА ИЛЬИНА
студентка Миланского
политехнического
университета

Я часто с ностальгией вспоминаю «СтАрт». Там прошли мои лучшие детские годы, и все, чему я там научилась, на 100% отражается на том, что я люблю и делаю сейчас.

О. А. научила меня чувству композиции и стиля, иногда просто дорисовывая кружочек или линию, которые сразу собирали всю композицию воедино. Удивительно, как О. А. справлялась с нашим оголтелым классом. Оглядываясь на свое поведение и кучу школьных выговоров, я считаю, что ей надо просто поставить памятник за терпение и понимание. Наша компашка это был просто тихий ужас...

О. А. была первым «взрослым» человеком, который не относился ко мне как к ребенку и не позиционировал себя как «училка». Она на всю жизнь будет для меня иконой стиля и примером, как можно сохранить это детское любопытство и тягу к экспериментам на всю жизнь. Саша Мановцева тоже двигала весь учебный процесс, постоянно подкидывая безумные идеи и организовывая профессиональные съемки. Без нее все бы так круто не сложилось. Про истории из Суханова вообще можно написать отдельную книгу.

Я благодарна судьбе за то, что мне удалось поучиться у Ольги Аркадьевны!

ОЛЯ ЛЕБЕДЕВА
архитектор

Я пришла в студию где-то в тринадцать лет. Училась я тогда в спецшколе, очень неплохой, с прекрасными учителями, но это была такая советская школа со всеми проблемами взаимоотношений детей с разным бэкграундом. В «СтАрте» же была атмосфера творчества и взаимоуважения, в которых вскармливались мои одноклассники с четырех-пяти лет стараниями Инги Михайловны и Ольги Аркадьевны. Это было такое исцеляющее место, мы не только изучали искусство, мы учились отношению друг к другу.

Атмосфера в Гранатном была особенная. Так много детей всех возрастов, у каждого потока своя тема на семестр — просто ходить из группы в группу и смотреть, что вывешено на стенах, захватывало и вдохновляло. Я помню новые книги по искусству, новые краски и материалы, экскурсии на новые выставки, полное погружение в текущую тему семестра, вплоть до музыки и кино.

Все курсы, от младших до старших, готовили большие выступления на сцене Дома архитектора, делали проекты — от костюмов и головных уборов до мебели и книг. Все это собиралось в такой большой семейный праздник, ведь участвовали семьями, и все друг друга знали — все учителя, все родители.

Инга. Ее обожали. Любили и обожали. Она была нашей пусей, нашей мамой, любимой Ингусей. Мы приходили и обнимали ее, а она нас. Мы так любили нашу студию в Гранатном переулке. В ее обучении было столько любви...

Только так можно учить детей искусству и творчеству. Вообще всему. Эта любовь вся передалась нам. Мы относились так друг к другу. И относимся до сих пор. Это самое ценное и прекрасное, что может передать учитель.

Любовь.

МАША КАЛИНИНА
магистратура МАрХИ,
преподаватель ДТС СМА

Ольга Аркадьевна обладает абсолютным чувством уверенности в том, что делает. Находясь рядом с ней в «СтАрте», мы всегда понимали, что любая наша работа или затея обречена на успех. Она будто изначально знала, что в итоге все получится как надо и без лишней суеты.

Ее уверенность часто выражалась в невозмутимом эпатаже: прикуривать от огня сухановского камина, застрелиться из пенокартонного пистолета, скатиться с ледяной горки в норковой шубе или прийти в дырчатой кофте-решето и заявить, что ее драли собаки, — входило в число само собой разумеющихся условий дня.

В студенческие годы Ольги Аркадьевны, когда она училась в МАрХИ, краски «Дедовские» на простой картонке приносил один Дед, как его

все звали, и продавал студентам. К нам эти краски попали уже через его внука Сергея Евдокимовича. Рекламируя их, О. А. говорила: «Дети, краски волшебные, не сохнут, набор цветов такой, которого нет даже в ленинградских. Они настолько хорошо ложатся, что ими можно глаза подводить! Впрочем, что я и делаю». В общем, предъявляла товар лицом, ну а мы, конечно, верили. Поэтому утром, проходя мимо ее двери в Суханове, все знали, что она сидит и рисует стрелки дедовскими красками, скоро выйдет. Да и сами мы не раз использовали их не по прямому назначению.

Иногда на занятиях Ольга Аркадьевна нам даже читала, перед этим делая подборку тех авторов, чьи рассказы отражали беспечную жизнь подростков. Больше всего мы любили рассказ Дины Рубиной «Астральный полет души на уроке физики», который быстро разлетелся на афоризмы с учетом умело расставленных О. А. акцентов. Некоторые из нас до сих пор «гордятся своим бюстом» или же «натруженным маршем шагают по асфальтированному шоссе учебной программы». Были и другие рассказы, но сами по себе они вряд ли бы для нас что-то значили, если бы не О. А. и ее желание нас уговорить таким специфическим образом. Правда, когда она была не расположена к чтению, то брала с собой на занятие мегафон и говорила в него: «Де-е-е-ти, тихо». Минуты полторы стояла тишина, за которую она успевала нас обрадовать: «Ну что, придется ехать в Суханово, много работы».

Характерно, что Ольга Аркадьевна никогда не называла нас ребятами, поскольку терпеть не могла советско-пионерский оттенок в таком обращении. Поэтому мы всегда были «дети» или «детишки».

Любой праздник всегда был окрашен ее идеями. Например, получить кусок торта можно было только после короткой игры в поздравление: придумай пожелание на первую букву фамилии именинника.

Благодаря Ольге Аркадьевне мы с каждым годом обретали способность жить интересно и научились не только подвижному мышлению и нетрадиционному подходу к решению задач, но, главное, переняли ее очень важное по жизни качество: при самых непростых ситуациях в жизни, бесконечных дедлайнах и неразберихе во всем, в какой-то момент вдруг перестаешь суетиться. И возникает эта спокойная уверенность в том, что все идет как надо.

САША МАНОВЦЕВА
фотограф, художник

Наша с сыном учеба у Ольги Аркадьевны в «СтАрте» — одно из самых радостных воспоминаний в жизни. Это была именно «наша» учеба — неожиданное, яркое, остроумное совместное творческое приключение длиной в пять лет. У нас в классе царила такая атмосфера, которую не встретишь ни в художке, ни в ДШИ, не говоря уже о школе общеобразовательной. Я училась у Ольги Аркадьевны ее бесконечному задору и неиссякаемому творческому подходу ко всему, что бы ни происходило. Мы подружились. А дети...

После школьных уроков, порой неизбежно протокольных, дети приходили в «СтАрт», где можно было дышать по-другому, где самые сумасшедшие идеи становились реальностью.

Проект «Окологоловные уборы» — название, конечно, придумала Ольга Аркадьевна. Каждый изобретал... «шляпой» это не назовешь, некий арт-объект, находящийся на голове или около. Там был и картонный бассейн с рыбками, и целый город, и огромные супрематические композиции, и гнездо, и стол с бутылкой и колбасой. Я снимала детей в этих уборах, и каждый раз, когда я показываю кому-то эти кадры, я слышу бурю восторгов и вопросов «КАК?!». Как такое можно придумать и так здорово сделать?

Творчеством Ольга Аркадьевна заражала абсолютно всех вокруг: даже суровые охранники в Суханове включались в игру, залезали вместе с нами на крышу и запросто позировали фотографу, высываясь из огромной картонной юбки.

Ольга Аркадьевна всегда мгновенно включалась в неожиданные авантюры. Как-то раз я рассказала ей про фотографическую технику — фотограммы, когда без камеры можно делать на фотобумаге отпечатки разных предметов. Мгновенно был организован мастер-класс для детей и их родителей, на котором мы сделали целую серию невозможно-смешных портретов.

Хочется вспомнить замечательные поездки в Суханово. Первым нашим масштабным сухановским проектом была съемка огромных гофрокартонных скульптур. Им было предложено сделать «памятник», а памятник кому

или чему — уже придумывали сами ребята. В результате получились такие удивительные арт-объекты, что мы решили их увековечить и поехали на два дня на съемки. Это была настоящая «киношная» история, мы взяли с собой дым-машину, помню, я добыла специальную машину для пуска облаков мыльных пузырей. Подключились родители детей, и мы огромной толпой в прекрасной Сухановской усадьбе все вместе резали, клеили, придумывали, как снимать четвероногого барана в дыму, веселый скелет, огромную рыбу в облаке мыльных пузырей, картонную русалку на озере. Помню, как все хохотали, когда Ольга Аркадьевна примеряла остроконечный гофрокартонный русалкин бюст. Был там и памятник стиральной машине с автором, сидящим внутри, и огромный трогательный памятник «моему парню», и девочка на шаре с фонтаном из головы. Это было настоящее приключение — все сплотились в единую съемочную банду. Были, конечно, песни у камина, дети носились по парку, были фейерверки. Никогда не забуду, как посреди этого действия, в дыму, в режиссерском кресле замечательно смотрелся его автор — Ольга Аркадьевна.

И уже совсем масштабной эпопеей стал наш диплом. Это совершенно выходило за рамки привычного дипломного показа работ. Работа кипела на протяжении года. Был задуман целый спектакль, в котором оживала история искусств. Ребята делали огромные головы с острова Пасхи, клеили смешные двухметровые барочные юбки, египетские пирамиды, трехметровые готические соборы. Была сделана практически рабочая картонная машина и многое-многое другое. Это была уже настоящая командная работа, подключились выпускники Ольги Аркадьевны, подбирались музыка, свет, ребята учились играть на сцене. «Газели» с огромными декорациями курсировали по маршруту «СтАрт» — Суханово — Дом кино. Сейчас этот размах невозможно себе представить, но тогда все делалось на одном дыхании. Спектакль получился потрясающий — остроумный, живой, задорный и очень красивый. Я снимала процесс подготовки в Суханове, и это была настоящая радость — видеть толпу галдящих подростков в творческом процессе. Ольге Аркадьевне удавалось их воодушевить, вдохновить, зажечь и... направить воодушевленных, вдохновенных и буйных подростков в нужную сторону. Сложно описать словами тот творческий бум, который происходил тогда в Суханове.

Наверное, так: настоящее стопроцентное счастье!!!

ТРИФОН МИЛЯЕВ
архитектор

Советская школа — это дружина. Само понятие «обязательное образование» — парадокс, подмена смыслов. Представление об образовании как о «передаче знаний от поколения к поколению» — глубочайшая ошибка. «СтАрт» таким не был. Слово «образование» — производное от слова «образ». «Образование образа» происходит, когда есть свобода творческой мысли, уважение и диалог. Метод Ольги Аркадьевны развивал воображение, объемно-пространственное мышление. Мы осваивали геометрию и композицию и, что самое важное, развивали свободу мышления.

Я родился в семье художников и всегда наблюдал за ними. Художник выплескивает эмоции на холст и бумагу, материализует их. Художник рефлексировал, пропуская мир через себя, и аккумулирует пережитые состояния. Пытается передать другим испытанное чувство, запечатать его в лист, а архитектор не только воспринимает, но и формирует окружающий мир. По-гречески «архи» — главный, «тектонас» — строитель.

В моем вольном переводе «архитектор» — творец миров. А что может быть интереснее и круче? Так Архитектура накрыла меня навсегда.

Мой путь архитектора начался в «СтАрте».

Первое, что я увидел, придя на занятия, — своего преподавателя. Вошла Ольга Аркадьевна Бармаш, и я четко, навсегда запомнил впечатляющий Стиль, скользящий во всем. Когда видишь такую Эстетику, можно сказать, взглядом познаешь правила архитектурной жизни.

Со времен учебы в «СтАрте» мне особенно запомнился один случай. Не в первых классах точно, где-то в середине учебы, ученики выполняли задание: 12 геометрических композиций. Это были 12 небольших квадратов, вычерченных на листе А2. В каждом квадрате отдельное задание — композиция из прямых линий, из циркульных линий, из прямых и циркульных, из лекальных, из прямых и лекальных, переплетение линий, пересечение плоскостей, выявление объема, аксонометрия, прямая перспектива, обратная перспектива, невозможные фигуры.

Сдавая работы, мы развешивали их на просмотр. Ольга Бармаш, пристально посмотрев на мою работу, спросила: «Тебе помогали? Или все сам сделал?» Я, конечно, делал сам. Тогда я понял радость и гордость автора достойного произведения.

Недавно нашел портфолио, с которым поступал в институт, и увидел эту работу. Подумал — сейчас я лучше не сделаю.

Феномен Ольги Бармаш — ученики, понимающие ценность собственного труда и творчества. Дети — маленькие люди, но когда с ними говорят на равных, создается тот самый диалог. В последний год темой дипломного проекта стал интерьер кино-библиотеки имени Эйзенштейна в Каретном Ряду — то есть архитектурное решение реального пространства. Архитектура — это коллективный труд, взаимопомощь в условиях профессионального сообщества. Ольга Аркадьевна не раз напомнила нам об этом и никогда не теряла (и не теряет) из виду близких по духу людей и своих выпускников. Мы делали много совместных проектов, а в наш дипломный год она позвала работать ассистентом одну из своих бывших учениц, архитектора Наташу Ланскую.

Год спустя после этого параллельная нашей группа делала свой диплом — как выяснится позже, это будет Финальный Выпуск, так как после него Ольга Бармаш покинет «СтАрт». Мы с друзьями, Наташей Ланской, Верой Золотарёвой и Сашей Бреславцевой, стали ассистентами в этом проекте, так не хотелось расставаться с таким счастьем. Это был перформанс, где мы создавали макеты, подвижные объекты, выступали актерами собственной постановки,

придумывали архитектурные «номера» про каждую эпоху. Картонная История Искусства. Парад призраков произведений искусства, семь тысяч лет, пережитые за семь классов Школы — достойная иллюстрация истории, которая осталась с учениками после окончания «СтАрта».

Месяц назад я наконец защитил диплом архитектурной школы МАРШ. «СтАрт» и МАРШ — две школы, определившие мой путь в архитектуре.

«СтАрт» — это макет образного метода. Архитектор — это не только профессия, это стиль жизни. А стиль — совокупность особенностей, характер произведений искусства определенного времени. То есть образ времени. Искусство и есть история.

ФЁДОР РАЩЕВСКИЙ
архитектор

Довольно давно, почти восемь лет назад, мне посчастливилось побывать в Центральном доме кинематографистов на необычном мероприятии: «Защита дипломных проектов группы Ольги Аркадьевны».

Впечатления от этого действия выразились в публикации, которую придется процитировать полностью, поскольку ее эмоцию, накал ощущений мне хочется зафиксировать, да и вряд ли я напишу лучше по прошествии всех этих лет.

«Пост Сожаления, Недоумения и Восторга.

Побывав на презентации дипломного проекта класса Ольги Аркадьевны Бармаш, не могу не поделиться чувствами... Пожалуй, острее всего Сожаление. Я сожалею о том, что уже вряд ли стану ребенком и учеником Ольги Аркадьевны в «СтАрте», да и мой сын уже не сможет там учиться, именно в этом классе. Не вдаваясь в описание увиденного как действия, мы видели совершенно счастливых молодых людей, навсегда скрепленных отношениями товарищества, любви, профессионального творческого голода, командности и, что самое главное, свободомыслия. Самое главное, что я в них вижу — это свободные личности, среди них вряд ли когда-нибудь вырастут соглашатели, трусы и конформисты! Это 100% заслуга Ольги Аркадьевны!

Продолжением Сожаления случилось Недоумение... Этот класс последний и диплом последний в “СтАрте” для Ольги Аркадьевны. Это плавно вытекает из предыдущего абзаца (как вы догадались, наверное). Не в обиду другим педагогам “СтАрта” — школа продрефовала в сторону казенщины, бюрократии, чиновного абсурда и зарегулированности. Так вот соглашательство и конформизм победили и скоро пожнут эту Пиррову победу. Мне непонятно, как может быть “СтАрт” без своих основательниц? Как может кто-то, какой-то чиновник, какая-то “функция” запрещать автору уникального метода использовать ее собственные наработки за стенами школы “СтАрт”, пользуясь какими-то юридическими лазейками, шантажируя и бахвалясь... Как это вообще возможно? Может ли какой-нибудь администратор выжить из “Виртуозов Москвы” Спивакова? Сместить Захарова с поста худрука “Ленкома”? Ребята, коммерсанты, выдворившие Стива Джобса из Apple, потом приползли на коленях, моля о возвращении... Невозможно вынуть духовный стержень из такой сложной штуки, как “СтАрт”...

Восторг же напрямую связан с тем зрелищем, которое устроили ученики, ведомые Учителем... Не знаю, кто как, а на готике я чуть не заплакал от какого-то щемящего чувства восхищения... На Ренессансе не мог сдержать улыбку от такой простой и изысканной подачи, на классицизме хохотал в голос от музыки и стреляющих цилиндров.

Ну, вы даете, Ольга Аркадьевна!
Ну, вы даё-ё-ё-ё-те!!!»

У всякого Дамблдора неизбежно возникнет свой Орден Феникса, так ученики Ольги Аркадьевны и выпускники «СтАрта» создали несколько очень успешных студий детского архитектурного творчества, которые уже конкурируют между собой за внимание современных детей и родителей. Прекрасно, что идеи не уходят в песок, а конкуренция, как всегда, только улучшает продукт, образовательный — уж точно.

Уже как архитектору, а потом и как работодателю мне приходилось работать с выпускниками «СтАрта», и это всегда было особенное ощущение, как будто ты сталкиваешься с людьми другой породы, другого уровня восприятия и другого способа достижения результата, а главное, бесстрашия и желания экспериментировать.

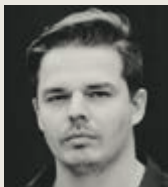
АЛЕКСАНДР ЕРМОЛАЕВ-МЛАДШИЙ
дизайнер, мастерская ТАФ

Отзыв о дипломном перформансе учеников Ольги Бармаш в 2014 году.

Фиксируя впечатление от события, спустя семь лет обратился к фотографиям того вечера. И вновь с удивлением и уважением обнаружил, какой мощный путь прошли ребята под руководством Ольги Аркадьевны. Ценно многое:

- сам современный формат презентации итогов — большой перформанс — синтез, совместность искусств;
- общая стильность происходящего, образов, костюмов;
- поражающая многосложность и остроумие сделанного юными авторами, где соединяются лихость фантазии, умелость рук и самое главное — поиск и выявление формулы осваиваемого;
- ясность идеи и пропедевтичность структуры выступления (от прошлого в будущее, с особым акцентом на авангарде).

За результатом виден большой процесс и рост, в котором ощущается глубокое знакомство ребят с миром архитектуры, здоровая ориентация в его эстетике, погружение в проблемы пластики через ручное делание. Это в первую очередь заслуга Ольги Аркадьевны. Привить детям любовь к осознанному творчеству, погрузить в самый сложный мир организации пространства, дать инструменты для будущего становления, помочь ощутить себя в мире искусства, как еще совсем молодого, но уже не пустого человека — важнейшее мастерство педагога.

ВИКТОР КРЫЛОВ
архитектор

Почему «СтАрт» — Хогвартс?

Занятия в студии проходили в пятницу и выходные дни. Всю неделю «обычной» школы я буквально проживал и отсчитывал время до своего «дома творчества». Мне было скучно и неинтересно выполнять монотонные задания и находиться там, где «надо», а не «хочется».

Сейчас я понимаю, что школа — не только про уроки, но и про атмосферу. Летом окна в «СтАрте» были распахнуты, мы вылезали на тротуар и бегали. Залезали обратно и снова что-то творили. У нас не было ограничений, нам помогали, нас учили видеть необычное в обычных вещах.

Это место больше похоже на Хогвартс, чем сам Хогвартс. Волшебная студия в волшебном историческом особняке. Я не помню ни одного неудачного дня или негативной минуты: только светлое, очень теплое и обволакивающее тебя за плечи чувство, домашнее и уютное. Помню, одна из мам всегда приносила термос с чаем и бутерброды и угощала всех. Даже чужие родители относились к каждому из нас как к своему ребенку. На контрасте с этим школа казалась вне магии: темной, холодной и страшной.

Каждый Новый год у нас в школе проходил тематический бал. Костюмы придумывали мы сами. Воплощали самые неординарные идеи и создавали сказку. Как-то раз я был аквариумом в прозрачной пленке-пончо, внутри этого прямоугольника были сшиты разные рыбки, водоросли из текстиля.

Первые годы обучения нам всегда помогали родители, но самое главное — с ранних лет у нас была возможность принимать решения самостоятельно. К этой магии нужно приучать детей, приводить их в такие школы и вместе с ними учиться чему-то новому. Я обязательно приведу своего сына в «СтАрт».

Ольга Аркадьевна — моя вторая мама в мире архитектуры, одна — родила, воспитала и помогала делать домашние задания в школу,

а вторая была в «СтАрте». Она учила меня творчески подходить ко всему. Думаю, у каждого в жизни есть Учитель, который становится примером и мотивацией работать и работать. Ольга Аркадьевна для меня такой человек.

В студии тогда было всего 100 детей, в каждой группе по 15. И за три-четыре часа занятия Ольга Аркадьевна успевала уделить время каждому. Мы могли вместе пофантазировать, порисовать или просто поговорить. Целый час мы общались с профессионалом и впитывали много полезного и интересного.

Это был мой единственный и самый главный преподаватель. Я всегда вспоминаю Ольгу Аркадьевну с невероятным теплом и улыбкой. Для меня школой была только она. В мире творчества и архитектуры она стала для меня проводником, магистром или ментором. Можно называть как угодно, но только благодаря ей я во всем вижу архитектуру, геометрические фигуры, пропорцию и структуру. Огромное ей за это спасибо.

Сам того не осознавая, уже в МАрХИ, я притягивался к людям исключительно из «СтАрта». Мы чувствовали друг друга и больше понимали. Интересно, первым заданием в университете была ОПК⁸, которую мы делали еще в студии в восемь-десять лет. Этот опыт «до» задал направление всей моей жизни. Это колыбель, которая нас выкормила, сформировала и заложила главные ценности: нас научили дружить, творить, мыслить и воплощать.

Меня научили волшебству, состоянию чистого творчества. Эти навыки пригодились мне и в работе. Я пошел не совсем по пути архитектуры. По простествии двадцати лет я больше предприниматель и создатель — придумываю, воплощаю проекты и идеи заказчиков, создаю атмосферу в команде и знаю, как сплотить коллектив. В меня вложили любовь к рисованию и проектированию, трудолюбию и пространственному мышлению, оригинальности и чувству гармонии. Это зерно поливали и удобряли, теперь я возвращаю его в других людях, которые мечтают работать в архитектуре.

НАТАЛЬЯ ЛАНСКАЯ
архитектор

Сейчас сложно себе представить такое притягательное и свободное место, каким была студия «СтАрт».

Все взрослые всегда видели в Ольге Аркадьевне богиню, архитектора с идеальным вкусом и достоинством. Мы тоже все знали, какая Ольга Аркадьевна прекрасная, но она никогда не давила своим авторитетом, ни разу я не помню ощущения, что ты пришел к мастеру, и вот она сейчас точно скажет и покажет единственно возможный вариант. Наоборот, Ольга Аркадьевна всегда поддерживала наши иногда абсурдные идеи, была готова к любым авантюрам, ни разу нас не мучали скучными академичными работами — чем живее, тем лучше. Для диплома Ольга Аркадьевна придумала для нас сложнейшую архитектурную тему: выбрать неудачное решение в городе и предложить свое решение, благо в середине нулевых выбирать было из чего. Задача, которая не всем взрослым архитекторам по силам, но, кажется, только такая масштабная работа и могла нас, сумасшедших подростков, по-настоящему увлечь. Я до последнего

не могла придумать, все было не то, как в один день мы с Ольгой Аркадьевной пришли в студию и начали рассказывать друг другу о странном светящемся шаре, который откуда-то возник сам. Мы тут же поняли друг друга — это было оно. В то время Москву не только активно застраивали вычурными лужковскими мутантами, но и прятали по-настоящему прекрасную архитектуру за бесчисленными баннерами. Реклама была буквально на каждом шагу. Этот бардак было решено перенести на шар, со встроенным внутри проектором, и запустить несколько таких объектов по городу.

По вечерам к нам приходил Андрей Иванович Таранов, по-хулигански закуривал в аудитории и со всей серьезностью консультировал нас, помогал найти решение. Так, в тринадцать-четырнадцать лет из детской школы мы тут же попали в magistraturу, где учились не просто фантазировать, а дерзко, но бережно работать с уже существующей средой. В один из вечеров Андрей Иванович рассказывал, как он впервые увидел капеллу Роншан, как аккуратно, затаив дыхание, подходил к ней, описывал те эмоции и чувства, которые, казалось, при нас переживал снова. Именно тогда я и поняла, что же такое архитектура, ради чего она существует. Эту магию, которую описывал Андрей Иванович, Ольга Аркадьевна научила нас видеть и создавать.

С теплотой вспоминаю людей, с которыми посчастливилось работать в «СтАрте»:

Екатерина Середнякова —
история мировой
художественной культуры

Марина Аркадьева —
архитектурно-художественное
проектирование

Альфья Матвеевко —
дизайн-театр, моделирование
костюма

Татьяна Базилевич —
объемно-пространственная
композиция

Алла Бочкарёва —
академический рисунок

Аркадий Немов —
художник-дизайнер,
оформитель выставок
«СтАрта».

Галина Равинская —
основы натурного рисунка

Особую благодарность хочу выразить всем авторам статей о «Старте», а также Ярославне и Семену Курковым, Марине Дмитриевской, Виктору Крылову, Федору Ращевскому, Саше Мановцевой, Ольге Ильиной, Михаилу Калинину, Елене Денисенко, Григору Мелконяну, Андрею Демидову и, конечно, всей моей семье.

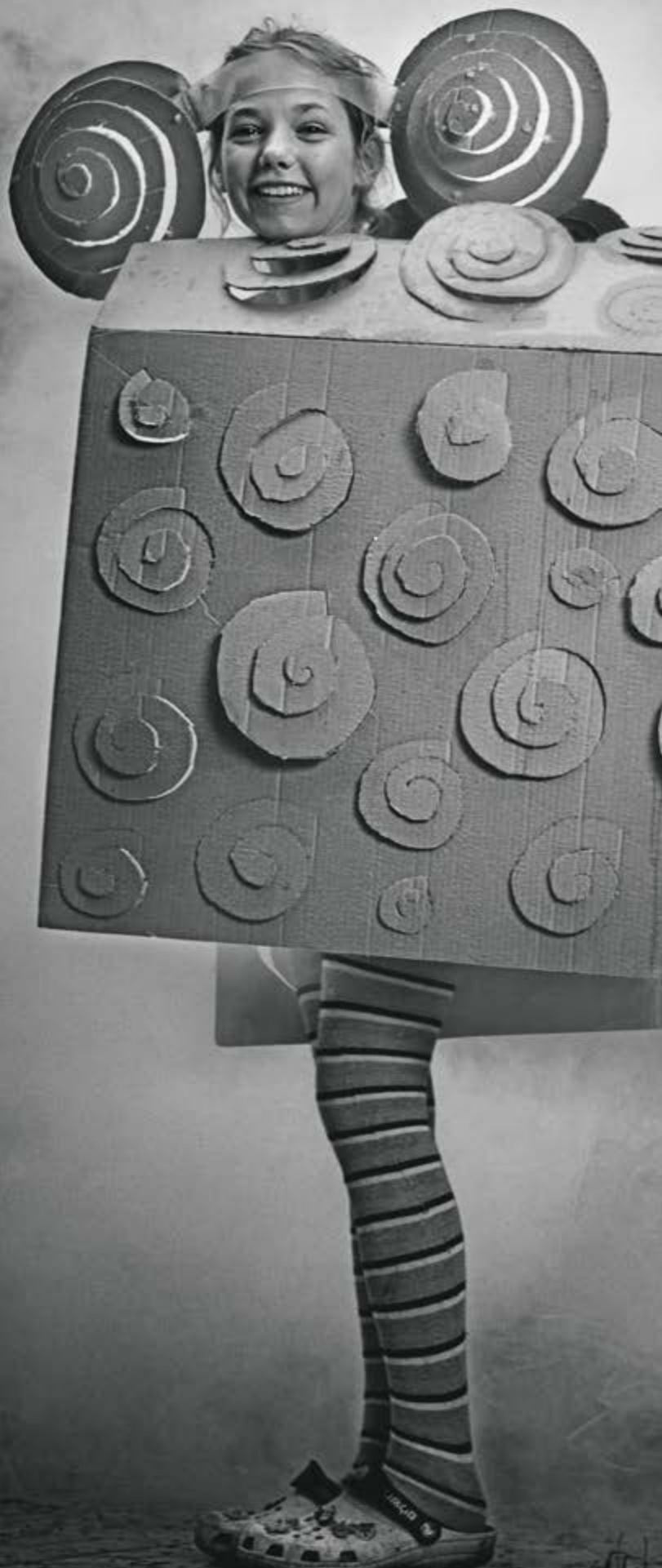
Проект «Арт-объект» в Суханово. Рыбка. Катя Пунякова, 10 лет

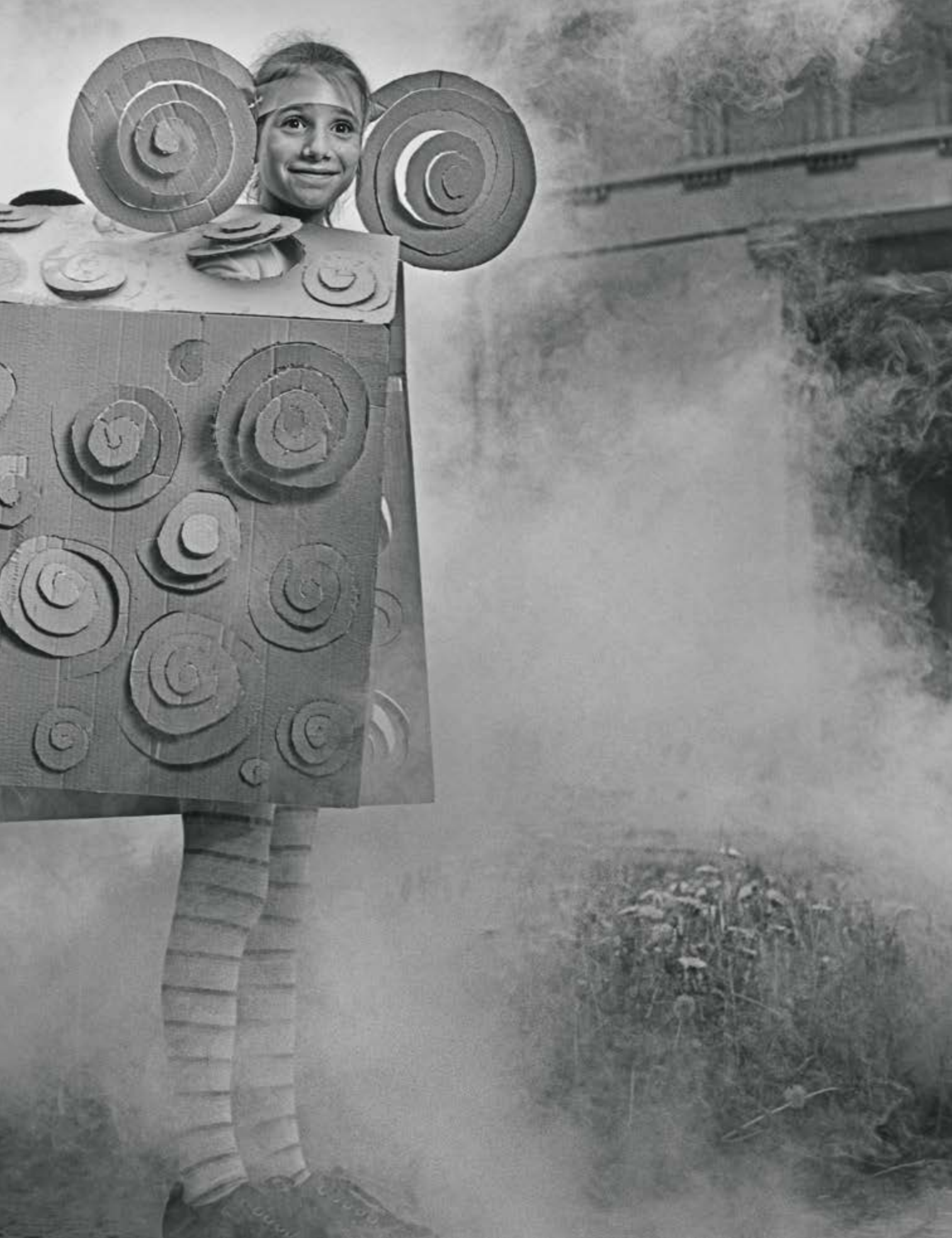

Дипломный проект. Раздел «Искусство готики».
Пламенеющий собор. Коллективная работа

Ольга Аркадьевна Бармаш

АРХИТЕКТУРА И ДЕТИ

Студия Архитектурного Творчества

A+A — совместный импринт ООО «АВСдизайн» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Главный редактор
Кася Денисевич

Арт-директор
Дмитрий Мордвинцев

Исполнительный директор
Кирилл Маевский

Выпускающий редактор
Екатерина Морозова

Корректор
Светлана Выгузова

Все новости A+A
на сайте: www.aplusabooks.ru

По вопросам оптовой закупки
книг проекта «A+A»
обращайтесь по телефону:
+7 499 763-32-27 или пишите:
sales@admarginem.ru

По всем редакционным вопросам
Пишите: info@aplusabooks.ru

Напечатано в полном
соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ООО «ИПК „Парето-Принт“»,
170546, Тверская область,
промышленная зона
Боровлёво-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru
Заказ №